
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1977

Борис Лобанцев, строитель Талимарджанского водохранилища.

ПОДВИГ В

Гильда Гросс, слесарь-моторист, дежурит на насосной станции № 4.

Омон Суяров, главный инженер треста «Гидрострой».

адреса великих свершений

В. НИКОЛАЕВ
Фото автора

СТЕПИ

На дне будущего искусственного моря.

ПОД РУКОВОДСТВОМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ТРУДЯЩИЕСЯ НАШЕЙ СТРАНЫ УСПЕШНО СПРАВИЛИСЬ С САМОЙ ГЛАВНОЙ И САМОЙ СЛОЖНОЙ ЗАДАЧЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ — СОЗИДАТЕЛЬНОЙ.

Из Постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции».

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

В «Огоньке» № 45 за 1976 год редакция сообщила, как она предполагает освещать на страницах журнала 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции, и пригласила принять участие в этом важном деле не только писателей, журналистов, фотокорреспондентов, но и всех своих читателей. В обращении, в частности, говорилось, что редакция ждет материалов, рассказывающих о сделанном за десять лет после 50-летия Октября. Я обратился с такой просьбой к начальнику «Каршистроя» Сулейману Рустамовичу Мурадову: охарактеризовать истекшее десятилетие работы освоителей Каршинской степи. Он привел такие факты:

В 1967 году в коллективе «Каршистроя» работало около 7 тысяч человек, сейчас — свыше 48 тысяч;

в 1967 году автопарк стройки насчитывал 930 машин всех марок, сейчас — 3866; в шесть раз увеличилось количество экскаваторов, в четыре — скреперов, в три — бульдозеров;

в 1967 году энергоемкость «Каршистроя» составляла 4 тысячи киловатт-часов, сейчас — 1,5 миллиарда;

в 1967 году жилой фонд освоителей целины насчитывал 122 тысячи квадратных метров, сейчас — 821 тысячу;

в 1967 году освоенных земель не было, сейчас 97 тысяч гектаров получают воду из Амударьи;

в 1967 году хлопок здесь не возделывался. В первом году десятой пятилетки земледельцами «Каршистроя» сдано государству 145 тысяч тонн хлопка.

— Последний факт,— сказал Мурадов,— главный, итоговый.

Далее Сулейман Рустамович, отвечая на мои вопросы, рассказал о поистине гигантских масштабах преобразований в степи, их уни-

Продолжение см. стр. 8—9.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

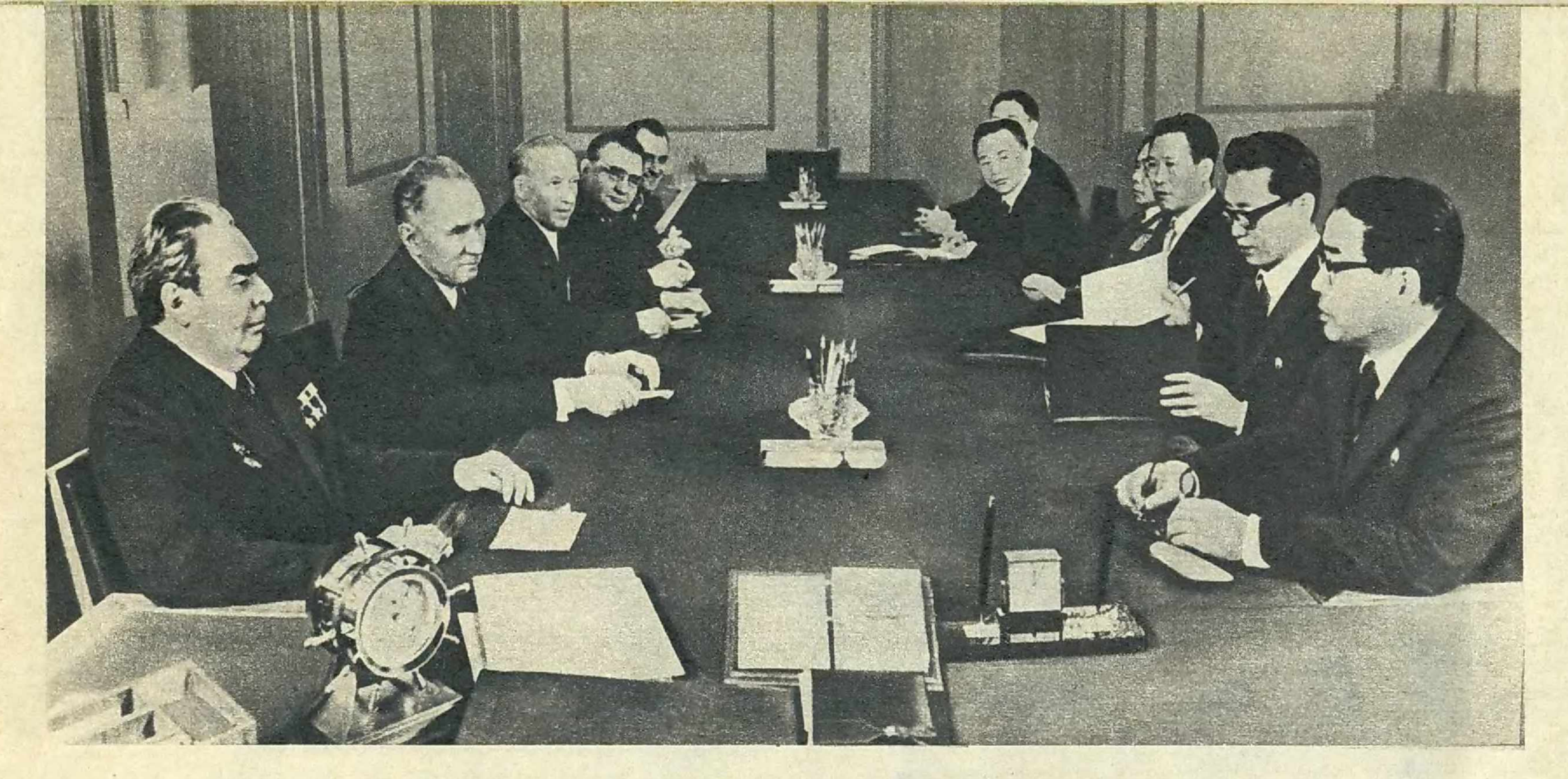

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 6 (2587)

5 ФЕВРАЛЯ 1977

ЗА УГЛУБЛЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА

26 января Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин приняли члена Политического комитета ЦК ТПК, премьера Административного совета КНДР Пак Сен Чера, находившегося в Советском Союзе с дружеским визитом.

В ходе беседы товарищ Л. И. Брежнев, в частности, подчеркнул, что Советский Союз последовательно поддерживает усилия КНДР, направленные на мирное демократическое объединение Кореи в соответствии с чаяниями корейского народа. Товарищ Пак Сен Чер заявил, что корейский народ высоко ценит эту интернационалистическую позицию Советского Союза.

Во время визита состоялись переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и членом Политического комитета ЦК ТПК, премьером Административного совета КНДР Пак Сен Чером. Стороны информировали друг друга об успехах социально-экономического развития СССР и КНДР, о претворении в жизнь решений XXV съезда КПСС и V съезда ТПК. Были обсуждены меры, направленные на расширение и углубление экономических и торговых связей между СССР и КНДР.

Стороны убеждены, что состоявшиеся переговоры послужат дальнейшему развитию отношений дружбы и сотрудничества между СССР и КНДР.

26 января товарищ Пак Сен Чер и сопровождавшие его в поездке корейские государственные деятели отбыли из Москвы на родину.

Во время приема Л. И. Брежневым и А. Н. Косыгиным Пак Сен Чера.

Фото А. Пахомова.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

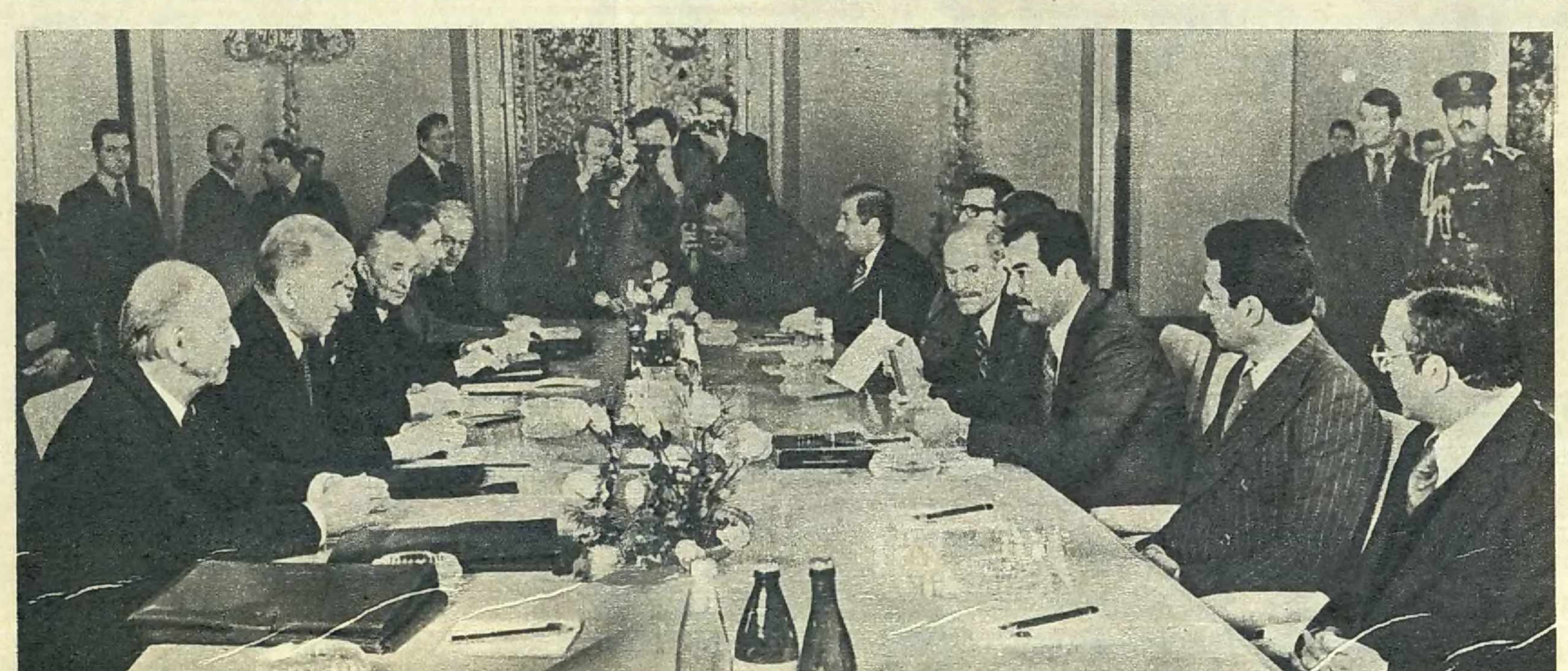
В Москву 31 января по приглашению ЦК КПСС и Советского правительства с официальным дружественным визитом прибыл заместитель генерального секретаря регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), заместитель председателя Совета революционного командования Иракской Республики Саддам Хусейн.

31 января в Кремле начались переговоры между заместителем генерального секретаря регионального руководства Партии арабского социалистического возрождения, заместителем председателя Совета революционного командования Ирака Саддамом Хусейном и партийно-правительственной делегацией Советского Союза в составе члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева, председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С. А. Скачкова, первого заместителя министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецова, первого заместителя министра обороны СССР, начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Маршала Советского Союза Н. В. Огаркова.

В ходе переговоров, проходивших в дружественной и деловой атмосфере, были рассмотрены вопросы дальнейшего упрочения сотрудничества между двумя странами. Состоялся обмен мнениями по актуальным международным проблемам, представляющим взаимный интерес. Особое внимание было уделено вопросам, связанным с обстановкой на Ближнем Востоке, и поискам путей всеобъемлющего урегулирования в этом районе.

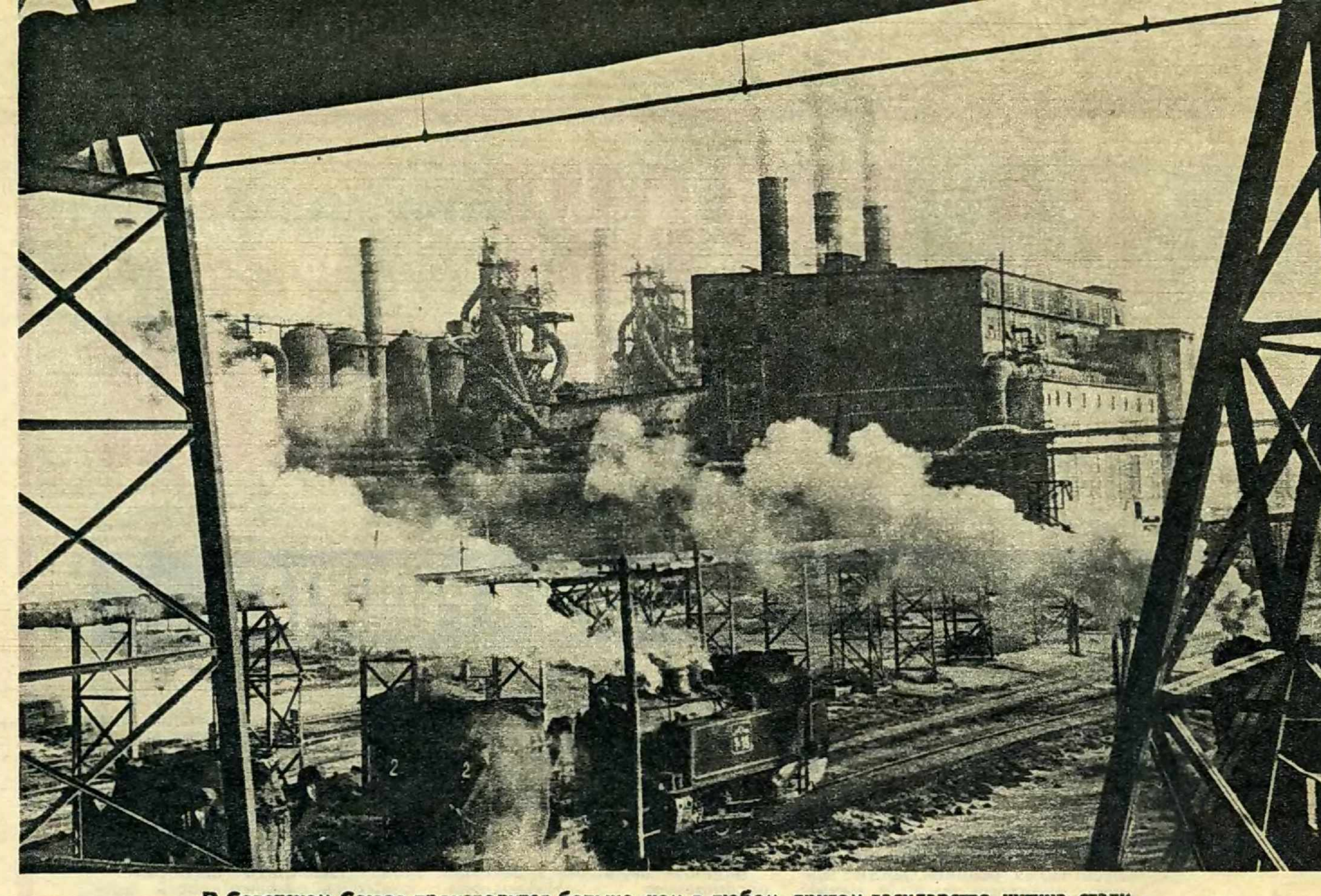
Во время переговоров.

Фото А. Гостева.

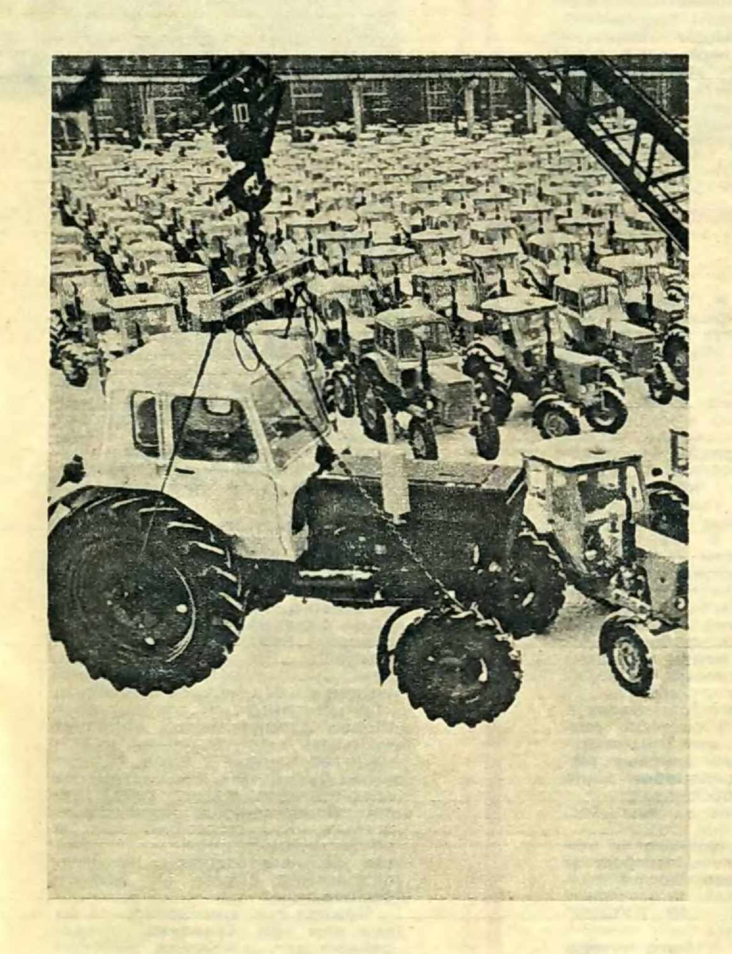
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС ОБРАЩАЕТСЯ К РАБОЧИМ И КОЛХОЗНИКАМ, СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, К ВОИНАМ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА, К КОММУНИСТАМ И КОМСОМОЛЬЦАМ, К НАШИМ СЛАВНЫМ ЖЕНЩИНАМ, К ЮНОШАМ И ДЕВУШКАМ, КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ С ПРИЗЫВОМ — ВСТРЕТИТЬ 60-Ю ГОДОВЩИНУ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НОВЫМИ УСПЕХАМИ В ТРУДЕ, ОЗНАМЕНОВАТЬ ЮБИЛЕЙ НАШЕЙ МОГУЧЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕРЖАВЫ НОВЫМИ ДОСТИЖЕНИЯМИ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ, НАУКИ И КУЛЬТУРЫ.

Из Постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции».

В Советском Союзе производится больше, чем в любом другом государстве, чугуна, стали...

НАВСТРЕЧУ СЛАВНОМУ ОКТЯБРЮ

Ныне в сельском хозяйстве Советского Союза работают 2,3 миллиона тракторов, 680 тысяч зерноуборочных комбайнов и другая разнообразная техника. Общий объем сельскохозяйственной продукции возрос за годы Советской власти в 4,4 раза.

ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ XX ВЕКА

Это первое февральское утро второго года десятой пятилетки запомнится надолго: в метро, на улицах, у киосков, в трамваях, в обеденный перерыв в цехах ленинградцы спешили ознакомиться с Постановлением ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции».

В городе Ленина, где в Октябре тысяча девятьсот семнадцатого была провозглашена Советская власть, люди приступили к работе с радостным настроением. Это я заметил в первые же минуты рабочего дня у себя на заводе, где создаются крупные генераторы для бурно развивающейся в нашей стране энергетики.

«Победа Октября — главное событие двадцатого века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества»,— говорится в Постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции».

Да, это действительно так! Под руководством Коммунистической партии трудящиеся нашей страны претворили в жизнь ленинский план строительства социализма.

В год шестидесятилетия Октября мы стремимся достигнуть наилучших показателей в работе. Как это сделать? Об этом сказано в решениях XXV съезда КПСС, в докладе и выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. Мы делаем все, чтобы добиться создания высококачественных генераторов. Сегодня наша «Электросила» не просто крупнейшее промышленное предприятие, а единый комплекс: наука — производство. Мы обязались бороться за то, чтобы эффективность производства была неразрывно связана с улучшением качества. Наше объединение вместе с другими выступило с инициативой социалистического соревнования по сокращению конечных сроков создания новых машин в полтора-два раза.

У нас давние и хорошие творческие связи с москвичами. Это традиционное социалистическое соревнование с коллективами столичных предприятий мы, ленинградцы, будем еще энергичнее и плодотворнее развивать в честь 60-летия Великого Октября.

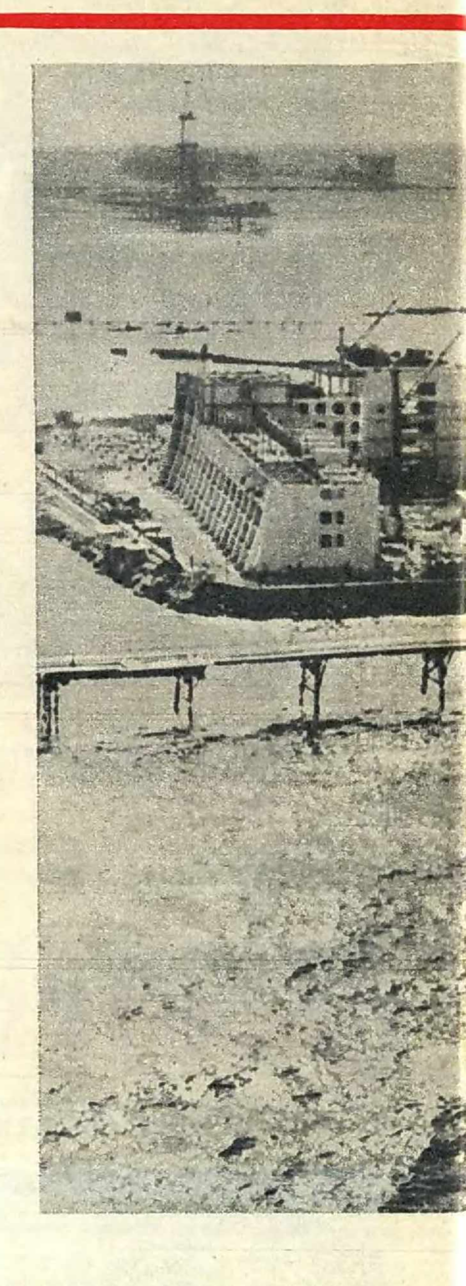
Ю. ВРУБЛЕВСКИЙ,
мастер завода «Электросила» имени С. М. Кирова, Герой Социалистического Труда

Каждые два года в нашей стране вводится больше жилья, чем было в городском жилищном фонде в России перед революцией.

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

ЛАВСАН, НИТРОН И СПАНДЕКС

Первый год десятой пятилетки стал особым для тружеников промышленности химических волокон. В канун 1977 года выпуск таких волокон достиг одного миллиона тонн. К концу десятой пятилетки эта отрасль народного хозяйства должна выйти на большой рубеж — 1450—1500 тысяч тонн.

Наш корреспондент попросил заместителя министра химической промышленности СССР В. П. ЮНИЦКОГО рассказать о ближайших перспективах отрасли:

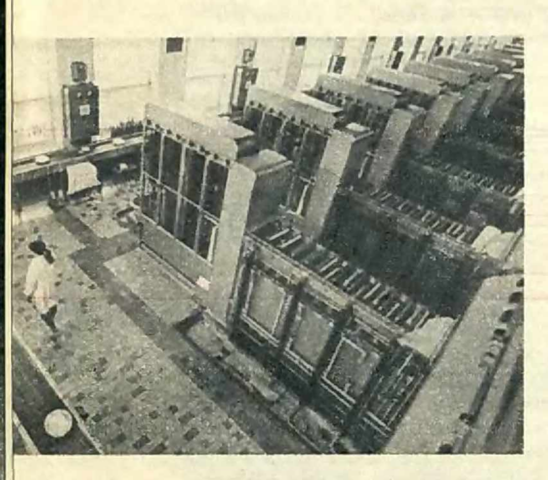
— Как и раньше, быстрыми темпами станет развиваться производство синтетических волокон, особенно лавсана и нитрона. Вырастет производство штапельного волокна. Предстоит наращивание крупных мощностей предприятий, поставляющих объемную лавсановую нить типа кримплена. Значит, легкая промышленность сможет увеличить выпуск добротных тканей, готового платья, верхнего трикотажа. Их будут вырабатывать как из чисто химических волокон, так и в сочетании с волокнами натуральными.

Большое внимание уделяется расширению производства специальных волокон для ковровой промышленности и текстурированных капроновых нитей.

Учтены и технические нужды. В Кемерове и Житомире вступили в строй новые предприятия по производству капронового корда — это для шин. Увеличена мощность некоторых других предприятий, поставляющих такой корд. Благодаря этому возрос выпуск высококачественных шин повышенной ходимости, транспортерных лент и других товаров. Предусматривается и дальнейший рост производства капронового корда и технических нитей.

Уверенно шагает новая техника. Разрабатываются и внедряются сокращенные процессы, высокопроизводительные автоматизированные системы машин и аппаратов. Они позволят значительно снизить затраты труда, повысить качество волокон, расширить ассортимент, повысить эффективность производства не только в нашей отрасли, но и в легкой промышленности.

Предстоит освоение новых видов волокон. В 1976 году начался выпуск высокоэластичного волокна типа спандекс. В будущем году войдет в эксплуатацию крупное производство поливинилхлоридного волокна и значительно возрастет выпуск полипропиленовых волокон. За годы десятой пятилетки будет налажено производство сверхпрочных термостойких нитей — по прочности они значительно превосходят сталь,— специальных негорючих и других волокон. Все это позволит полнее обеспечить советских людей высококачественными изделиями, а нашу технику — новыми материалами.

НОВОСИБИРСК

ЗДЕСЬ ПЕЧАТАЮТ ФИЛЬМЫ

В детстве я думал, что каждый кинофильм существует в единственном экземпляре и его возят по стране поочередно из города в город, чтобы все успели посмотреть. И я, помню, очень боялся, что до нас не доедет «Чапаев»: изорвется от частых показов. Но он благополучно доехал... Значительно позже я узнал, что фильмы печатаются на специальных фабриках, а теперь вот решил посмотреть, как это делается.

— Как? — переспросил директор Новосибирской кинокопировальной фабрики Лев Никифирович Ездаков и повел меня по цехам.— Смотрите сами...

Я прилежно смотрел, но... ничего не видел. То есть я видел людей в белых халатах, сложное оборудование с автоматизированным управлением, увидел, наконец, даже готовый фильм, который показывали на маленьком экране. Только кадры его мелькали с повышенной скоростью, и актеры тоже говорили быстро-быстро тонкими, как у Буратино, голосами. Здесь контролеры проверяли техническое качество копий. Вот работка-то — смотреть ежедневно по нескольку часов один и тот же фильм!

Я отправился дальше, но по-прежнему видел только всякие умные машины, в недрах которых происходило превращение серебра в изображения талантливых актеров, или пейзаж, или смешные и трагические ситуации, которые заставят зрителя сострадать или смеяться. Попутно мне объяснили, что любой снятый фильм сдается в специальное хранилище, а на фабрику поступают лишь контратипы, с которых и копируются тиражи. В стране всего шесть кинокопировальных фабрик. Новосибирская среди них — одна из крупнейших. Она возникла в тяжелые военные годы на базе московской фабрики. Тогда в год печаталось около шести миллионов метров фильмокопий.

— При нынешних наших темпах тогдашнюю годовую программу можно выполнить всего за неделю: фабрика печатает в сутки почти миллион метров фильмокопий,— сказал директор.

Я взглянул на часы. Экскурсия кончалась. В светлой комнате, куда мы зашли напоследок, громоздились круглые жестяные коробки. Коробок было много, и директор сказал:

— Их привезли за тот час, пока мы ходили.

Я прикинул, сколько в эти коробки уместилось метров, и поразился: вышло сорок тысяч...

Ю. ЛУШИН

Фото автора

На снимке: здесь проявляют кинокопии.

БАКУ

ЭТАЖИ НАД КАСПИЕМ

Легендарные Нефтяные Камни. Город-чудо в море. Серебряными нитями пролегли над волнами эстакады. На стальные проспекты бусинками нанизаны площадки и основания, над которыми встали пирамиды вышек.

В ожерелье свайного городка вписался необычный жилой комплекс. Его этажи поднялись на засыпной акватории скальной гряды острова Чванов — того самого, с которого и началась овеянная романтикой и славой биография Нефтяных Камней. Пятиэтажный комплекс, по замыслу проектировщиков из бакинского института «Гипроморнефть», после завершения строительства образует на почти двухгектарном участке, отвоеванном у моря, гигантскую букву «Ж». Он состоит из соединенных между собой семи белоснежных корпусов — жилых, культурно-бытовых и общественного. Им не страшны ни злые штормы, ни землетрясения силой до восьми баллов.

Номера гостиничного типа на два или три человека, гардеробные для хранения рабочей спецодежды, душевые, парикмахерские, холлы с телевизорами, телефонами и настольными

Жилой комплекс на Нефтяных Камнях.

играми, буфет, магазины и многое другое создают домашний уют и комфорт для тех, кто приходит в гостеприимный дом после напряженной работы в море.

Сейчас завершается проектирование еще двух корпусов. На их этажах разместятся здравпункт, столовая на 250 мест, конференц-зал, библиотека с читальней, аудитории филиала вечернего нефтяного техникума и крытый спортивный зал. Крыши этих зданий будут использованы в летнее время под кинотеатр, чайхану и солярий.

— Большой дом-общежитие для нефтяников Каспия,— говорит начальник нефтегазодобывающего управления имени XXII съезда КПСС, лауреат Ленинской премии Б. Гаджиев,— обеспечивает сервисом и жильем сразу полторы тысячи человек. Заступая на семидневную вахту в открытом море, чередующуюся с последующим недельным отдыхом на Большой земле, покорители Каспия знают, что в часы досуга их ожидают вкусная пища, умная книга, интересная телепередача, фильм, лекция или концерт. А это дает им новый заряд энергии в каждодневных поединках с суровым Каспием, нехотя отдающим свои сокровища.

Г. ПОГОСОВ
Фото автора

СКОЛЬКО ВАС, ТИГРЫ?

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

На протяжении последних десятилетий тигр отступал перед человеком. Заметно упала численность тигров в Индии, бесследно исчез еще в начале века живший в Средней Азии туранский тигр.

Сейчас у нас в стране тигр «квартирует» только на Дальнем Востоке. Точнее, в лесах Приморья и южной части Хабаровского края.

В мирном соседстве, стараясь не встречаться на таежной тропе, многие годы жили человек и тигр. Хозяин уссурийской тайги предпочитал держаться подальше от населенных пунктов.

Но в последние годы тигр все чаще и чаще стал напоминать о себе. Его стали замечать на проезжей части лесных дорог, на деревенских околицах, участились случаи нападения тигров на домашних животных.

Тогда-то и встал вопрос: сколько вас, тигры?

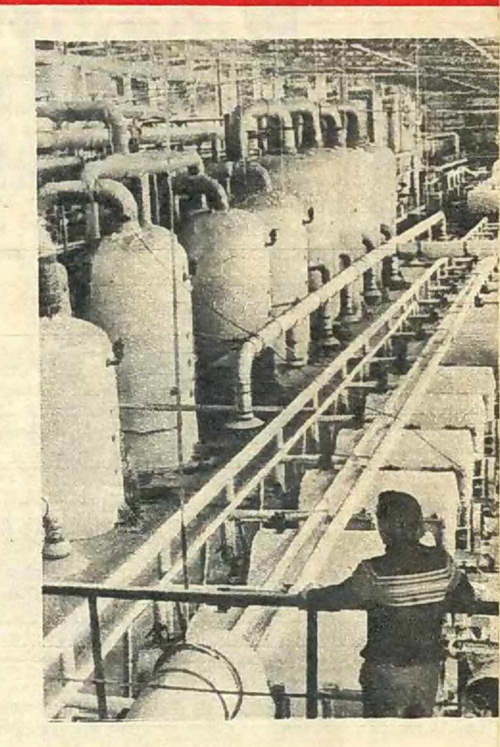
— Мы еще в семьдесят втором начали готовиться к серьезной работе по подсчету тигров,— рассказывает начальник Приморского краевого управления охотничье-промыслового хозяйства Николай Петрович Иванов.— Тогда впервые был проведен учет тигров. Данные показали, что в приморской тайге обитает до ста хищников и около сорока в Хабаровском крае. Прошло пять лет, и, естественно, за это время тигриное семейство заметно увеличилось.

Сейчас готовится очередная операция по учету тигров, методику которой разрабатывают специалисты Центральной научно-исследовательской лаборатории Главохоты РСФСР, Тихоокеанского института географии, Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства. Готовимся к этой работе и мы. Промысловики, охотоведы, егеря уже сейчас наносят на свои маршрутные карты тигриные тропы. В первых числах февраля мы начнем операцию «Тигр». При этом надо будет учесть некоторые особенности. Самка-тигрица приносит по два-три тигренка раз в три года. Срок тигриной жизни ориентировочно двадцать пять лет. Естественный падеж очень незначителен. Отлов для зоопарков — по три-четыре тигра в сезон. За последнее время заметно изменилась экология этого зверя. Как ни странно, но в семидесяти километрах от Владивостока сейчас «прописались» несколько тигров.

Цель, которую мы ставим, проводя учет, не ограничивается только подсчетом этих красивых хищников. Мы хотим найти пути решения очень важной проблемы — сосуществования человека и тигра.

В. КУЗНЕЦОВ,
Фото автора

УКРАИНА

СЛАДКИЙ ЗАВОД

Шесть тысяч тонн сахарной свеклы в сутки сможет перерабатывать крупнейший на Украине сахарный завод, который построен возле Теофиполя в Хмельницкой области. Он полностью механизирован и автоматизирован. В цехах действует более тысячи электромоторов разной мощности.

А. АФАНАСЬЕВ
Фото автора
На снимке: участок выпарки сиропа.

ХААПСАЛУ

СВИДАНИЕ С ЛУННОЙ ДЕВОЙ

Низко висит над горизонтом полная луна, бледный свет выхватывает из темноты руины Хаапсалуского замка с высокой башней. И вдруг в окне часовни появляется силуэт женщины в старинном белом платье.

— Который раз ее вижу и не могу налюбоваться,— посасывая трубку, тихо заметил мой сосед, высокий, сухопарый старик в рыбацкой куртке.

Мы разговорились. От дядюшки Антса — так звали моего нового знакомого — я и услышал легенду о «белой даме».

— Давно это было. Замок тогда принадлежал сааремаскому епископу. Жестокий был человек. Строго-настрого запрещалось приглашать в замок женщин. Но любовь всесильна. Однажды появился в замке новичок — мальчик-хорист. Понимаете? Так проникла в замок возлюбленная одного из его обитателей. Один монах рассказал обо всем епископу. Последовал приказ: обыскать замок. Тайна раскрылась. Долго заседал домский капитул. По приговору монахов юношу уморили голодом, а девушку замуровали в стене. С тех пор каждый год в конце лета в окне часовни виден ее силуэт, словно говорящий, что любовь вечна...

Старший научный сотрудник краеведческого музея Тийт Сыэльсепп объяснил мне загадку «белой дамы».

Именно в августе, во время восхода полной луны, свет попадает в крещальню через восточное окно, и на стене появляется его готическая форма. Она искажена, потому что в окне есть цветные стекла, мешающие свету проникать равномерно. Пятно, отражаясь в южном окне, напоминает фигуру женщины в длинном платье.

Романтическая поэма любви, дошедшая до нас из средневековья, продолжает жить в курортном эстонском городке. Ее можно прочитать в путеводителе по Хаапсалу. В ночь появления «белой дамы» сюда приезжают туристы, проводятся музыкальные фестивали. Поэты посвящают стихи лунной деве.

А. ХАРЧЕНКО

БЛИЖНЕМУ ВОСТОКУ — ПРОЧНЫЙ МИР

Юрий КОРНИЛОВ

На Ближнем Востоке молчат пушки, ветер рассеял дымы пожарищ над городами и селами Ливана. Но в Тель-Авиве по-прежнему звучат угрозы в адрес арабских стран, израильские военные самолеты то и дело совершают провокационные рейды над районами Южного Ливана, на оккупированных Израилем арабских землях полным ходом идет строительство военизированных поселений, а империалистические и реакционные круги не прекращают попыток накалить атмосферу... Ближний Восток остается опасным очагом международной напряженности, «горячей точкой» планеты.

Взрывоопасная ситуация, сохраняющаяся на Ближнем Востоке, — прямое следствие того, что, несмотря на усилия многих стран и требования международной общественности, ключевые проблемы этого района до сих пор не решены. Скоро 10 лет, как Израиль незаконно оккупирует 60 тысяч квадратных километров арабских территорий. Трехмиллионный палестинский народ, имеющий такое же право на независимость и собственную государственность, как и любой другой народ, разъединен, рассеян по многим странам. Правящие круги Израиля, поощряемые и поддерживаемые определенными империалистическими кругами извне, продолжают курс на закрепление оккупации всех или по крайней мере части арабских земель.

И все же, хотя в целом обстановка на Ближнем Востоке остается взрывоопасной, а напряженность там приняла затяжной характер, нет оснований делать вывод, что положение в этом районе безысходно. Усилиями многих государств, включая Советский Союз, выработана реалистическая и надежная основа для того, чтобы развязать сложный и опасный ближневосточный узел. Речь идет о необходимости вывода израильских войск со всех оккупированных в 1967 году арабских земель, обеспечении законных национальных прав арабского народа Палестины, в том числе его права на создание собственного государства, обеспечении безопасности всех ближневосточных государств и, наконец, прекращении состояния войны между арабскими странами и Израилем.

Известно, что на протяжении длительного времени определенные западные круги, как и некоторые находящиеся под их влиянием или недостаточно дальновидные арабские деятели, усердно рекламировали возможности так называемого «поэтапного урегулирования» ближневосточного конфликта по рецептам Вашингтона. Ныне всем очевидно, что американская «дипломатия малых шагов», сопровождаемая пресловутыми «челночными операциями», исчерпала себя, так и не принесла сколько-нибудь серьезных положительных результатов. Не вызывает сомнений, что единственная альтернатива кризисной ситуации на Ближнем Востоке — радикальное и всеобъемлющее политическое урегулирование с участием всех сторон, вовлеченных в конфликт.

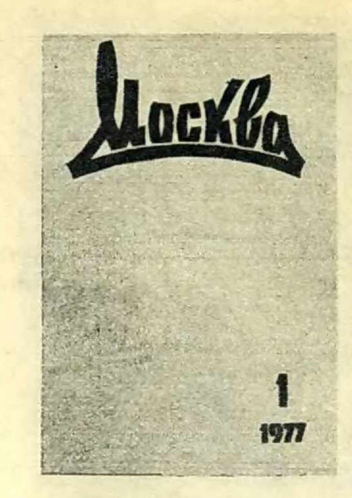
Естественно, возникает вопрос: существует ли международный механизм, дающий возможность всесторонне обсудить ближневосточный конфликт и выработать необходимые договоренности по установлению мира в этом районе? Да, такой механизм есть: это Женевская мирная конференция по Ближнему Востоку. Советский Союз, последовательно и неуклонно отстаивающий дело упрочения мира на Ближнем Востоке, активно выступает за скорейшую встречу в Женеве при участии всех заинтересованных сторон, включая Организацию освобождения Палестины. «Ближнему Востоку, — отметил, выступая в Туле, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — нужно прочное и справедливое урегулирование, которое не ущемляло бы жизненных прав ни одного государства, ни одного народа. Конечно, Израиль имеет право на государственную независимость и безопасное существование. Но такое же право имеет арабский народ Палестины».

Принципиальная позиция СССР, продиктованная подлинной заботой о мире на Ближнем Востоке, встречает понимание и поддержку трезвомыслящих политических и государственных деятелей разных стран, широкой международной общественности. За созыв Женевской конференции еще до конца марта нынешнего года высказалась XXXI сессия Генеральной Ассамблеи ООН. В поддержку этого форума выступают Египет, Сирия, другие арабские государства, важность такой встречи подчеркивают все прогрессивные, патриотические силы, требующие от Израиля отказа от политики экспансии, возвращения оккупированных арабских территорий, признания национальных прав арабского народа Палестины.

Усилия по обеспечению прочного мира на Ближнем Востоке наталкиваются на ожесточенное противодействие врагов мира, недругов разрядки. Империализм, сионистские и реакционные круги стремятся ослабить волю арабских народов к борьбе, провоцируют междоусобные конфликты арабов против арабов. О том, какими серьезными опасностями чревато затягивание ближневосточного урегулирования, наглядно свидетельствуют недавние трагические события в Ливане — события, инспирированные теми, кто хотел нанести удар по национально-освободительному движению, отвлечь внимание арабских государств от первопричины напряженности — агрессии Израиля. На собственном, подчас горьком и тяжелом опыте арабские народы вновь и вновь убеждаются, кто их действительный враг, а кто друг и союзник, какова подлинная цена «благодеяний» империализма. О том, что арабские патриоты не намерены рассчитывать на такого рода «благодеяния», свидетельствуют, в частности, недавние массовые волнения в Египте, где провозглашенная Каиром «политика открытых дверей» перед западным капиталом привела к резкому обострению экономических трудностей.

Положение, сложившееся на Ближнем Востоке, остается сложным, в этом районе переплетаются и сталкиваются противоречивые, нередко полярно противоположные тенденции и линии политики. Путь к прочному миру на Ближнем Востоке — путь нелегкий, непростой. Тем важнее удвоить, утроить усилия по урегулированию конфликта! Что касается Советского Союза, он преисполнен решимости и впредь активно и настойчиво вести курс на ликвидацию военного очага на Ближнем Востоке, на обеспечение безопасности и мира для всех государств и народов этого района.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПОЗДРАВЛЯЕМ, «МОСКВА»!

Исполнилось двадцать лет журналу «Москва». Срок, казалось бы, небольшой, но для журнала вполне достаточный, чтобы сказать свое слово в сложном литературном многоголосье. И мы рады, что слово «Москвы» с первых дней звучит весомо и зримо. На ее страницах были опубликованы произведения, многие из которых стали яркими явлениями мировой и советской литературы. Достаточно вспомнить «Они сражались за Родину» М. Шолохова, «Дым отечества» К. Паустовского, «Человек и оружие» О. Гончара, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, произведения Г. Коновалова, А. Иванова, П. Проскурина, В. Солоухина, Е. Исаева, А. Кулешова, С. Смирнова — целый ряд значительных повестей, романов, поэм, пьес, очерков, не прошедших мимо читательского внимания, не оставивших равнодушными сердца самых разных людей, кому дорого и важно писательское слово.

Просматривая комплект журнала «Москва» за два десятилетия, нельзя не обратить внимание на то, как разнообразен, многолик его авторский актив — писатели самых различных творческих манер и стилей встречаются на его страницах. Их «сближает одно, решающее и самое главное,— пишет в статье, открывающей юбилейный, первый в 1977 году номер «Москвы», его главный редактор М. Алексеев,— горячее желание и стремление служить своим искусством народу, партии, социалистическому Отечеству».

Трудно да и невозможно перечислить всех, кто выступил в «Москве», но необходимо сказать, что не только многообразен и разноязычен ее голос. Да, разноязычен, так как авторы журнала живут не только в столице, но и в самых дальних уголках нашей страны, журнал щедро предоставляет свои страницы писателям братских республик и зарубежным авторам.

И еще об одной особенности «Москвы» хочется вспомнить, оглядываясь на пройденный журналом путь. Вот уже несколько лет его 6-й номер целиком состоит из произведений молодых авторов. Активная работа с молодыми писателями привлекает в журнал новые литературные силы, делает его еще более динамичным и глубоким.

Словом, это очень хороший, интересный журнал, с честью несущий свое гордое, известное всему миру имя — имя столицы нашей Родины.

«Огонек» от души поздравляет коллектив редакции журнала «Москва», его многочисленных авторов и желает журналу долгого и счастливого пути в литературе.

КОНКУРС

ПО СЛЕДАМ СОВЕТСКОГО ДИПЛОМА

Великий Октябрь стал началом рождения нового, невиданного на Земле мира — МИРА СОЦИАЛИЗМА. На протяжении жизни одного поколения преобразился социальный облик планеты, уже пятнадцать стран идут сегодня по пути социалистического созидания. В них живет треть населения земного шара! Из года в год растет их экономическая мощь, и важное место в нашем сотрудничестве занимала и занимает подготовка квалифицированных национальных кадров.

Дорогие читатели! «Огонек» приглашает вас принять участие в новом конкурсе. Мы назвали его ПО СЛЕДАМ СОВЕТСКОГО ДИПЛОМА и проводим его вместе с журналами социалистических стран.

Больше восьмидесяти пяти тысяч дипломов об окончании советских вузов и аспирантуры получили посланцы стран социализма. Сегодня в Советском Союзе обучается свыше двадцати пяти тысяч студентов и аспирантов. Мы приглашаем вас, дорогие читатели, отправиться по следам советского диплома и ответить на вопросы «Огонька», не обязательно на все.

САМЫЕ ИНТЕРЕСНЫЕ ИЗ ПРИСЛАННЫХ МАТЕРИАЛОВ И ФОТОГРАФИЙ БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ В «ОГОНЬКЕ» И НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН.

Мы ждем писем от вас, студенты и выпускники советских вузов из Болгарии, Вьетнама, Венгрии, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии.

Мы обращаемся ко всем нашим читателям, которые учились, дружили, работали или работают вместе с выпускниками советских вузов из стран социализма.

Мы просим написать нам также преподавателей, у которых учились или учатся в наших вузах представители этих государств.

НАГРАДЫ КОНКУРСА

Первая премия — 10 поездок к друзьям по институту. 5 советских участников конкурса получат возможность провести неделю в стране, где живет его друг и знакомый. 5 зарубежных участников приедут на неделю к своим советским друзьям и коллегам.

Вторая премия — 5 советских и 5 зарубежных участников конкурса получат подписку на «Огонек» на 1978 год.

Третья премия — 10 альбомов с автографами известных советских деятелей науки, культуры и искусства.

ВОПРОСЫ К СОВЕТСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Расскажите, как вы познакомились и подружились со студентом или бывшим студентом из социалистической страны? Чем привлек вас этот человек? Как помог понять и узнать его страну?

Расскажите подробно о самом памятном эпизоде вашей дружбы.

Свидетелем какого важного события в жизни вашего зарубежного друга, знакомого вы были? Расскажите о нем.

Кем стал ваш бывший ученик, сокурсник, знакомый из страны социализма?

Встречались ли вы впоследствии? Переписываетесь семьями? Если у вас продолжаются деловые контакты — расскажите об этом.

Вспомните о первом уроке русского языка студента социалистической страны, свидетелем которого вы стали.

Какая черта жизни СССР вызвала у зарубежного студента наибольший интерес?

Если у вас сохранились письма, фотографии, дневники студенческих лет, где отражена дружба с вашими ровесниками или знакомыми из социалистической страны, — познакомьте нас с ними.

Сообщите свое имя, фамилию, возраст, профессию, ваши предложения организаторам этого конкурса.

ВОПРОСЫ К ЗАРУБЕЖНЫМ УЧАСТНИКАМ КОНКУРСА

Вспомните о том дне, когда вы получили диплом об окончании советского вуза. Что значит для вас этот диплом?

Расскажите, как сложилась ваша рабочая биография? Какие научные открытия, какие награды вы имеете?

Поддерживаете ли связи с вузом, где вы учились? С друзьями, педагогами? Если да — расскажите о них.

Кем стали ваши соотечественники, которые также учились в Советском Союзе?

Каким запомнился вам самый первый урок русского языка? Расскажите о вашем интересе к русскому языку, советской литературе, искусству. Выписываете ли вы советские газеты, книги, журналы?

Как, при каких обстоятельствах вы встретили советского человека, которого назвали своим другом?

Расскажите о самом памятном из вашей жизни в СССР. Напишите о забавной истории из дней вашей учебы, которую вспоминаете с улыбкой.

Встречаетесь ли вы у себя на родине с теми, кто, как и вы, учился в Советском Союзе? Напишите нам о том, как проходят эти встречи.

Какую помощь вы хотели бы получить из своего института? С какой деловой целью хотели бы снова приехать в СССР?

Если сохранились ваши письма, фотографии студенческих лет, пришлите нам самые интересные из них. Расскажите историю этих снимков!

Сообщите о себе: имя, фамилию, возраст, профессию. Расскажите о своей семье. Желательно получить ваши письма на русском языке.

На конверте напишите: СССР, Москва, А-15. Бумажный проезд, 14, «Огонек». Конкурс «По следам советского диплома».

Вниманию участников конкурса! Мы ждем ваших писем до 1 июня. Срок определяется по дате почтового штемпеля. Материалы, присланные позже, рассматриваться не будут. Представленные на конкурс работы не рецензируются и не возвращаются (за исключением документов и снимков).

ИТОГИ КОНКУРСА БУДУТ ОБЪЯВЛЕНЫ В АВГУСТЕ 1977 ГОДА

«Мы из МГУ!» Фото А. Бочинина.

ПОДВИГ В СТЕПИ

Начало см. на 2-й стр. обложки.

кальном характере и заключил нашу беседу так:

— Берите завтра с утра наш самолет и полетайте над степью. Только так, сверху, с помощью самолета, можно охватить и понять всю нашу стройку, наглядно представить ее размах.

УНИКАЛЬНЫЕ СВЕРШЕНИЯ

Итак, в сопровождении редактора газеты «Степной край» (орган «Каршистроя») Исама Джалиловича Джалилова и секретаря комитета комсомола «Каршистроя» Айбека Игамова забираюсь в миниатюрный по нашим временам АН-2.

— Куда лететь?— спрашивает пилот.

— К Амударье, вдоль канала,— отвечаем мы.

— На какой высоте?

— Пониже, чтоб лучше видно было.

От Карши, центра Кашкадарьинской области, до Амударьи путь немалый. Едва поднявшись над степью, мы летим на юг вдоль бесконечной ленты Каршинского магистрального канала. Сверху вода выглядит по-зимнему серо-зеленой на фоне припушенных снегом полей. А они, раскинувшись по обе стороны канала, уходят за горизонт. Здесь, на юге Узбекистана, снег и в январе едва-едва лег на землю и не скрыл от взора трудовую геометрию освоенной степи. Она ровная, как стол, вся в четких линиях — бороздах. Сколько же земли здесь вырыто, перемещено, разровнено! Мои спутники отвечают мне, что объем земляных работ исчисляется сотнями миллионов кубометров. Рассказ тем более весом, что эти кубометры прошли перед их глазами. Джалилову за пятьдесят, Айбек вдвое моложе, но оба родились и выросли в этих местах, и стройка — главное дело их жизни.

Канал извивается живой лентой, не так беспорядочно, как равнинная река, а плавно, я бы сказал, изящно. «Это не причуды проектировщиков,— поясняют мне.— Направление русла зависит от рельефа местности, а главное — от раскинувшихся вдоль канала совхозных поселков». Их четкие, правильные очертания, хорошо видные с высоты ровные улицы и аккуратные постройки лишний раз подчеркивают строгую величавость преобразованной степи.

Да, внизу, под нами, живая земля! Но вот что было написано о ней в географическом справочнике, изданном, кстати, ровно десять лет назад, в 1967 году: «По существу, это не обычные степи, как, например, на юге европейской территории Союза, а глинистые пустыни, покрытые скудной травянистой растительностью, да и то только в весеннее время».

Человек привел в эту пустыню воду, и все в ней преобразилось. Но как нелегко было привести сюда воду! Вот мы видим сверху: канал перекрыт зданием, похожим по архитектуре на плотину с электростанцией. От него идут гигантские трубы — даже с самолета видно, что они полого поднимаются от здания к стоящей неподалеку перемычке на канале. Весь этот комплекс — насосная станция. На нашем пути к Амударье шесть таких внушительных сооружений. Система станций на канале — сердце освоенных земель. Дело в том, что Каршинская степь лежит выше уровня Амударьи, и насосы гонят воду по каналу, поднимая ее на 132 метра. Оросительной системы такого типа и такого размаха нет нигде. Она уникальна. Канал вместе с насосными станциями является одним из крупнейших гидротехнических комплексов в стране. Значение гигантского и дерзновенного дела настолько велико, что оно выходит далеко за пределы республиканского значения. Потому и стала стройка всесоюзной комсомольской.

Да, прав был Мурадов: вид сверху очень внушителен. Вот пошли земли, которые еще предстоит освоить. Как отличается их дикий облик от тех, что ухожены, преобразованы! Но ужаса пустыня уже не внушает: вслед за прорезавшим ее каналом и сюда придет жизнь.

Показавшиеся под нами земснаряды говорят о том, что мы приближаемся к Амударье. Чем ближе к ней, тем чаще они попадаются. Без их круглосуточной вахты река давно завалила бы канал массой несущегося с ее водами ила.

И вот, наконец, Амударья. Сверху канал выглядит ее притоком, аккуратным по сравнению с размытыми, какими-то косматыми берегами своенравной реки.

От Амударьи поворачиваем назад и берем курс на Талимарджанское водохранилище. Вид на него с самолета даже более впечатлителен, чем вид на канал. Рукотворное море в пустыне! И еще раз убеждаешься: где вода, там и жизнь. Под нашим крылом Талимарджан — новенький, с иголочки, словно игрушечный город, светлый и ровный. Наша первая остановка.

СТРОИТЕЛЬ-ХЛОПКОРОБ

В 1954 году я по журналистской командировке отправился с первыми целинниками в Казахстан и не раз бывал потом в новых совхозах. В Каршинской степи тоже идет преобразование целины, но на совершенно другой качественной основе. Здесь мы имеем дело с комплексным освоением новых земель. Что это значит? А то, что одновременно с ирригационным строительством происходит хозяйственное и социально-культурное освоение целого географического района, и весь этот комплекс работ по сооружению оросительной системы, строительству городов и совхозов, дорог, коммуникаций, а также подготовка и первоначальная эксплуатация полей сосредоточены в одних руках — в управлении «Каршистрой». Таким образом, можно сказать, что сегодня эта могучая организация как преобразователь пустыни является одновременно и строителем и хлопкоробом. Такое на первый взгляд неожиданное сочетание целесообразно и эффективно. Все в одних руках. За все один ответчик. Решения и инициатива по всем делам за одной головой — руководством «Каршистроя».

Город Талимарджан — один из примеров комплексного освоения степи. При всем необозримом размахе работ строители — хлопкоробы еще только поднимаются в решающую атаку на целину, впереди годы труда, предстоит освоить до миллиона гектаров земель, а город уже стоит. Прекрасный, как мираж в пустыне, он не может растаять в воздухе, потому что на века воздвигнут из прочного материала, крепкими руками. Наверное, только так и должно быть сегодня, особенно тогда, когда идет речь о таком великом научном, инженерном и социальном деле, как создание крупнейшей в стране зоны орошаемого земледелия.

Восемь тысяч освоителей Каршинской степи живут в этом городе в самом центре вчерашней пустыни. Живут под плеск волн огромного водохранилища и крик чаек. Средний возраст талимарджанцев — 28 лет. К их услугам — Дворец культуры, клубы, стадион, рестораны, средние школы и детские сады, лечебные учреждения, музыкальная школа, магазины новейшей конструкции, не говоря уже о телевизорах, принимающих Москву. Так живет не только юный город, но и вся освоенная степь. Так живут и новые совхозы. Они тоже пример того, что значит на деле комплексное освоение целины.

Совхоз имени знатного хлопкороба, Героя Социалистического Труда Чули Бегимкулова — первенец Каршинской целины — был создан в 1973 году. У него три тысячи гектаров земель, орошаемых амударьинской водой, которая идет сюда по Каршинскому каналу. Хозяйство получает в среднем по 25 центнеров хлопка с гектара. Кроме того, здесь производятся овощи, фрукты, бахчевые культуры, совхоз поставляет государству молоко, мясо, каракулевые смушки. Обычно устные рассказы о совхозе и публикации о нем в прессе начинаются с описания совхозного поселка. И в самом деле, когда попадаешь в него, то видишь перед собой не село, а миниатюрный городок, четко распланированный, в зелени утопают аккуратные одно- и двухэтажные дома рабочих совхоза. Здесь более пяти тысяч квадратных метров жилья, есть школа, детский сад, дом быта, клуб, больница. За благоустройство поселок отмечен на ВДНХ золотой медалью. А не отмеченные такой наградой центры нескольких десятков других новых совхозов равняются на первенца освоенной целины.

Новые поселки в Каршинской степи — пример удачного решения многих сложных проблем сельского строительства. Как известно, есть две крайние точки зрения: сельский поселок городского типа (даже с многоэтажными домами) и поселок сугубо деревенский, без городских элементов. Здесь, в степи, строители ищут золотую середину. Именно к ней приближаются совхозные поселки из одно- и двухэтажных домов, проектируемые «Средазгипроцелинстроем». Эти небольшие, но городского типа, со всеми удобствами, дома сделаны из керамзито-бетонных стеновых панелей. Тут применяют разные облицовочные материалы, чтобы придать поселку веселый вид, избавить его от унылого однообразия. Все дома имеют свои зеленые участки. Недаром в разговоре строителей совхозного жилья я услышал выражение «лирическая среда поселка».

Говорят, благодаря освоению земель Каршинской степи создана крупная зона орошаемого земледелия и гарантированного производства ценнейшей сельскохозяйственной культуры — тонковолокнистого хлопка. Думается, что гарантированным его должно называть не только потому, что в солнечную пустыню пришла вода, но и потому, что выросли в ней поселки, как в совхозе имени Чули Бегимкулова.

А вырасти они смогли потому, что в «Каршистрое» создана такая индустриальная база, которая позволяет вести работу под необычным, но вполне к месту придуманным лозунгом: «Совхозы — на конвейер!» Да, сегодня можно смело утверждать, что «Каршистрой» — это конвейер по строительству совхозов. Каждый новый совхозный поселок, его ирригационно-мелиоративные системы, различные инженерные коммуникации и производственные объекты требуют огромного количества бетона, железобетона и других материалов. Они производятся силами «Каршистроя».

Комбинат строительных материалов и конструкций в Карши стал самым крупным промышленным предприятием Кашкадарьинской области. Здесь трудится более 14 тысяч рабочих. Это и есть мотор конвейера, с которого сходят новые совхозы. Мне понадобился целый день, чтобы только обойти комбинат и бегло ознакомиться с его деятельностью.

ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР

В первом номере газеты «Каршистроя», вышедшем десять лет назад, есть упоминание: «Хорошо работает коллектив участка, которым руководит Омон Суяров». А начал он трудиться в степи двенадцать лет назад.

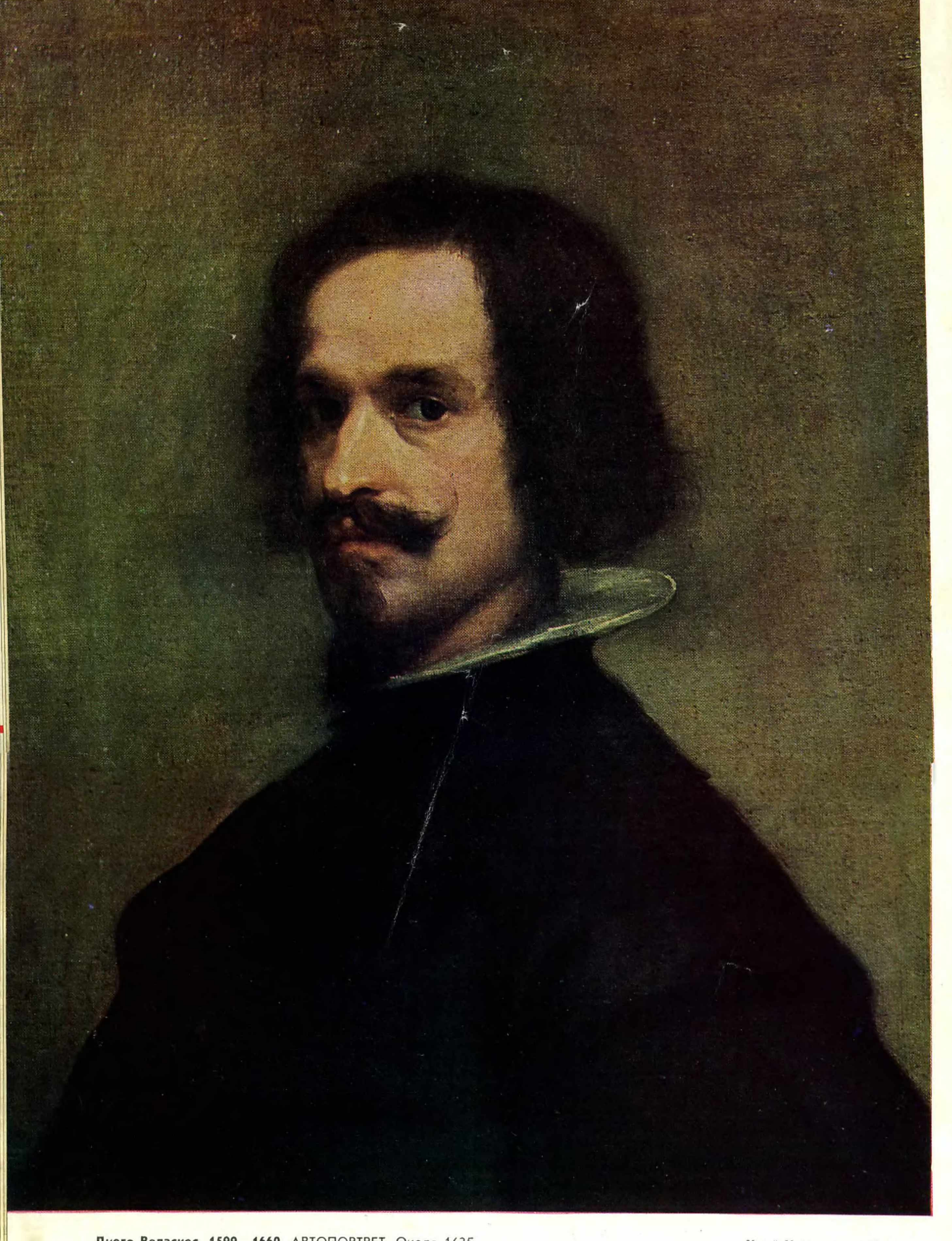
Родился Омон за месяц до начала Великой Отечественной войны в семье колхозного агронома Суяра и колхозницы Бувихол. Родители были счастливы: после двух подряд дочерей — первый сын. Потому и дали ему имя Омон, которое в переводе на русский означает «удачливый», «счастливый», «здоровый». Что ж, Суяр и Бувихол не ошиблись! Правда, удача и счастье пришли к их сыну только потому, что он всю жизнь работает не покладая рук.

Когда Омону было шесть лет, умер отец. Колхоз помог матери вырастить осиротевших детей. Омон Суяров и сегодня с благодарностью вспоминает председателя сельсовета Джавли Равшанова и других односельчан, не оставивших в беде его семью. Дети подрастали, учились, старшая сестра Сора окончила сельскохозяйственный техникум. Омон после школы успешно сдал экзамены в Самаркандский сельскохозяйственный институт. Но тут его ожидала неудача: не зачислили, так как ему тогда шел только семнадцатый год. Омон вернулся в родной колхоз, начал работать, но мечты об институте не оставлял. Через два года поступил в ташкентский ирригационный.

После окончания института ему предложили остаться на кафедре эксплуатации гидромелиоративных систем. Доктор технических наук, член-корреспондент ВАСХНИЛа Н. Янишевский и доцент А. Ляпин видели в молодом ассистенте перспективного научного работника. Однако Суярова привлекало практическое дело, и он поехал в Карши. Н. Янишевский дал Омону рекомендательное письмо, в котором советовал местному руководству использовать недюжинные способности молодого специалиста. Но Омон так и не передал письмо по назначению. Он устроился прорабом в управле-

Паоло Веронезе. 1528—1588.
МАЛЬЧИК С БОРЗОЙ СОБАКОЙ. Возможно, 1570-е годы.

Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

Диего Веласкес. 1599—1660. АВТОПОРТРЕТ. Около 1635.

Музей Метрополитен, Нью-Йорк.

ние механизированных работ «Каршистроя», который тогда только-только начинался.

Строил Омон поначалу южный коллектор. Было нелегко. Теоретические знания — одно дело, практическая работа, руководство живыми людьми — совсем иное. Суяров как бы заново начал учиться на инженера. Его послужной список говорит о том, что учеба эта пошла на пользу. В 1966 году Омона назначили начальником участка, в 1970-м — главным инженером управления механизированных работ № 10, а затем — начальником управления № 11. В 1971 году возглавляемый им коллектив добился большой победы: завоевал переходящее Красное знамя «Главсредазирсовхозстроя». Это был итог большого труда. Молодой специалист отвечал за такое задание, которое было рассчитано на три миллиона рублей. При этом надо учесть, что большинство рабочих его управления пришло на стройку из сельской местности, без нужных профессиональных навыков, и Суяров, сам совсем еще молодой человек, должен был выступать не только в роли руководителя, но и учителя. В этих краях, где до сих пор особенно почитают солидный возраст, такому молодому наставнику было весьма сложно.

Коллектив под его руководством выполнял ответственное задание — бетонные работы по облицовке Каршинского канала. Успех увенчал труд Омона. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Это благодаря ему и тысячам других таких же героических тружеников Каршинский канал был сдан досрочно.

И вот уже второй год Омон Суяров — главный инженер «Гидростроя», одного из крупнейших трестов «Каршистроя». Сегодня его основной объект — строительство Талимарджанского водохранилища. В нем уже примерно 300 миллионов кубометров воды, а должно быть полтора миллиарда кубометров.

Встретился я с Суяровым на четвертой насосной станции Каршинского канала. Он водил меня по станции, показывал уникальное оборудование, рассказывал о стройке и о себе. Он и сегодня молод, но уже видно, что опыта у него куда больше, чем могло быть у специалиста такого возраста. Это объясняется просто: школа «Каршистроя»! Здесь многое приходится делать впервые и самому принимать решения, от которых зависят судьбы огромных объектов, больших коллективов и правильное использование огромных средств.

Омон Суяров и его коллеги-инженеры много рассказывали мне о бесценном практическом опыте «Каршистроя». Вместо того, чтобы производить длительную замочку грунтов в головной части канала, было решено уложить в основание бетонной облицовки водонепроницаемую пленку. А это позволило сократить срок строительства головной части канала минимум на три (!) года.

На несколько лет удалось ускорить и установку насосов на Каршинском канале. Изготовленные специально для него насосы требовали предварительных испытаний на опытных станциях, которые для этого пришлось бы сооружать. Эту стадию решили миновать. И не ошиблись!

Еще один пример. Строители пошли на полную переработку утвержденного проекта, предусматривавшего прокладку рабочей части канала в полувыемке-полунасыпи. Это было сделано во имя большей надежности и долговечности сооружения. Канал был заново запроектирован в выемке. Такое решение предупредило возможность прорывов воды и дало значительную экономию при земляных работах.

Творческая смелость, чувство собственного достоинства, самостоятельность, большой опыт и глубокие знания, уверенность в своих силах, солидность и неторопливость, доброжелательность, постоянное присутствие чувства юмора, требовательное, но уважительное отношение к подчиненным и почтительное отношение к старшим — вот, пожалуй, качества, отличающие руководителей «Каршистроя».

ХАРАКТЕРНЫЕ ШТРИХИ

Жизнь освоителей Каршинской степи своеобразна. Вот ее некоторые, на мой взгляд, характерные черты.

Большие семьи. Моему спутнику, редактору газеты «Степной край» И. Джалилову, едва перевалило за пятьдесят, а у него десять детей. Секретарь комитета комсомола Айбек Игамов сказал мне, что у него восемь братьев и одна сестра. Начальнику «Каршистроя» С. Мурадову всего сорок один год (кстати, многие руководители здесь молоды), а у него шестеро детей. Обратил я внимание и на то, что живут семьи дружно, сплоченно, родные очень помогают друг другу.

Другая любопытная черта. Молодое поколение тянет за собой к новой жизни всю семью. На стройку вначале, как правило, приходят юноши и девушки, а старшие уже подтягиваются за ними, изменяя свой уклад жизни, выработанный веками.

Стремление к красоте и одухотворенности. В огромном цехе железобетонных изделий стены выложены цветной плиткой в стиле древних узбекских традиций. А полевой стан бригады Махкам Хазраткуловой (совхоз имени Карла Маркса) утопает в розах. Несколько раз я встречался в тех краях с джазовыми ансамблями, оснащенными всем, чем положено современным музыкантам. И при мне Мурадов с радостью сообщал комсомольскому вожаку Айбеку о том, что достал новые инструменты и технику для такого ансамбля.

Дружба народов. На стройке работают представители почти 50 национальностей. Живут дружно. С гордостью рассказывали мне, из каких республик доставлено сюда оборудование. Стоило случиться в Газли землетрясению, как посланцы «Каршистроя» устремились на помощь пострадавшим. Примечательно, что люди «Каршистроя» трудятся в Ивановской области. Специалисты из Узбекистана преобразуют земли Нечерноземья. Созданный там «Каршистроем» совхоз «Узбекистан» будет обеспечивать молочной продукцией и овощами половину Ивановской области.

Самоотверженность в труде. Это видишь здесь на каждом шагу. Работа тяжелая, в голой степи, часто случается, что и не по восемь часов в день, а больше. Стройка растет, набирает скорость, и чуть ли не каждый день сдается то один объект, то другой, а перед сдачей, естественно, стремятся сократить сроки. Такое отношение к делу характерно для всего коллектива, от руководителей до рабочих. Мне рассказывали о том, как первый секретарь Кашкадарьинского обкома КП Узбекистана Р. Гаипов буквально жил на насосной станции в дни ее пуска.

Практическая, точнее, техническая хватка — еще одна черта освоителей Каршинской степи. Обилие современной техники, постоянное общение с ней, жизнь, подчиненная интересам необъятной стройки, накладывают известный отпечаток на образ мышления, который более приближен к технике и экономике, нежели у жителей городских. Любопытную я услышал характеристику на руководителя одного из участков стройки: «Да он стоит миллионов сто!» Это значит, что под его началом ведутся работы общей стоимостью в сто миллионов рублей.

Есть здесь, конечно, и свои трудности. Летний зной, например. До 50 градусов! Летом же случаются пыльные бури, когда днем не видно и на три метра. Работа в степи, вернее, в пустыне, часто вдали от города или совхозного поселка, нелегка. Несмотря на технику, требуется много и чисто физических усилий, не говоря уже о нравственных.

Несмотря на общий успех комплексного освоения степи, есть все же некоторое отставание гражданского строительства от промышленного.

К сожалению, есть и такая болезнь (ее можно, конечно, для смягчения назвать болезнью роста, но лучше бы ее вовсе не было), как несвоевременные поставки оборудования и материалов стройке. Это лихорадит работу многотысячного коллектива, создает дополнительные трудности.

Но, как бы там ни было, «Каршистрой» уверенно идет вперед. Страна высоко оценивает подвиг преобразователей пустыни. В прошлом году на торжественном собрании ее освоителей кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидов прикрепил к знамени стройки орден Трудового Красного Знамени.

КУПЛЕННЫЕ ДУШИ

Римская барахолка. На фоне итальянской скороговорки слышится по-русски: «Слушайте, сколько они дают?» У древних ворот Вечного города толпятся... бывшие советские граждане. Сбежавшие из нашей страны на поиски «земли обетованной», то бишь Израиля, и не нашедшие там того, что искали, они сбывают итальянцам значки, подержанные фотоаппараты, матрешек.

Рассчитывать им больше не на что. Души проданы безвозвратно, и дивидендов от этой сделки ждать теперь не приходится. Тела же нуждаются в хлебе насущном. Потому и рыщут в поисках его под античной аркой юркие молодые люди, заросшие старцы и крикливые женщины, торгуя обносками. Родину они уже продали...

Это не игровое кино, это документ *.

...А начиналось все так «романтично»! Гремит синкопированный библейский псалом, мчатся в «страну Израиля» ошалевшие от радости новоиммигранты «олим» — на иврите «восходящие». Камера «восходит» вместе с ними в Израиль и, возможно, помимо воли западного хроникера, съемка которого использована в фильме, нисходит в ад. Безработные, нищие в «стране, текущей медом и молоком», обезумевшие религиозные фанатики у Стены плача, милитаризованные девушки и дети, бесчинства полиции — все это вряд ли вяжется с картиной рая, усердно малюемой сионистами.

«Сионистские организации на Западе,— замечают авторы фильма,— государство в государстве». И действительно, в США, например, сионисты контролируют половину всех выходящих там журналов, половину радиостанций, три четверти находящихся за рубежом корреспондентских пунктов американских газет, журналов и агентств печати. И это немудрено. Бюджет Всемирной сионистской организации, штаб-квартира которой находится в США, составляет примерно 600 миллионов долларов. Миллионами ворочают и другие организации подобного толка.

На экране — сионистские издания на русском языке. Они прямо инструктируют: война должна вестись всеми средствами — от анонимных писем до открытых выступлений... Впрочем, это не удивительно. Сионизм и антикоммунизм, сионизм и антисоветизм — понятия неразделимые. Это подтверждает вся история сионизма.

Именно ненавистью к коммунизму продиктованы шумные кампании против «преследования евреев» в Советском Союзе, в защиту «узников режима» и т. д. и т. п. Перед нами — беснующиеся молодчики на улицах американских и западноевропейских городов, одураченная молодежь, свистопляска купленных сионистами газет, публикующих длинные списки «еврейских мучеников в СССР», оказывающихся на поверку обычными жуликами и спекулянтами, справедливо осужденными за мошенничества и другие уголовные преступления. Кого только не засылают в нашу страну в поисках «информации о притеснении евреев», какие только методы не используются для вербовки новых «олим»!

На экране — вереница сионистских эмиссаров, сборища под шестиконечной звездой, организованные заезжими провокаторами. И тут же заявления и письма советских граждан, требующих оградить их от действий непрошеных доброхотов. Выступают и люди, которым в порядке исключения разрешено вернуться домой.

Наше общество гуманно, но оно не прощает измены. Бывший ленинградский музыкант, «прозревший» за океаном от осознания очевидного факта, что он был нужен только как пешка в зловещей игре сионистов, рассчитывавших именно на гуманность советских людей. Общее собрание Ленконцерта приняло единодушное решение: «Отказать!» Нам не нужны отщепенцы и перебежчики.

Различны судьбы людей. Многие оказались в Израиле, чтобы встретиться с родственниками и восстановить семьи, развеянные войной. Есть и просто наивные люди, оказавшиеся жертвами сионистской пропаганды. Но строки из писем тех, кто рвется домой, разочаровавшись в израильской действительности, вызывают не только жалость, но и негодование. В СССР, как справедливо отмечают авторы писем и заявлений, они пользовались равными со всеми советскими народами правами, в том числе правом на труд, отдых, образование и обеспеченную старость. Разве они не понимали, во имя чьих интересов жертвуют своей настоящей родиной?

Сионизм, подчеркивают авторы этого по-настоящему публицистического фильма, выступает в союзе с самой черной реакцией.

А. ГРЕЧУХИН

* «Скупщики душ». Документальный телефильм. Производство творческого объединения «Экран». Гостелерадио СССР.

Первый ряд: Г. Г. Персидский — заместитель секретаря парткома треста «Волгодонскэнергострой», Н. Березкина — повар, Л. И. Рудь — бригадир отделочников, И. П. Фоменко — бригадир отделочников, Р. И. Бедюх — секретарь Волгодонского горкома КПСС, А. А. Улесов — бригадир электросварщиков, Е. А. Венков — слесарь-сборщик.
Второй ряд: В. Серов — инструктор парткома «Волгодонскэнергостроя», В. И. Климкин — бригадир скреперистов, А. И. Кожухов — электросварщик, А. И. Воронин — бригадир электромонтажников, А. А. Усов — начальник участка, В. В. Кузнецов — бригадир автохозяйства, А. А. Аношкин — бригадир монтажников, Т. А. Можайцева — маляр.

Фото М. Савина

круглый стол «огонька»

ТЕМПЫ «АТ

Эта встреча состоялась совсем недавно. Как известно, в середине декабря прошлого года был сдан первый крупный объект «Атоммаша»—корпус № 3. В награду за ударный труд группа строителей получила право поездки в Москву.

И вот атоммашевцы — в редакции «Огонька». Мы попросили их рассказать о себе и своих друзьях, о трудностях и радостях, которые выпали на их долю.

А. А. УЛЕСОВ, бригадир электросварщиков, дважды Герой Социалистического Труда:

— Помню, на стройках первых пятилеток был такой лозунг: «Темпы решают все!» В этом смысле «Атоммаш» продолжает эстафету первых пятилеток. Ведь наших темпов до сих пор не знала ни одна стройка страны. Корпус № 3, который мы недавно сдали, сооружен всего за восемь месяцев. А ведь это корпус-гигант, в нем разместилось пять цехов, которые уже выпускают нестандартное оборудование для всей стройки и, что очень важно, для главного корпуса, где будут собираться атомные реакторы. Главный корпус мы обязались сдать к шестидесятилетию Великого Октября. И если совсем недавно еще были скептики, сомневавшиеся в реальности этих сроков, то теперь, когда мы доказали свои возможности, воздвигнув третий корпус, на «Атоммаше» нет человека, который бы не верил в то, что обязательства будут выполнены. Порукой тому энтузиазм и, я бы сказал, хороший соревновательный азарт нашей молодежи.

И. П. ФОМЕНКО, бригадир отделочников:

— Я могу подтвердить слова Алексея Александровича. Соревновательный азарт у нас действительно развит очень сильно. Взять хотя бы мою бригаду отделочников. Когда сдавали третий корпус, монтажники, отделочники, электрики, словом, абсолютно все включились в соревнование за право обладания кубком редакции «Огонька» — «Мирный атом». Мои девчата торопились, очень торопились, но, как говорится, не спеша, то есть ни на минуту не забывая о качестве работы. Это и решило наш успех. Окраску стен мы закончили буквально за несколько минут до торжественного митинга, посвященного сдаче корпуса. И тут я получил кубок «Мирный атом». Так что и о качестве нельзя забывать!

Нельзя забывать и о том, что девиз десятой пятилетки — это не только качество, но и эффективность. А это значит, нужно снижать трудовые затраты и с тем же количеством людей сегодня делать больше, чем вчера. Но это, как вы понимаете, невозможно без механизации и научной организации труда. Вот, скажем, такой пример. Недавно мы с прорабом подсчитали, что на окраску стен и металлоконструкций главного корпуса нашей бригаде понадобится десять месяцев. До его сдачи осталось гораздо меньше, монтажники каждый день наращивают темпы и бьют свои собственные рекорды... А когда же красить? Выходит, к делу надо подключаться ученым и конструкторам, иначе не обойтись без авралов и штурмовщины.

Я же от имени бригады обещаю, что переходящий кубок «Мирный атом» мы легко не отдадим и будем работать так, чтобы он у нас остался навсегда.

Л. И. РУДЬ, бригадир отделочников:

— Мы с Фоменко — ветераны стройки. Наши бригады созданы в семьдесят первом году, когда даже слова «Атоммаш» не было в обиходе. Сначала мы работали бок о бок, а потом наши пути разошлись: Иван Павлович ушел на производственные корпуса, а я осталась на жилье.

Завод заводом, но не нужно забывать и о том, что в голой степи надо поднять новый город на сто тысяч жителей. И это — дело первостепенной важности. Всякий день к нам приезжают все новые группы строителей, и каждому прежде всего нужна крыша над головой. Всевозможные бараки, палатки и времянки мы не признаем: по опыту знаем, как трудно потом от них избавляться. Потому-то на строительство города брошены лучшие силы.

А темпы?.. Темпы у нас под стать заводским. Совсем недавно мы сдавали ежегодно всего лишь пятнадцать тысяч квадратных метров жилья, сейчас — сто пятьдесят тысяч, а к концу года выйдем на рубеж двухсот шестидесяти тысяч.

И все же жилья пока что не хватает. Я каждый день получаю письма со всех концов страны. Пишут мужчины и женщины, одинокие и семейные, пишут строители и медсестры, учителя и работники санаториев. Все интересуются стройкой и, конечно же, перспективами получения квартиры. Отвечаю я примерно одинаково: молочных рек с кисельными берегами у нас нет, так что, если не боитесь трудностей, которые бывают на каждой большой стройке, приезжайте! И люди едут. Даже в моей бригаде немало девчат, приехавших по таким письмам.

А однажды был забавный случай. В прошлом году, отвечая на письмо из Удмуртии, я написала, что хоть у нас есть свое, рукотворное море, вокруг прекрасные сады и растет виноград, на этот раз в наших краях засуха и даже картошка не уродилась. Минуло две недели, и вдруг в адрес бригады приходит большущая посылка... с картошкой. А в записке говорится, что так как адресат сам пока что приехать не может, решил хотя бы вот так помочь нашей бригаде. Целую неделю жарили мы удмуртскую картошку и каждый раз вспоминали добрым словом нашего далекого друга.

Для меня «Атоммаш» — моя судьба, моя жизнь. Здесь я получила специальность, вышла замуж, стала матерью двоих детей, вступила в партию, была награждена орденом «Знак Почета» и удостоена высокого звания «Почетный строитель Дона». А какие у меня девчата! Красавицы, умницы, мастерицы... Так и хочется сказать словами поэта:

«Я знаю — город будет, я знаю — саду цвесть, когда такие люди в стране в советской есть!»

А. А. АНОШКИН, бригадир монтажников:

— Монтажник-верхолаз — профессия особая. Высота экзаменует людей по-своему. Иной раз парень, который на земле не боится ни бога, ни дьявола, ча сорокаметровой высоте не может и шагу ступить. Но ведь там надо не прогуливаться, демонстрируя свою лихость, там надо работать. Поэтому я нисколько не обижаюсь, когда некоторые ребята, поработав месяца два, уходят из бригады и спускаются на землю: они становятся хорошими шоферами, трактористами, скреперистами...

Но уж если ты привык к высоте, полюбил ее — все, на земле ты уже не работник: так и тянет наверх!

Я стал монтажником-верхолазом шестнадцать лет назад и где только не побывал за эти годы! Работал в Дивногорске, строил доменные печи на Урале и в Сибири, поднимал КамАЗ. Уж на что КамАЗ — большая стройка и Набережные Челны — прекрасный город, но усидеть там не смог: все корпуса смонтированы, и верхолазам настоящей работы не стало. Вот я и махнул на «Атоммаш», да не один, а с четырьмя друзьями. Чем не костяк будущей бригады? Быстренько подобрал еще ребят, обучил нашим премудростям, а тут и работенка подоспела: нам поручили смонтировать первую колонну главного корпуса. Ровно через сутки колонна была готова. Надо ли говорить, как мы этим гордились: ведь колонна-то первая, а все первое надолго остается в памяти.

Для ребят это было хорошим стимулом — бригада стабилизировалась, друг друга все понимают с полуслова, в нужный момент подстрахуют, помогут, и никто, кроме двух парней, у которых появился страх высоты, спускаться на землю не думает... Так что мы с Иваном Фоменко еще поспорим. Если на третьем корпусе кубок «Мирный атом» достался ему, то на главном мы включим такие скорости, что придется тебе, Ваня, с кубком расстаться. Так-то вот!

А. И. ВОРОНИН, бригадир электромонтажников:

— Я тоже шестнадцать лет кочую по стройкам. Правда, у меня с самого начала так сложилось, что строю в основном тепловые электростанции. Сдаем мы такую ГРЭС, а к ней один за другим тянутся эшелоны с углем, мазутом или нефтью, а то приходится прокладывать и газопроводы. Я хоть и электрик, а все же больно сознавать, во что обходится каждый киловатт-час на ГРЭС.

И вот в прошлом году я узнал, что в Волгодонске заложен завод «Атоммаш». Он станет выпускать реакторы большой мощности. Причем самый первый реактор будет установлен на Цимлянской атомной электростанции, которую предстоит построить всего в тридцати километрах от завода.

Мог я усидеть в своем родном Донбассе, когда совсем рядом такая грандиозная стройка?! И хотя расставаться с коллективом было трудно — ведь именно здесь я вставал на ноги как человек и как рабочий, именно здесь обрел настоящих друзей, здесь меня наградили орденами Октябрьской Революции и «Знак Почета», — товарищи мой порыв поняли и, поворчав, отпустили.

По сравнению со строителями электриков на «Атоммаше» мало, но работа, которую мы делаем, не менее важная. Ведь именно мы даем жизнь механизмам, без которых на строительной площадке не обойтись. Словом, работы у нас много, и работы интересной. И все же мы с нетерпением ждем, когда из ворот главного корпуса выйдет первый реактор и отправится на Цимлянскую АЭС. Уж там-то мы развернемся по-настоящему!

Н. БЕРЕЗКИНА, повар рабочей столовой:

— Вы знаете, какой объект на «Атоммаше» сдали самым первым? Столовую. И это не случайно. Чтобы люди хорошо работали, их надо хорошо кормить. И не только хорошо, но и быстро. Скажем, в дни окончания работ на третьем корпусе, когда на счету была каждая минута, мы возили горячую пищу прямо в бригады. Да еще старались приготовить повкусней, покалорийней: декабрь у нас выдался холодный, а чтоб работать на ветру и морозе, нужны силенки.

Сама я ростовчанка, донская казачка. Была у меня хорошая работа, жила, как говорится, не тужила, а тут послали на месяц в Волгодонск. Помочь надо было, да и подучить девчат не мешало. Поработала месяц — осталась на второй. Как раз в это время сдавали ту, самую первую столовую на пятьсот тридцать мест. Не столовая, а загляденье! Такие и в Ростове поискать надо... Один за другим идут контейнеры с оборудованием кухни, мебель, светильники, продукты... Ну, как все это бросишь? И сама не заметила, как осталась на стройке. Теперь уж навсегда.

Многие ребята сегодня говорили, что на «Атоммаше» развит дух соревнования. Это верно. Но есть, по-моему, еще одно достоинство у нашей стройки: хороший моральный климат. У нас нет занудства, робости, неверия в свои силы. Все руководство — от начальника до бригадира — молодое! Перспективы роста безграничные! Все интересные почины тут же подхватываются, работа идет весело, азартно. Как ни странно, особенно наглядно это заметно в столовой. В конце каждого месяца, когда подводятся итоги соревнования между бригадами, мы накрываем для победителей праздничный стол. В центре — огромный именной торт. И вот что удивительно: не было еще случая, чтобы два месяца подряд на торте пришлось писать одни и те же имена. А это, мне кажется, хороший признак: если вчерашние отстающие догоняют и обгоняют лидеров, дело от этого только выигрывает.

Мне очень нравится, что Толя Аношкин грозится отобрать кубок «Мирный атом» у Вани Фоменко. Давай, Толя, жми! А за нами дело не станет: торт будет такой, что пальчики оближешь!

Е. А. ВЕНКОВ, слесарь-сборщик:

— Если все собравшиеся здесь ребята строят «Атоммаш», то мы с Сашей Кожуховым уже работаем на заводе «Атоммаш». Это ведь не часто так бывает: стройка в самом разгаре, а мы уже даем готовую продукцию. И, что очень важно, наша продукция необходима самой стройке — это главным образом всевозможное нестандартное оборудование.

Есть у нас и еще одна очень большая задача: готовить кадры специалистов для будущего завода. Уже сейчас в цехах стоит такое оборудование, что работать на нем могут только люди с высшим образованием, да и тем приходится переучиваться. Чуть ли не каждый станок у нас уникальный, он крупнейший или в Советском Союзе, или в Европе, а то и в мире. Дело не только в том, что надо научиться управляться с этими станками, на них надо так работать, чтобы гарантировать стопроцентное качество продукции. Иначе просто нельзя, узлам и деталям атомного реактора необходима абсолютная гарантия. Значит, к пуску главного корпуса мы должны воспитать в людях особое, я бы сказал, сверхтребовательное отношение к себе и своей работе.

Я думаю, все это нам по плечу. Так что монтажники и строители могут быть уверены: то, что они сделают, попадет в надежные руки.

Р. И. БЕДЮХ, секретарь Волгодонского горкома КПСС:

— Когда говорят об «Атоммаше», то часто употребляют такие слова, как «первый», «уникальный», «крупнейший», «единственный». Все это так. Но самое поразительное на нашей стройке — это темпы. И строительство завода и возведение города идут с такой скоростью, что бывалые люди только руками разводят.

Очень важно и то, что завод строится с учетом технического прогресса. Наука и техника не стоят на месте, каждый год будет появляться что-то новое, поэтому даже размеры главного корпуса превышают необходимые на сегодняшний день габариты. Не исключено, что завтра появится более совершенное, но и более крупное оборудование, и его без труда можно будет разместить в цехах.

По такому же принципу поднимается и город: планировка его районов достаточно гибкая, независимая, предусматривающая использование последних градостроительных новинок.

Очень отрадно, что на нашу стройку едут люди со всех концов страны; едут специалисты, едут парни и девчата, еще только мечтающие найти свое место в жизни. И это прекрасно, что путевку в жизнь им даст «Атоммаш».

У нас уже есть немалые трудовые успехи. В связи с досрочной сдачей третьего корпуса мы получили приветственное письмо Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, что, конечно же, вдохновило всех строителей на новые достижения. Но мы прекрасно понимаем, как много проблем еще предстоит решить. И они будут решены успешно! Порукой тому энтузиазм и трудовой порыв молодежи, неувядающее мастерство ветеранов, авангардная роль коммунистов и комсомольцев, а также прекрасный дух соревнования, который царит на всех участках «Атоммаша» — одной из крупнейших строек десятой пятилетки.

Беседу за круглым столом «Огонька» записал Б. СОПЕЛЬНЯК.

ОММАША»

Елена **НЕСТЕРОВА**

ДЕВУШКА С АТОММАША

Жар плаката — на фасаде белом.
Спрашивает время каждый день:
«Что сегодня ты для стройки сделал?» —
Месяц — тридцать ваших добрых дел.

«Что сегодня ты для стройки сделал?» —
Повторяют нараспев ветра.
«Что сегодня ты для стройки сделал?» —
Высветят в ночи прожектора.

Ваше детство здесь, за поворотом.
А мое — запомнило плакат:
«Что сегодня сделал ты для фронта?» —
Спрашивал у каждого солдат.

ДАЕШЬ МОНТАЖ...

Даешь монтаж:
Три дня — этаж!
Какие радостные строки!
Какие сказочные сроки...
Дом возникает, как мираж.
Смотри, сейчас он уплывет,
Среди степных ветров растает...
Смотрю: он тихо вырастает,
Объединяя небосвод
И землю, темную, как небо,
Сверкает яркой белизной.
Он, как большая глыба снега,
Что не растает и весной.
Даешь монтаж: три дня — этаж!
Я знаю: это очень трудно.
Конечно, край степной — не тундра,
Но неразумен ветер наш.
Он тащит волоком зарю.
Он воет призраком дорожным.
И я негромко говорю:
— Ребята, будьте осторожны.
— Даешь монтаж: три дня — этаж! —
Плакат мне громко отвечает.
А дом сиянье излучает
И не походит на мираж.

МОЛОДОЖЕНЫ

По волгодонскому перрону,
Что стал за этот год тесней,
Идут со мной молодожены.
И я касаюсь их теней.
Она — девчонка-невеличка.
И муж — совсем не богатырь.
Но есть задор в ее косичках.
И есть в его сужденьях — ширь.
В купе мы вместе коротали
Усталость ночи путевой.
Колеса мирно рокотали
И тихо выдохнули: «Стой».
Вслух говорю я: «До свиданья».
А про себя им вслед шепчу:
«Пускай земля моя святая
Их встретит так, как я хочу.
Пускай нелегкая работа
Обоим будет по душе.
Пускай на каждом этаже
Они берут свои высоты.
Пусть их дорогу с пылью взбитой
Посеребрит бетонный наст.
Пусть мой товарищ — зам по быту
Им поскорей квартиру даст.
Пусть сила та, что полонила
Их души, им придаст огня.
Пусть любят так, как я любила,
Но будут счастливей меня».
Вот разминулись наши тени
И слились с тенями листвы.
Перрон. Пологие ступени.
И добрый шум степной травы.

Ростов-на-Дону.

Многое известно о Пушкине. И все же каждый год приносит новые находки, новые исследования, которые приближают нас к постижению образа величайшего русского поэта, о гибели которого, 140 лет назад, В. Ф. Одоевский писал: «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Большее говорить о сем не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будет растерзано...»

Публикуя сегодня материалы о судьбе подмосковного уголка, где прошло детство поэта, рассказывая об обнаруженных в Чехословакии портретах членов его семьи, знакомя с прототипами некоторых героев Пушкина, мы отдаем дань памяти великого сына России, с уверенностью, что драгоценна каждая тропинка, которая ведет к вершине.

ТЕБЯ Ж, К
РОССИИ С

КОЛЫБЕЛЬ ПОЭТА

В. ЕНИШЕРЛОВ

«...нетерпение вновь увидеть места, где провел я лучшие свои годы, так сильно овладело мной, что я поминутно погонял моего ямщика...»

А. С. Пушкин

Неподалеку от подмосковной станции Голицыно приютилось небольшое село Захарово. Когда-то принадлежало оно бабушке А. С. Пушкина Марии Алексеевне Ганнибал. Здесь Пушкин провел детство, об этом месте с любовью и нежностью вспоминал он в зрелые годы.

С 1806 года родители Пушкина, обычно постоянно жившие в Москве, каждое лето приезжали в Захарово, и с ними до 12-летнего возраста бывал здесь будущий поэт.

Усадьба живописно располагалась на довольно высоком холме. Вниз к пруду спускался липовый парк. А кругом поля, рощи, стрельчатый еловый лес, замыкающий горизонт. Ровный луг, открытое взгорье, величавые сосны — именно это открывалось взору Пушкина. И не отсюда ли частица величавой простоты и тихой скромности его деревенских стихов? Ведь впечатления детства и юности неизгладимы, они навечно западают в сердце.

Старый барский дом с двумя флигелями, в одном из которых жили дети Пушкина с няней, гувернерами и другой прислугой, давно исчез с лица земли, как исчезла и березовая роща, примыкавшая к парку. А когда-то посреди этой рощи стоял стол, окруженный скамьями. Здесь в погожие летние дни Ганнибалы обедали и пили чай. Маленький Пушкин любил эту рощу и даже, как вспоминают современники, говорил, что желает быть в ней похороненным. Он говорил об этом поваре своей бабушки, к которому питал сильную привязанность, видимо, оттого, что тот был человек словоохотливый и бойкий. Впоследствии он убежал в Польшу и сделался из Александра Фролова паном Мартыном Колесницким. Быть может, именно этот эпизод пришел на память поэту, когда он описывал в «Борисе Годунове» бегство Гришки Отрепьева.

На берегу пруда, возле самой воды, под ветвями огромной, раскидистой липы часто играл и отдыхал юный Пушкин. Здесь впервые заслушался он русской песней. Свадебно-обрядовые песни этих мест, записанные примерно через восемьдесят лет после того, как их мог слышать поэт, поражали знатоков истинно былинной силой, образностью, чистейшей русской поэзией. Под Москвой существовали тогда удивительно самобытные уголки. Там бытовали свои поверья, обряды, сохранившиеся в полной чистоте от глубокой старины. Таким было и Захарово. «Деревня богатая,— писал С. П. Шевырев, собиравший здесь сведения о поэте,— в ней раздавались русские песни, устраивались праздники, хороводы, и, стало быть, Пушкин имел возможность принять народные впечатления».

Александр Пушкин двенадцати лет.

Захарово в наши дни. Фото В. Молчанова.

В Захарове няня поэта Арина Родионовна, муза юности Пушкина, сказывала ему былины, сказки, которые затем нашли отзвук в его творчестве.

Здесь же Мария Алексеевна Ганнибал, женщина незаурядная, первая истинная воспитательница юного Александра, вспоминала семейные предания, историю знаменитого арапа Петра Великого.

В лицейском стихотворении Пушкина «Сон» слились воедино образы бабушки и няни, навеянные детскими захаровскими воспоминаниями:

Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном
одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне
станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...

Конечно, не в одном Захарове слагалось представление Пушкина о деревенской России — есть места и более значительные: Михайловское, Тригорское, Болдино,— но стоит лишь побывать в Захарове, еще ближе станут и многие страницы творчества Пушкина.

Мало где в России испытываешь чувство такой светлой радости и такой грусти, как в Захарове. Именно здесь прикасаешься к истокам истинной поэзии — корни

АК ПЕРВУЮ ЛЮБОВЬ, ЕРДЦЕ НЕ ЗАБУДЕТ!..

которой в родной земле, в ее истории, в ее людях, их обычаях и судьбах.

Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой,
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят,
Где старых кленов темный ряд
Возносится до небосклона,
И глухо тополы шумят.
Туда зарею поспешаю
С смиренным заступом в руках,
В лугах тропинку извиваю,
Тюльпан и розу поливаю —
И счастлив в утренних трудах...

Так писал молодой Пушкин в 1815 году в стихотворении «Послание к Юдину», по поводу которого В. Брюсов замечал: «Если зимой, в доме отца, в обществе лучших писателей того времени, Пушкин с ранних лет стал увлекаться литературой, то летом, в деревне бабушки, он уже ребенком сжился с русской народной жизнью. В лицей Пушкин поступил, как это видно из его стихотворений, с большим запасом знаний по литературе. «Послание к Юдину» показывает, что в душе его был не меньший запас живых впечатлений, воспринятых в русской деревне». И той деревней было Захарово.

Часто Пушкина возили в соседнее поместье князей Голицыных — Большие Вяземы. Даже по тому, что сохранилось в них сейчас, можно сказать, что это один из самых поэтических уголков Подмосковья. Невдалеке от двухэтажного дома XVIII века стояла церковь с чудесной звонницей, которые относят к концу XVI века. В ограде церкви — небольшой памятник-колонна на могиле младшего брата Пушкина, Николая, умершего в 1807 году. «Под сим камнем покоится Николай Сергеевич Пушкин» — вырезано на сером известняке.

Когда-то Большие Вяземы были вотчиной Бориса Годунова, позднее в селе находился дворец Дмитрия Самозванца. Здесь в смутное время по пути из Польши в Москву останавливалась Мария Мнишек со своей блестящей свитой. Сохранилось описание Больших Вязем как раз того времени, когда Пушкин бывал там. «Это село отличалось каменным господским домом с регулярным садом и прекрасно окружающими селение рощами. А паче обратила на себя внимание наше в Вяземах церковь каменная о двух ярусах, довольно великая, строения еще Бориса Годунова... Примечательного в ней усмотрели мы, что в церкви на стенах в некоторых местах на подмазке вырезаны или начертаны были ножичком или каким другим острым орудием слова польским языком, а литерами латинскими, кои мы разобрать не смогли, однако видны изображения цифирью — 1611, 1618 и 1620 годы и некоторые имена польских панов».

Здесь входила в жизнь юного Пушкина история, он слышал в Вяземах старинные предания о Борисе Годунове, Гришке Отрепьеве, Марине Мнишек, и когда впоследствии он встретил название годуновского села в рассказах Карамзина о подмосковных воинских потехах Самозванца и о приближении Марины Мнишек к Москве по старой Смоленской дороге, то мог дополнить картину собственными воспоминаниями о Вяземах.

Работая в михайловской ссылке над трагедией «Борис Годунов», поэт не раз обращался в мыслях к местам, где прошло его детство. Например, в одной из сцен, указывая Григорию дорогу на Литву, хозяйка корчмы перечисляет названия деревень, расположенных близ Больших Вязем: «Вот хоть отсюда свороти влево, да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево...»

Пушкиным так полюбилась их подмосковная, что, возможно, никогда они не расстались бы с ней, если бы матери поэта, Надежде Осиповне, не перешло по наследству вконец расстроенное село Михайловское. И Захарово было продано в 1811 году, а вскоре тройка лошадей уносила в северную столицу, в царскосельский лицей, юного Александра Пушкина.

Он не забыл Захарова и часто мечтал побывать там. Но сумел посетить Захарово Пушкин лишь через 19 лет, незадолго до свадьбы с Н. Н. Гончаровой. Часто перед решительным поворотом судьбы человек стремится на милое пепелище, чтобы в спокойной сосредоточенности подвести итог прожитому.

«Вообрази, он совершил летом сентиментальное путешествие в Захарово,— писала мать Александра Сергеевича дочери Ольге,— отправился туда один, лишь бы увидеть место, где провел несколько годов своего детства». Грустным было это посещение. «Все наше разрушено, Марья, все поломали, все заросло»,— сказал Пушкин дочери Арины Родионовны, уезжая из Захарова, чтобы никогда туда более не вернуться.

А впечатления от «сентиментального путешествия» отозвались в написанной осенью того же 1830 года повести «История села Горюхина», герой которой едет в усадьбу, где провел детство; еще и в другой «болдинской» повести — «Барышня-крестьянка» — вспоминает Пушкин о Захарове.

Существует прекрасная традиция — считать святынями все связанное с жизнью светлого гения русской поэзии—Пушкина. И можно перечислить немало примеров того, как любовно сохраняется память о нем в северном псковском крае, и в южной Молдавии, на Кавказе и в Верхневолжье, где созданы прекрасные музеи поэта. Любовь должна быть действенна — эта истина непреложно относится и к памятникам истории и культуры нашей Родины. Увы, Захарово — колыбель Пушкина — находится сейчас на отрицательном полюсе феномена «крайности забвения и крайности славы». Поэт любил Захарово, страну своего долицейского детства, где впервые узнал деревенскую Россию; не раз вспоминал и писал о нем — этого достаточно, чтобы решить наконец судьбу места, где была подмосковная усадьба Ганнибалов, с тем бережным вниманием и заботой, которые будут достойны памяти Александра Сергеевича Пушкина.

Дети А. С. Пушкина — Мария Александровна, Александр Александрович, Григорий Александрович, Наталья Александровна. Фото начала 1860-х годов.

АЛЬБОМ ИЗ БРОДЗЯН

Л. КИШКИН, кандидат филологических наук

Первый раз о том, что в Словакии, в Бродзянах, оказались какие-то связанные с Пушкиным материалы, я узнал в 1949 году, когда работал над темой «Пушкин в Чехословакии», от Н. Н. Вильмонта. Позже, в 1965 году, в Алма-Ате вышла книга Н. А. Раевского «Если заговорят портреты», в которой рассказывалось о том, что видел автор во время своего однодневного посещения Бродзян в 1938 году. В частности, речь шла о многочисленных рисованных и фотографических портретах родных и близких Пушкина, принадлежавших сестре жены поэта Александре Николаевне Фризенгоф (Гончаровой), которая выехала из России в 1852 году со своим мужем Густавом Фризенгофом в его имение.

В 1967 году я посетил Бродзяны (это небольшое селение рас-

ЧАПАЕВ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ ПОЛКУ

В. И. Чапаев и Д. А. Фурманов среди бойцов 222-го Интернационального полка. (Фото публикуется впервые.)

Невелика чапаевская иконография: пять павильонных портретов, десяток групповых и событийных снимков да несколько кадров кинохроники. За свою короткую — неполных 33 года — и беспокойную жизнь Василий Иванович редко оказывался перед объективами. Думалось: всё, что они успели запечатлеть, выявлено и взято на учет. Тем неожиданней увидеть новую фотографию.

Вот она перед вами. Это 222-й Интернациональный полк Чапаевской дивизии в предместьях Уфы, только что освобожденной от колчаковских банд. Июнь 1919 года. Начдив Чапаев и комиссар Фурманов пришли к интернационалистам, которые вместе с другими полками 25-й дивизии отважно сражались за победу в уфимской боевой операции. Безвестен фотограф, зафиксировавший эту встречу. А сделанную им фотографию свыше полувека, как реликвию, сберегал Петр Яковлевич Брауцей, бывший в ту пору военкомом 74-й бригады.

С Интернациональным полком, сформированным в Самаре двумя месяцами раньше, у П. Я. Брауцея была тесная, кровная связь. Родом из латвийского города Якобштадта, ныне Екабпилса, сын кузнеца, он в августе 1918 года с батальоном латышских стрелков воевал в Заволжье против белочехов. После ранения стал инструктором интернациональной секции политотдела 4-й армии, непосредственно участвовал в формировании полка.

Перед отправкой на передовые позиции, 18 апреля 1919 года, состоялось в Самаре полковое собрание. Сообщая о нем, фронтовая газета «Революционная армия» отмечала, что при большом общем подъеме присутствующих принята резолюция: все интернациональные войска готовы выступить на защиту мировой революции и рабоче-крестьянской власти и не оставить Восточный фронт до тех пор, пока враг не будет разбит. Через три дня на прощальном параде перед Интернациональным, Иваново-Вознесенским и Сызранским полками с боевым напутствием выступил М. В. Фрунзе.

С июня 1919 года до наших дней куда только не забрасывала судьба П. Я. Брауцея. С Восточного фронта — на Западный. Потом пограничная служба, работа в Средней Азии. Жил в Липецке, теперь — в Чернигове. И, как самое дорогое, был всегда с ветераном этот снимок.

От долгого времени фотография пожелтела, обветшала. Изображения людей очень мелкие. Казалось, невозможно воспроизвести ее в печати. Но пришли на помощь специалисты Научно-исследовательского института Министерства внутренних дел СССР. В своей фотолаборатории они буквально воскресили исторический снимок. Очень заинтересованно и заботливо отнеслись к старому документу руководители института, а молодой сотрудник Вадим Реутов немало потрудился, чтобы с высоким мастерством сделать увеличенную репродукцию. Судите сами: на полутора сантиметрах умещалась в оригинале группа командиров, которую вы видите крупным планом.

Вглядитесь в их лица. У Василия Ивановича Чапаева перебинтована голова — он ранен вечером 8 июня на переправе у реки Белой, в разгар уфимского боя, и повязка еще не снята. Правее, через человека,— прославленный комиссар Дмитрий Андреевич Фурманов. Он в шлеме-коммунарке — это была тогда особая примета: такой головной убор имели в дивизии лишь те, кто прибыл из Иваново-Вознесенска с отрядом рабочих-ткачей. Между ними — командир 222-го полка Сергей Емельянович Мальцев, крестьянский сын, бывший унтер-офицер старой армии, выросший в чапаевских походах и боях до своего высокого поста. Левее Чапаева один человек не опознан, а следующий — это и есть Петр Яковлевич Брауцей, сберегший фотографию. Кто слева от него — мнение двоякое: то ли комиссар полка Иштван Роот, то ли политработник 74-й бригады Нагибин. А еще левее, в гражданской черной рубахе и светлой фуражке,— помощник военкома А. Летковский. Сведения о нем скудные: работал раньше в Самаре на трубочном заводе; осенью 1919 года был комиссаром штаба 74-й бригады; умер от тифа на Уральском фронте.

На этой фотографии должны быть люди, судьбы которых еще не прослежены историками. К примеру, не удалось до сих пор найти портрет комбата Людвига Немета, отличившегося в первом же крупном бою на реке Кинель и удостоенного за это ордена Красного Знамени. У него было пять детей, родившихся в 20-х годах. Может быть, кто из них откликнется? Надеемся, что дальнейшее изучение этого снимка откроет новые «секреты» чапаевской эпопеи.

Михаил ЖОХОВ,
член Военно-научного общества при ЦДСА имени М. В. Фрунзе

положено в живописной долине реки Нитры среди невысоких лесистых гор) и пытался выяснить местонахождение бывшего там архива. Дом, в котором когда-то жила Александра Николаевна, оказался в запустении. Единственное, что напоминало о родстве его хозяйки с великим русским поэтом, это французские надписи на косяке двери в одной из комнат, обозначавшие рост когда-то приезжавших в Бродзяны детей Пушкина.

От местных жителей я узнал, что все вещи А. Н. Фризенгоф и ее потомков (книги, бумаги, портреты, мебель и т. д.) вывезли из имения в конце 40-х годов. Еще до поездки в Бродзяны мне говорили, что какие-то материалы были взяты оттуда в Братиславский университет. К моему огорчению, кроме одной фотографии и двух книг из Бродзянской библиотеки — «Стихотворений» Жуковского с дарственной надписью автора известному писателю и художнику Ксавье де Местру и «Истории России в рассказах для детей» А. Ишимовой (той самой А. Ишимовой, которой Пушкин написал последнее в своей жизни письмо),— там ничего не оказалось.

В последующие годы поиски продолжались и, наконец, дали результат. Часть материалов бродзянского архива нашлась в Словацком национальном музее. Некоторые из них, в том числе ряд портретов детей Пушкина и его близких, уже воспроизводились в советской печати.

Сегодня я расскажу о некоторых непубликовавшихся фотографиях из семейного альбома Александры Николаевны Фризенгоф, которые были обнаружены мной во время посещения Братиславы в 1974 году.

...Вот альбом предо мной на столе в просторной, залитой солнцем комнате недавно восстановленного исторического замка, где располагается один из отделов Словацкого музея. С беспокойством гляжу на его переплет: что-то скрывают за собою эти сафьяновые корки? Неужели за ними не окажется ничего нового, интересного? К счастью, оказалось.

Уже на первых страницах встретились фотографии Григория и Марии Пушкиных, а затем еще и несколько других изображений детей поэта. Кроме них, в альбоме находится много фотографий самих хозяев Бродзян — Александры Николаевны и Густава Фризенгоф, их дочери, Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской, Сергея Гончарова, Л. Н. Гартунга, П. А. и В. Ф. Вяземских и многих других лиц, относящихся к петербургскому свету, с которыми соприкасалась семья Пушкина. Всего в альбоме 50 занятых фотографиями страниц. Составлялся он Александрой Николаевной в начале 60-х годов, к тому времени относится и большинство фотографий. Под каждой владелица альбома просила изображенных оставлять специальные автографы, иногда она заменяла их подлинными подписями, вырезанными из писем, и лишь в редких случаях подписывала фотографии сама.

Особенно привлекли мое внимание в семейном альбоме А. Н. Фризенгоф фотографии родных поэта, часть этих снимков и воспроизводится. Фотография Натальи Николаевны относится к началу 60-х годов. Лето 1862 года Наталья Николаевна провела у сестры в Бродзянах. Тогда же туда приехала оставившая мужа младшая дочь Пушкина Наталья Александровна. Ее судьба очень волновала Наталью Николаевну. А. П. Арапова (дочь Натальи Николаевны от второго брака) вспоминает: «Сестра не унывала... но зато мать мучилась за двоих. Целыми часами бродила она по комнате, словно пытаясь заглушить гнетущее горе усталостью...» Не исключено, что в то лето в Бродзяны приезжали и другие дети Пушкина. Вот об этом периоде жизни Натальи Николаевны и напоминает публикуемый снимок.

Дети Пушкина. У каждого из них своя жизненная судьба. Для нас все четверо особенно интересны как люди, сохранившие пушкинские рукописи, книги, личные вещи и, наконец, какие-то семейные предания о поэте, память которого они высоко чтили.

Немало сделал в этом отношении Александр Александрович. В значительной мере благодаря ему уцелела и дошла до нас библиотека Пушкина, которую он в 1860-е годы вывез из подвалов казарм полка П. П. Ланского. А. А. Пушкин явился основным хранителем архива отца, который он в 1880 году передал Румянцевскому музею.

Наталья Николаевна Пушкина-Ланская.

Младшая дочь поэта, Наталья Александровна, последовав примеру брата, передала в 1882 году Румянцевскому музею 62 письма Пушкина к Наталье Николаевне. Долгие годы живший в Михайловском Григорий Александрович сохранил многие личные вещи отца и само имение, которое, идя навстречу передовой общественности России, продал в 1899 году казне с тем, чтобы оно как памятник культуры стало общедоступным. В Марии Александровне современников привлекало то, что она часто и с любовью вспоминала об отце. Она была почетной попечительницей библиотеки имени А. С. Пушкина. В Туле, неподалеку от которой находилось небольшое имение мужа Марии Александровны, генерал-майора Леонида Николаевича Гартунга, оба они встречались с Л. Н. Толстым. Вот что вспоминает о знакомстве старшей дочери Пушкина с Толстым Т. А. Кузминская: «Когда представили Льва Николаевича Марии Александровне, он сел за чайный стол около нее: разговора их я не знаю, но знаю, что она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью. Он сам признавал это».

Пушкину не суждено было увидеть своих детей такими, какими они предстают с этих фотографий. Но он был заботливым и любящим отцом, постоянно думал об их будущем, видя в них, как и в делах своих, продолжение жизни. В 1836 году поэт писал П. В. На-

200 ЛЕТ КАЛУЖСКОМУ ДРАМАТИЧЕСКОМУ ТЕАТРУ

С ПРАЗДНИКОМ, ТЕАТР!

П. Ванеева и Н. Ефременко в спектакле «Бешеные деньги». Фото В. Кирюхина

В буклете, изданном Калужской областной организацией Союза журналистов СССР и театром имени А. В. Луначарского, «Гастроли-76» я прочитал: «...19 января 1777 года впервые открыл для публики свои двери Калужский «храм Талии и Мельпомены», публичный и общедоступный городской театр. У его колыбели стояли крупнейшие деятели русской культуры — первый русский антрепренер Н. С. Титов и поэт В. И. Майков, создавший для открытия театра пьесу в стихах «Пролог»... Творческий подвиг совершил на калужской сцене артист Н. К. Милославский. В 1850 году он поставил запрещенную царскими властями бессмертную комедию Грибоедова «Горе от ума».

Здесь есть еще много статей разных авторов, а в них — одно общее: неразрывность истории города и театра, зрителя и артиста.

...В половине пятого вечера автобус остановился у служебного входа театра. Вошел шофер, присел на стул рядом с вахтером.

— Не опоздали бы артисты,— сказал он.— Ехать часа два с половиной: дорогу замело.

Артисты не опоздали, пришли со свертками, сумками (в них термосы); уехали на село вовремя, как и договаривались.

Часть труппы в этот вечер в спектакле занята не была, и мы с главным режиссером театра Романом Соколовым решили побродить по городу.

— Бывали когда-нибудь у нас? — спросил Соколов.

— В театре не бывал.

— Значит, и в Калуге не были,— уточнил режиссер.— Для меня лицо театра — переполненный зрительный зал, в котором я вижу своих земляков, калужан. Конечно, лицо театра определяется еще и его репертуаром...

— Роман Валентинович, а какой спектакль посоветовали бы посмотреть?

— Все!.. Но уж обязательно «Бешеные деньги». Это одна из моих первых работ на сцене Калужского театра. Я же вырос в Калуге!.. Мальчишкой бегал в театр смотреть, как Ванеева играла. А вот теперь, много лет спустя, вновь встретился с Полиной Георгиевной Ванеевой, заслуженной артисткой РСФСР.

— Только теперь уже не как зритель, а как главный режиссер театра?

— Нет, и как зритель тоже,— говорит Соколов.— В нашем коллективе работает совсем молодая актриса — Надя Ефременко; когда смотрю за ее игрой, вспоминаю сценическую молодость Полины Георгиевны.

На следующий день Роман Валентинович познакомил меня с П. Ванеевой и Н. Ефременко.

Полина Георгиевна пришла первой, сказала, что Надя запоздает. Из окна комнаты, где мы беседовали, открывалась центральная часть города: современный двухэтажный кинотеатр, широкая улица. А много дальше в дымке тумана виднелась церковь святого Егория.

— Когда-то многие туда ходили,— произнесла Полина Георгиевна, глядя на церковь.— А вот моя «церковь» — театр!.. Артист и зритель сопричастны,— продолжала она.— Артист отдает зрителю эмоции, всего себя. Но ведь и этого еще мало! Артисту нужен внутренний контакт со зрителем. За четверть века я много повидала людей,— закончат театральное училище, приходят в театр и... уходят: нет контакта со зрителем. А вот Надю Ефременко я люблю, пожалуй, больше всего за ту человечность, которую она приносит на сцену из самой жизни, за отношение к залу. Я часто думаю, как сложится судьба молодого артиста. Его судьба для меня неотрывна от судьбы всей сегодняшней молодежи. Жизнь — движение: в ней важно взаимное обогащение. Надя — калужанка, и в городе у нее много друзей. Придет иной раз утром в театр, начинает рассказывать о людях, кому плохо, кому хорошо... Она переживает, радуется за людей, поэтому, какая бы роль у нее ни была, донесет до зрителя свое чувство.

Долго разговаривали мы в этот день с Полиной Георгиевной. Попрощались, когда пришла Надя Ефременко: худенькая, в меховой шапке с опущенными ушами. Встретились они так, как встречаются мать с дочерью, давно не видевшие друг друга. Я не просил Надю рассказать о себе, потому что с ее биографией познакомился все в том же буклете «Гастроли-76». Там говорится: «Надежда Ефременко, актриса Калужского драматического театра имени А. В. Луначарского, победительница смотра молодых актеров театра. Зональной комиссией представлена на республиканский смотр артистической молодежи».

Надя занималась в театральном кружке Дворца пионеров, в балетной студии при клубе машзавода, в театре юного зрителя. Вот уже пять театральных сезонов она на профессиональной сцене родного калужского театра.

— Какую роль я хотела бы сыграть? — задумчиво переспрашивает Надя. И на одном дыхании выпаливает: — Чтобы все было взаправду!.. Как у Полины Георгиевны. Но у нее есть своя тема. А у меня пока еще нет. Это и немудрено: у нас ведь за пять лет сменились три главных режиссера, каждый со своим отношением к театру... Впрочем, мне когда-то Полина Георгиевна сказала: «Упаси тебя боже превратиться в самодовольную артистку. От такой творчества уже не жди!» Мне очень интересно, легко работать с Полиной Георгиевной. Она никогда не скажет, что кто-то плохо играет, а объяснит — она обладает особым человеческим чутьем, особым чувством любви к театру. Этому я постоянно учусь у нее. Театр — он живой: бывает теплым или холодным, чужим или близким... Придя в театр, я обязательно с ним здороваюсь, уходя, говорю «до свидания». Мне бывает тяжело, когда я вижу опустевшую сцену. А пустой зрительный зал всегда кажется одиноким, заброшенным...

— Приходите завтра на репетицию,— пригласила Надя, прощаясь...

С. ЛАЗУРКИН

щокину: «...Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать и старости нечего бояться».

Помимо альбома семейных фотографий, о котором шла речь, обнаруженная часть архива Александры Николаевны содержит еще пять разных альбомов: альбом с автографом стихотворения Жуковского «Мотылек и цветы» и его рисунками; альбом с рисунками Ксавье де Местра, Григория Гагарина и других авторов; альбом с рисованными портретами детей, жены и родственников Пушкина, выполненными Н. П. Ланским; два альбома с гербариями, в одном из которых есть три листа с растениями, собранными в 1841 году в Михайловском, Тригорском и Острове женою и детьми Пушкина, а также Анной Вульф и А. Н. Гончаровой. Обнаружены также акварельный портрет Натальи Николаевны работы Гау (1842), виды Полотняного Завода, пакет с разными фотографиями (Ланских, Араповых, членов семьи Фризенгоф...), Географический атлас Российской империи (1833) и др. Еще упомяну любительский рисунок Н. Фризенгоф (первой жены Г. Фризенгофа) с изображением жены и старшей дочери поэта (1841). Позже я увидел в Ленинграде авторское повторение этого рисунка в альбоме с портретами всех членов семьи Пушкина и некоторых обитателей Тригорского, который Н. И. Фризенгоф оставила Наталье Николаевне. Но об этом в другой раз.

Виденное мною лишь часть архивного наследия Александры Николаевны. Что дадут дальнейшие поиски, предвидеть трудно. Сейчас в них включились словацкие товарищи. Предполагается, что через несколько лет в Бродзянах будет открыт музей русско-словацких литературных связей, где будет и мемориальная пушкинская экспозиция.

Наталья Петровна Голицына.

ЗА СТРОКАМИ «ПИКОВОЙ ДАМЫ»

В Ленинграде, на углу Гороховой и Большой Морской, стоит дом старинной архитектуры, примечательный и формой окон, и резной решеткой балкона, и, главное, тем, что напоминает о Пушкине. Когда-то дом принадлежал княгине Наталье Петровне Голицыной, прототипу «Пиковой дамы». Так он и остался домом «Пиковой дамы», как остался «Медным всадником» памятник Петру I.

Живая реликвия XVIII века, княгиня Голицына, родившаяся в 1739 году и известная Пушкину с детства, пережила его почти на одиннадцать месяцев. Подумать только — пережила! Чуть не в течение всей жизни копил Пушкин мысли, впечатления, информацию о Наталье Петровне и ее семье и воплотил в волшебно-лаконичной форме, свойственной ему одному,— в повести «Пиковая дама».

Пушкин видел княгиню старухой. Она была безобразна — с усами, с бородой, из-за чего ее прозвали «усатой княгиней». Однако не была хороша она и в молодости. Но покоряла: не красотой, а умом и грацией.

Дочь дипломата, посланника во многих странах, она еще в девичестве была известна и в Европе. При дворе английского короля Георга I ценили ее как умную собеседницу, во Франции она запросто играла в карты с королевой Марией-Антуанеттой.

Страсть к картам сохранила она, кажется, до конца своих дней. Когда в старости у нее ослабело зрение, Воспитательный дом специально для нее изготовил карты большого формата.

Интересен и еще один представитель рода Голицыных — Сергей Григорьевич, по прозвищу Фирс. Общение Пушкина с этим человеком сыграло большую роль в создании «Пиковой дамы».

1 сентября 1828 года Пушкин в письме к Вяземскому, характеризуя свой образ жизни, приводит несколько стихотворных строк, послуживших впоследствии эпиграфом к I главе «Пиковой дамы»:

А в ненастные дни собирались
они часто...

Эти строки написал Пушкин во время карточной игры на рукаве Фирса.

В этом же письме от 1 сентября поэт, свидетельствуя о частых встречах с Голицыным, сообщает: «Голицын возится с Глинкою и учреждает родственно-аристократические праздники».

Тогда, летом 1828 года, Фирс вместе со своими друзьями, великим композитором М. И. Глинкой (написавшим, кстати, немало романсов на его стихи) и музыкантом-любителем Феофилом Толстым гостили в Марьине у княгини Н. П. Голицыной. Гости разыгрывали для княгини «Севильского цирюльника» Россини. Михаил Иванович исполнял Фигаро, Фирс — Бартоло, Толстой — Альмавиву.

...Фирс — и карты, Фирс — и пение, Фирс — и острые слова... Это было неразрядельно.

Однажды вечером, после чтения Пушкиным у Карамзиных «Полтавы» (видимо, в конце 1828 — начале 1829-го), во время карточной игры банкомет спросил у Фирса, на какие деньги он играет,— на эти (ставка вечера) или на те (его прежний долг). «И на эти, и на те, и на те, те, те»,— ответил Фирс.

Пушкина это позабавило настолько, что он написал шутливое стихотворение:

Полюбуйтесь же вы, дети,
Как в сердечной простоте
Длинный Фирс играет в эти
Те, те, те и те, те, те...

Фирс, по воспоминаниям современников, был милым, добрым человеком. Рассказчиком был он таким, «каких весьма редко можно слышать», отзывался о нем Василий Денисович Давыдов (сын героя 1812 года).

Повесть «Пиковая дама» написана в Болдине за необыкновенно короткий срок — октябрь — ноябрь 1833 года. Впечатления же скапливались годами. И, может быть, более всего именно к этой повести относятся пушкинские строки о вдохновении из отрывка «Осень», созданного болдинской осенью:

...И тут ко мне идет незримый
рой гостей,
Знакомцы давние, плоды
мечты моей...

Сусанна ЭНГЕЛЬ

БЕЛАЯ БОРОЗДА

Николай БЫКОВ, фото Бориса КУЗЬМИНА,

специальные корреспонденты «Огонька»

По-лебединому ослепительно кустанайское небо в январский полдень, но ближе к вечеру оно грубое, тяжелое, будто саманное. А ночью появляется луна — желтой подарочной хлебницей. Она поднимается выше и выше, пока не остынет добела, не истает до размеров памятной медали за освоение целинных и залежных земель. «Все те же звезды надо мной, все те же парни рядом; стоим и говорим с луной о хлебном Эльдорадо...» Чистые строки времен распашки ковылей, они живут во мне и сегодня, потому что верно было тогда угадано: братство первоцелинников сохранилось на долгие годы.

С вечера побежала поземка, казалось, степь заспешила, двинулась в иные края, точнее, за крутой край обозримого пространства. Но степь оставалась недвижной, просто ветер работал свою обычную работу, и началась перекочевка, перекачка великой снежной массы. Но снегу не дано было на этот раз истечь с полей.

Снегопахи бороздили степь. Бегущие ленты, холсты, ватные струи снега зарывались в белые борозды, вспухали, вскипали, горбились сугробами. Мело и день, и еще ночь, и утром нового дня.

Наступил год Большого снега! Вернее, год Большого снега пожелал повториться. Минувший семьдесят шестой обернулся самым хлебным, самым урожайным годом в этих местах за последнюю четверть века. И вот пали новые снега — окрепла уверенность, что снова хозяйства будут с урожаем. Второй год подряд. Так случается нечасто.

Ах, как торопится поземка перепеленать дороги, пашни. Но спешат и агрономы, механизаторы перехватить этот обильный снежный концентрат бесценной влаги. За Аксуатом — с трудом, лишь к обеду, разогрев, разъярив мотор в двести лошадиных сил — вышла на «белую пахоту» Кундузай Ибраева. Быстрая женщина в черном ладном тулупчике (зависть горожанок) и мягком треухе поднялась по ступеням «Кировца», исчезла в остекленном домике шикарной кабины. Без усилия Кундузай развернула алую махину, переча бурану, и потянулись борозды снега поперек ветра. Ответственное задание — перепахать снежный покров, всю зимнюю степь! Кундузай, пожалуй, лучший тракторист в Аксуате, ее учитель и подруга — знаменитая Камшат Доненбаева. Кундузай молода, общительна и в работе яростна. Полземли видит из высокой кабины! Она член ЦК Коммунистической партии Казахстана. В зерносовхозе «Каменск-Уральский» очень гордятся ею. «Только бы не подвести земляков»,— сказала мне Кундузай. А в глазах настороженность. Маленькую дочурку свою Кундузай назвала по-своему — Нежность. Нежность — это еще и надежда, и надежность, и жизнестойкость. Все, без чего не одолеть ни снегов, ни ветров в степи, ни превратностей судьбы, а Кундузай пришлось испытать и ее буранные удары.

Весьма возможно, что Боровской район не самый лучший в области, но давно полюбились мне его березовое кружение, его соленые и пресные озера, журавли, такие неловкие и тяжелые на долгом взлете. И люди, ставшие за два десятка минувших лет друзьями. Досадую, но и радуюсь в душе, что у соседей боровчан — в Кустанайском районе — средний намолот нынче перевалил за двадцать центнеров, что зерна продали они больше всех иных районов, ну да ведь любовь не выбирают! В любой буран выйду на огни Боровского и ни на чьи другие...

В Боровском тресте совхозов выставили напоказ снопы-76. Пшеницы, овсы, просо, рожь, долговязая, будто нездешняя кукуруза. Вестибюль большой, солнце ломится сквозь замерзшие окна, но кажется, что сразу стало тесно от внесенных снопов. Так вот какой была степь в сентябре!

Тринадцать лет главный агроном треста совхозов Андрей Яковлевич Зудерман колдует на огромных просторах, но только сейчас обрел уверенность, что агротехника отработана надежная. Об урожае-76 толково и с удивлением по поводу чуда, свершившегося на его глазах, подробно рассказал старший агроном Хызыр Исаевич Базылбеков, человек молодой, красноречивый и влюбленный в растения:

— Вы только представьте нашу уборочную площадь — почти триста тысяч гектаров зерновых. Агрономы-степняки много лет приноравливались к природным условиям, к почвам района, чтобы так смело, как теперь, вести зерновое хозяйство. Решена или почти решена сложнейшая задача с десятками неизвестных. Да еще есть коэффициент, который нельзя никогда упускать из виду. Это погодные условия, сроки осадков данного года. От этой-то поправки, которая пока не зависит от нашей агрономической службы, все плюсы и все минусы в формуле очередного урожая.

Я спросил, когда, в какой день 1976 года стало ясно, что хлеб будет. Хызыр Исаевич принес толстенные тетради, полистал их и ответил:

— Что будем с урожаем, стало ясно шестнадцатого мая. Как раз начали сеять. В ночь на семнадцатое пролился майский дождь — отлегла тревога от сердца. А потом в самом начале июня — новый дождь, да какой! Конечно, степь велика, и осадки были неравномерны. Не всем хозяйствам была отпущена та влага полной нормой. По-разному смотрели на небо главные агрономы совхозов имени Ломоносова Семен Павлович Комар, «Краснопресненского» — Владимир Иванович Борисенко и «Боровского» — Ольга Ивановна Ускова. По-разному... Но каждый из них прошел такую целинную школу, столько пережил и такое здесь повидал, что давно отвык уповать на небушко. Я лишь четыре года как окончил институт, а Борисенко, или Ускова, или вот был Егор Егорович Гинтер — это наши академики!

И я узнал, что в тресте, в каждом хозяйстве, где остался надолго толковый агроном, собраны ценнейшие многолетние наблюдения по урожайности, в зависимости от сроков сева, от сроков осадков, от сортов и почв. В ответ на мои восторги по поводу «двух дождей в мае» Владимир Иванович Борисенко, главный агроном «Краснопресненского», заметил, как всегда сдержанно, чуть иронично:

— Да тех драгоценных дождей хватило только-только на хлебную массу. На травостой, понимаешь? Засуха предыдущих двух лет сказалась даже и в благоприятном минувшем. Влага была. Великая влага. И хлеб поднялся небывалый. Точнее, хлебное растение. А на колос, на полновесный колос тех дождей опять не хватило. И вот результат — сам понимаешь.

Я знал, что виды на урожай были потрясающие: не менее двадцати — двадцати пяти центнеров по району ожидалось. Намолотили по восемнадцати. Очень много. Как никогда. Но по восемнадцати, а не по двадцати пяти. Таков степной баланс, судьба агрономии в открытой всем ветрам Кустанайской степи. А «минус» преподнесли несколько августовских дней. Владимир Иванович Борисенко:

— У нас в «Краснопресненском» в июне выпало только восемь миллиметров... А в августе, в самый налив, навалилась сушь. Прихватило зерно...

Так что хлеб, который взяли,— это хлеб агрономов, это урожай в большой степени рукотворный. Его п о с т р о и л и агрономы.

Шли дожди. Их помнят. Каждый дождик. Дождь четырех дней — с 20 по 23 мая; дождь — первый — семнадцатого мая; дождь двух июньских дней — четырнадцатого и пятнадцатого. Их слышат и посейчас, когда за толстой саманной стеной шелестит, змеится золотая («Опять будем с хлебом!») поземка.

Тяжелы неурожайные годы. Но не легче и годы больших удач. В степи поднимаются хлебные курганы, а поздняя жатва вот-вот захлебнется в замети первых снегопадов... Тысячи машин неумолчно гудят в полях и на шоссе... И все-таки бывает, что люди бессильны овладеть по-хозяйски всей гигантской массой вещества созданного урожая. Все решает в такой суматошный год организация уборочных работ и, главное, наличие действующей техники. Когда махина эта запущена, как единый уборочный агрегат, тогда любо-дорого видеть страдный азарт степняков. Но урожай-76 показал и в этих местах, как слаб комбайн «С-4», какая нужда у казахских земледельцев в новой, более мощной уборочной технике. Если хоть одно поле остается под снежным саваном — больно, очень больно...

Ольга Ивановна Ускова сейчас главный агроном «Боровского», в районе она более двадцати лет, как говорится, с первого колышка. Приехали тогда двадцать семь выпускников Житомирского сельскохозяйственного института. Двадцать семь. Однокашники, энтузиасты. И вскоре прошли еще один а к а д е м и ч е с к и й курс — целинной агронауки. Была Ольга Ивановна и колхозным бригадиром и агрономом отделения, а сейчас у нее более сорока пяти тысяч гектаров боровских угодий. Из них только под пшеницей тридцать тысяч!

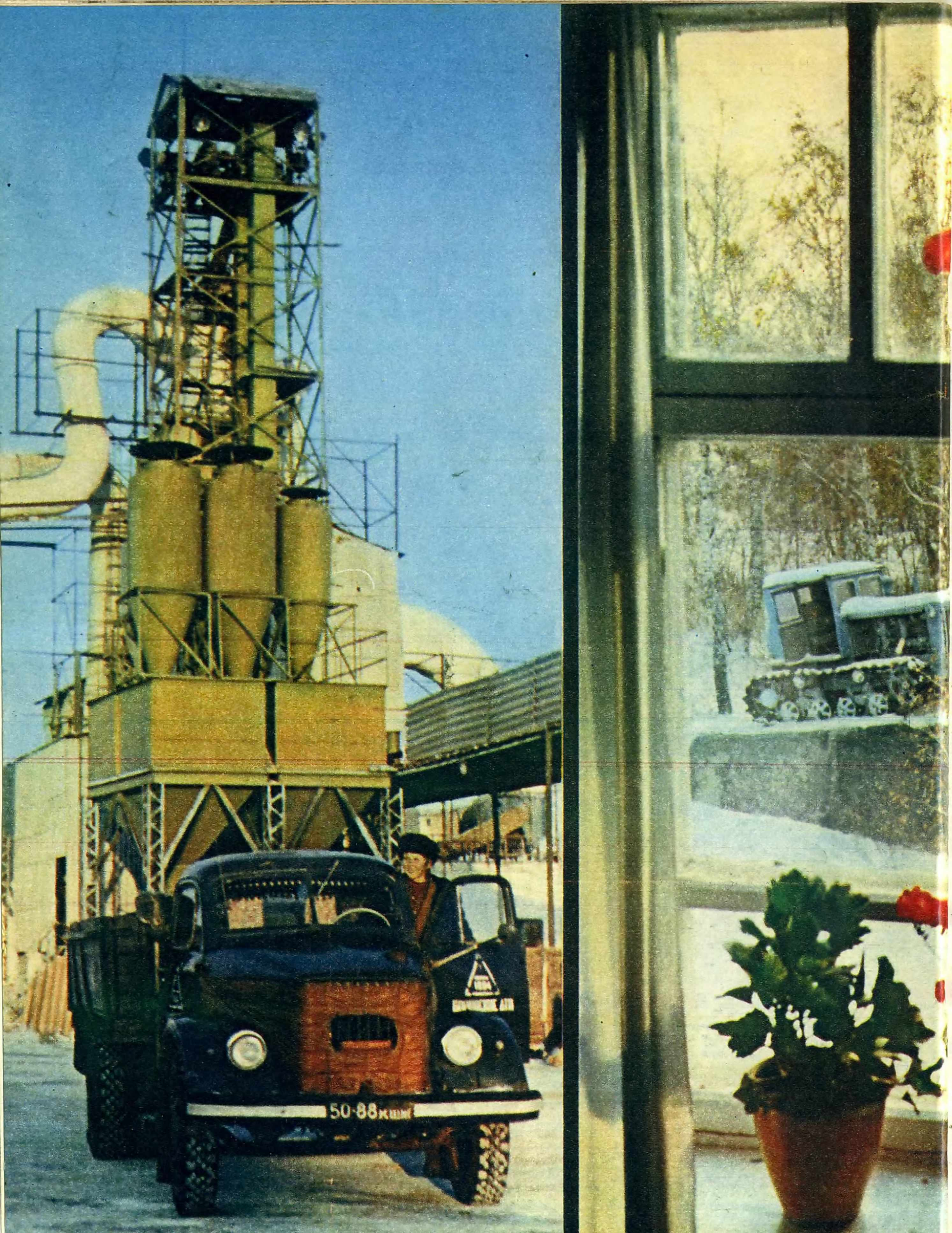
— Ольга Ивановна, ну как вам?

Смеется ответно:

— Было бы легче, конечно, если бы... Если бы техники на все работы хватало. Дисковые лущильники такой беды здесь натворили... Теперь все мы поумнели. Кстати, у нас обязательна предпосевная обработка противоэрозийными культиваторами, да мало их, мало. Помню, недавно еще царствовал овсюг... А сев! Бывало, на Первомай почти рапортовали. Теперь, как правило, раньше пятнадцатого мая сеялок не выгоняем. Учились у земли жить вопреки разным толкованиям, реко-

Людмила Милоянова. ● И зимою степь не спит...
НА РАЗВОРОТЕ: Нет, это не Байконур, а Боровской зернопункт. ● Трактор на пьедестале — вид из окна музея ордена Ленина совхоза «Краснопресненский». ● Мария Петровна Прокопенко — старший лаборант Боровской госсеминспекции.

50-88

Народ и партия едины!

мендациям. К полю — каждому — свой подход. По земле, ее засоренности, согласно чередованию культур. Иначе нельзя. А за пары (не при начальстве будь сказано) битва идет до сих пор. Паров, как и прежде, в районе кот наплакал. Пары занимают, потому что кормов не хватает. Но, во-первых, кормить надо грамотно, расчетливо и не из-под копыта; во-вторых, когда будут чистые законные, а не подпольные пары, тогда и кормов будет больше.

Ольга Ивановна хотела еще что-то сказать, да отмахнулась и снова молодо засмеялась:

— Мы должны землю детям своим оставить в полном порядке. Не целину, а пашню. Культурные освоенные севообороты. Для этого жить надо не только сегодняшним днем, не мыслями о собственном благополучии, а борьбой за стабильные урожаи. Наше наследство — ухоженная земля.. У земли своя жизнь, и насиловать ее ради сиюминутного стыдно.

Чего же ей, земле, надо? Таких хозяев, как большинство хлеборобов Боровской степи. Таких агрономов, как Ускова и Борисенко. А еще новых тракторов, новой техники (в основном почвообрабатывающей). На Пленуме ЦК КПСС в октябре 1976 года товарищ Л. И. Брежнев высказал серьезные нарекания в адрес Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения: «Совершенно нетерпимо, когда для отличных по качеству тракторов «Кировец» министерство даже к концу пятилетки не намечает обеспечить выпуск нужного набора прицепных и навесных машин. Не поправить положение — значит заведомо обрекать новую мощную технику на простои».

— Эти слова Леонида Ильича Брежнева мы часто вспоминаем. Ведь и у нас такая же картина,— говорит секретарь Боровского райкома партии Алексей Григорьевич Ванин.— Пока мало — не по целинным масштабам — глубокорыхлителей, культиваторов, нехватка и лемехов и лапок; вот существует чудо-борона «БИГ-3», но из-за нее спор между агрономами: в хозяйствах по два-три агрегата на тридцать—сорок тысяч гектаров. Нет и сеялки с лапками «СЗ-2,1», а ведь она культивирует, и сеет, и прикатывает. Как же без такой противостоять «казахстанским дождям», то бишь майским, душу выматывающим суховеям? И главное, когда же будут «шлейфы» для красавцев «К-700» и «К-701»? Гулять гуляют по степи богатыри, а навесных орудий, кроме плуга или снегопахов, к ним нет и нет! Накладно держать такой красивый тракторный парк почти без дела...

...Повстречалась на кустанайском тракте Людмила Милоянова.

— Эй, дружок, прими левее!— А на крик глянула из-за ветрового стекла девушка.

Она, Людмила. Мне рассказали, когда парни — шоферы тяжелых «газов» и «кразов» — встречают старенькую машину 50-88 КЩЖ, то над быстрым асфальтом шоссе ликуют гудки: «Жми, Люда!» Пока ее машина загружалась глубинным зерном, чтобы в ночь отвезти его на кустанайский элеватор, я узнал, что Людмила за баранкой уже пять лет. Комсомолка, шоферит от Боровского АТП, а живет с подругами в общежитии («У нас квартирная система, очень удобно, и дружим, конечно...»). Узнал, что любит дальние рейсы, а машина уже тринадцать лет на ходу, но все равно за день удается обернуться дважды («Сто — туда, сто — обратно, ведь у нас, у девушек, нет ни перекуров, ни заботы, кто кому сколько шайб забил...»). Вот такая она, Людмила Милоянова, королева кустанайского тракта!

— Поете в дороге?

— Что вы, нет, конечно! Дорога — это вам не кино, тут гляди в оба!..

Год Большого снега!.. Внятная заявка на могучий урожай. Передышки на целине нет и не будет. Кустанайцы это поняли еще в октябре, когда облетела их степь первая метель.

Школьники Аксуата. ● Одно из отделений совхоза «Боровской». ● Хызыр Исаевич Базылбеков, агроном треста. ● Пахнет сеном над снегами!.. ● «Мой папа — первоцелинник». ● Главный зоотехник совхоза «Боровской» Иван Андреевич Колимбек. ● Березы, березы — ровесницы новых совхозов. ● Родились на целине.

ПАМЯТЬ О ПЕРЕЖИТОМ

Петр АНДРЕЕВ

У меня сохранилось немало писем Сергея Антонова. Иногда я перечитываю их, вспоминаю все, что с ним связано, мысленно перебираю годы своей жизни...

«Дорогой Петро, здравствуй!

Сейчас в Париже ночь, а я только-только вернулся в отель, где остановилась наша «партизанская бригада». Прилетели мы две недели назад, рано утром. Встретил делегацию советских партизан наряду со многими другими Андре Бор, министр по делам бывших фронтовиков. Человек он славный, честно воевал против гитлеровцев, примкнув к маки совсем еще юным пареньком. Храбрости он был отчаянной, совершал налеты на оккупантов, устраивал диверсии. Гитлеровцы загадили весь север Франции—Андре Бор сам лотарингец— своими листовками и объявлениями, в которых обещали награду за голову партизана. Нашелся мерзавец, Бора предали. Схваченный гитлеровцами, он мужественно держался на допросах, никого из товарищей не выдал и был приговорен к смертной казни. Однако я глубоко убежден, что добру всегда воздастся добром, как злу — злом. В ночь перед приведением приговора в исполнение партизаны устроили Бору дерзкий побег.

Бор — мы с ним как-то быстро и открыто подружились—рассказывал мне: «Я начал партизанить вначале не по зрелому идейному убеждению, а из-за мальчишества. По-настоящему я осознал себя маки, борцом-антифашистом, лишь после обращения к народу Франции генерала де Голля. Я не коммунист, я всегда был и остаюсь голлистом. Но после того, как друзья спасли меня, после того, как ушел в лес и стал командовать большим соединением, судьба свела меня со многими французскими коммунистами и социалистами, с советскими людьми, бежавшими из гитлеровских концлагерей и примкнувшими к нашей борьбе: русские сражались за свободу Франции в лесах Лотарингии, наши летчики из «Нормандии — Неман» били гитлеровцев в России вместе с советскими пилотами. Разве это не есть истинный пример антифашистского братства?! Я, голлист, подружился во время нашей совместной борьбы против гитлеровцев со многими советскими людьми и до сих пор храню память о них в моем сердце. Потому-то и стал одним из инициаторов Конгресса бывших партизан. В моем сердце всегда будет жить Герой Советского Союза Полетаев — а сколько таких Полетаевых сражалось в Италии, во Франции! Сколько их осталось навсегда лежать в нашей земле?»

Принимали нас здесь отменно, и программа была организована интереснейшая. Я, знаешь ли, даже о хвори своей забыл (врачи-то ведь меня со скрипом пустили в поездку, мудрят что-то за моей спиной эскулапы, требуют немедленной госпитализации. Пришлось перед выездом пошуметь: «Что, в тираж списываете?! Не дамся! Пока на ногах стою — буду работать! Если же хотите моей погибели, то, пожалуйста, отправляйте на «заслуженный отдых», только заодно приготовьте некролог. Наше поколение отдыхать не умеет, наше поколение умеет строить и защищать построенное!»). Словом, отбился, да и друзья подналегли — дали мне врачи отсрочку, сказали, что госпитализируют после возвращения из этой поездки. Тебе признаюсь, одному тебе: после возвращения из командировки чувствую себя я неважнецки. Какая хворь в меня забралась — черт ее раскусит, но подлечиться, видно, придется весьма основательно.

Так вот, о программе нашего здесь пребывания. Речи партизан ты, верно, мог прочитать в газетах. Выступали русские и французы, югославы и украинцы, поляки и белорусы, армяне и бельгийцы, норвежцы и грузины. «Мы собрали сплошной интернационал,— пошутил Бор как-то,— вполне вероятно, что это может не понравиться не только ультралевым, но и крайне правым. Впрочем, нам, партизанам, не привыкать к опасностям!»

Делегация советских партизан разделилась на несколько групп и разъехалась по стране. Мне предложили отправиться на юг Франции, в Марсель, Канны, Ниццу. Здесь я ощутил ту высокую, чистую голубизну южного неба — особенно в Арле, которая так вдохновенно влияла на корифеев французской живописи. Знаешь, наверное, только здесь можно по-настоящему понять величие и трагедию гениального Ван-Гога. (Написал и сразу же вспомнил нашего с тобой «подопечного», старика Пэна, молодость нашу комсомольскую вспомнил.)

В Марселе нас принял мэр, социалист Деффер. Кое-кто говорил мне, что он правый социалист, человек по отношению к нам весьма и весьма сдержанный. Я, однако, этого не заметил. Принял нас Деффер отменно дружески — обычный средний француз, гордый тем, что его уже несколько раз подряд выбирают

Окончание. См. «Огонек» № 5.

мэром Марселя, влюбленный в свой город, хорошо его знающий — в этом сомнений быть не может.

И вот во время обеда у мэра кто-то из гостей рассказал, что в Ницце, «жемчужине Франции», самом красивом городе Средиземноморья, похоронен Герцен. Меня, знаешь, прямо как стукнуло: ведь именно в литературе прошлого века, где Герцен занимает одно из первых мест, Ницца сплошь и рядом поминается нашими писателями, да и у Герцена, сдается мне, в «Былом и думах» есть строки об этом городе, воистину красивейшем, как я сам убедился, побывав там.

Первым делом, как понимаешь, я решил поклониться отцу «Колокола».

Спрашиваю:

— Где похоронен Александр Герцен?

На меня собеседники глаза пялят: «Кто такой Герцен?»

Я, в свою очередь, пялю глаза на них: как же такое возможно — не знать великого писателя-демократа, борца против царизма?!

Решил начать поиск. Поехал на одно кладбище, на другое, третье. Никаких следов. Что делать?! Устал, ноги подкашиваются, но, думаю, не сдамся, своего добьюсь! Часов в пять, наконец, счастье мне улыбнулось.

— Герцен, Герцен...— задумчиво повторил следом за мной один из собеседников.— Это русский анархист, который призывал бомбы кидать?

— Да не призывал он бомбы кидать,— ответил я, начав уже раздражаться: Герцен ведь — целая эпоха в развитии мирового освободительного движения!

— Мне кажется, в Ницце есть один старик,— заметил мой собеседник,— в прошлом кладбищенский смотритель. Он живых не жалует, оттого что скуп и нелюдим, но зато великолепно знает всех мало-мальски именитых усопших. Он в этом — живая энциклопедия.

С трудом нашел я этого «энциклопедиста». Развалина развалиной, но глазенки, что называется, «вострые».

— Как же, как же, знаю, где могила Герцена находится.— И назвал мне по памяти, не заглядывая даже в реестр, номер кладбищенской аллеи.

— Так ведь я один не найду,— говорю.

— А у меня ноги больные, мсье, мне ходить тяжело.

Я прикинул свою наличность (сам знаешь наши «суточные»), предлагаю:

— На такси довезу.

— Это, конечно, хорошо, что мсье отвезет меня на такси, да только по кладбищу пока еще автомобили не ездят, а лекарства, чтобы потом ноги растирать, весьма дороги у нас.

Понял я — выжимает «энциклопедия» из меня деньгу. Хотел я Ванюшке несколько книг по истории французского искусства привезти, а они здесь чудовищно дорогие, но понял, что не получится. Достал франки, протянул деду. Тот сразу оживился, ноги мгновенно поправились, и поехали мы на кладбище. Можешь представить себе: в дальнем углу, в полнейшем запустении, в безвестности и тишине — тропа-то «заросла», если перефразировать пушкинские строки — стоит памятник нашему Александру Герцену, и никому во всем этом красивейшем месте нет дела до него — какой-то иностранец захоронен, мало ли их тут?!

Когда я рассказал об этом французским друзьям, те ответили:

— А чего вы хотите? Попробуйте спросите любого парижанина, где похоронен Федор Шаляпин,— вряд ли из десяти тысяч один ответит.

И тут вдруг все во мне восстало против этой несправедливости, и решил я начать действовать, вспомнив при этом нашего комсомольского секретаря Колю Крустинсона и его выволочку по поводу «партизанщины», когда, не посоветовавшись, отправил письмо народному комиссару путей сообщения. Помнишь?!

Однако не ошибается только тот, кто ничего не делает,— сие нам забывать никак негоже. Очень я не люблю тех, кто не ошибается, пребывает в состоянии «вцепленности» — в стул, в кресло свое, имею я в виду.

И начал я действовать — решил приложить все силы к тому, чтобы вернуть на Родину прах людей, память о которых столь нам дорога. Возвратился я с кладбища и сразу же попросил отвезти меня к префекту. Мужик оказался славный, выслушав меня, ответил:

— Нет вопроса, мсье Антонофф! Считайте эту проблему решенной!

Я, знаешь ли, в Париж возвращался на крыльях — в прямом и переносном смысле: самолет — как явление материального плана и мое внутреннее состояние — как явление плана душевного.

Не успел я, однако, вылезть из ванны — лежал полчаса, приходил в себя от усталости, тело задеревенело, ноги опухли, сам себе тошен,— как раздается звонок. Нашел меня префект, довольно быстро нашел и говорит извиняющимся голосом:

— Мсье Антонофф, простите великодушно, однако возникла серьезная проблема: по французскому законодательству мы не можем позволить перевоз праха без разрешения на то наследников умершего.

— Это я беру на себя,— отвечаю,— об этом не беспокойтесь!

На том и порешили.

Отыскал я тут же с помощью французских друзей телефон внучки Герцена. Лет ей никак не меньше девяноста. Набираю номер:

— Я такой-то и такой-то, почитатель таланта вашего великого деда...

Внучка меня оборвала:

— Коли вы по поводу перезахоронения — прошу не обременять себя звонками.

И — шмяк трубку на рычаг.

Я по доверчивости нашей не сразу понял, что она бросила трубку; решил было — разъединили. Набрал номер еще раз. Ни ответа, ни привета.

Нет, думаю, если некоторые повернулись спиной к тем двумстам с лишним миллионам, для которых Герцен — национальная святыня, именем которого названы театры, улицы, институты, библиотеки, то правнуки должны быть иными — зрячими, что ль, а не зашоренными, как лошадь в дореволюционной донбасской шахте.

Снова помогли бывшие маки: собрали всех правнучек и правнуков.

Выступил я перед потомками, втолковывал им, что значит для нас Герцен, корил их тем, что мы столетие со дня его смерти отмечали всенародно, а они всего лишь один венок на могилу предка соизволили принести. Словом, и так и сяк их уговаривал. Один из них, юрист, праправнук, посмотрел на меня с сожалением и вздохнул:

— Ничего у вас не получится, хотя я готов поддержать идею: я в Москве был, и когда мне показали улицу Герцена — не поверил. Вечером привел другого переводчика и попросил прочесть мне надпись на табличке: все верно, «улица Герцена». Не скрою, был весьма и весьма удивлен, не мог себе ранее представить, что мой предок известен в России.

Порешили — и то слава богу — на том, что через некоторое время снова вернемся к обсуждению этой проблемы — праправнуки обещали вроде бы написать свое согласие на перевоз в Москву праха Александра Ивановича Герцена.

...Думаешь, это конец моей парижской Одиссеи? Как бы не так! Мне ведь что в голову западет — колом оттуда не вышибешь. Про Шаляпина-то сказали, так я думал, думал, как быть, но после «эксперимента» с родственниками Герцена решил действовать более осторожно.

Не могу еще раз не помянуть добрым словом французских друзей. Они рассказали мне, что у Шаляпина осталось несколько наследников: сын Борис, художник, живет в США, другой сын — мелкий бизнесмен — в Италии, дочь Ирина — актриса одного из московских театров, дочь Марина замужем за англичанином, крупным предпринимателем, Марфа тоже проживает где-то в Англии, а Дассия обитает в Париже, но уже в обличье графини Шуваловой — вышла замуж за столбового дворянина, батюшка коего владел десятками тысяч десятин земли в России, множеством усадеб, поместий (какие там поместья — истинные музеи!) и городских домов.

Ладно. Пришел я к послу Советского Союза, объяснил существо дела.

Ответ от сыновей Шаляпина пришел быстро: «Согласны, благодарим, гордимся».

Прислала телеграмму из Москвы Ирина Шаляпина.

Согласились «английские» дочери Федора Ивановича.

Я торжествовал победу. Положив в карман все эти «наследниковы ответы», попросил французов связать меня с графиней.

— О, советский партизан! Как интересно! Хотите увидеться по делу, связанному с моим отцом? Что ж, пожалуйста! Приезжайте, вместе пообедаем.

И отправился, Петро, обедать к «ее превосходительству графине Дассии Шуваловой», дочери Федора Шаляпина, который как никто другой на земле выплакал в «Дубинушке» всю боль и горе русского мужика.

Встретила меня, в белилах и румянах, молодящаяся дама. Сели за стол — хрусталь, ножи и вилки серебряные, русская водочка, лакей во фраке.

За столом граф, откашлявшись, произнес следующее:

— Я понимаю, зачем вы к нам пришли. Мы и про ответ Бориса все знаем, и про Иринино согласие вместе с другим братцем и лондонских сестриц. Так вот, господин советский, мы согласимся на перезахоронение праха Шаляпина в том случае, коли вы, большевики, выплатите мне хотя бы половинную компенсацию за поместья и земли, которые были конфискованы вами у моего незабвенного батюшки.

Я прямо от гнева похолодел: прахом ведь торгуют!

— Это наша общая точка зрения,— ответила Дассия, словно бы поняв мой немой вопрос.— Мы с мужем это для себя давно решили.

Петро, Петро, как же возможно эдакое в людях?! Откуда такая жестокость, такая варварская некультурность, такое презрение к народу, родившему Федора Шаляпина и воспитавшему его?!

Хмель прошел; горько мне стало и пусто в этом прекрасном городе, залитом огнями, бешеной разноцветной рекламой, заставленном миллионами автомобилей разных марок, цветов, мощностей... Вот и сел за письмо к тебе, хотя на днях возвращаюсь домой: «и дым Отечества нам сладок и приятен». Скорее бы в Москву!

Обнимаю. Твой Сергей».

История, которую я хочу рассказать, связана с именем моего друга и была подсказана его письмом — он всегда шел впереди, с незабвенных, голодных, прекрасных лет нашего, столь далекого уже, детства. Сергей, находясь на военной службе, да и после демобилизации, продолжал отдавать весь пламень своего сердца работе по охране памятников старины, помогал, чем мог, тем друзьям из мира искусства, с которыми его сводила жизнь и в горькую годину войны и в дни мира; не по приказу помогал, не по указанию, а по велению сердца, ибо так уж он был воспитан. Партия его научила этому, Советская власть.

Помню, как довелось мне увидеться с артистом «его императорского величества театров» Андреевым. Волею судеб, когда многих людей разметало по миру лихими ветрами горькой эмиграции, оказался бывший актер бывших русских императорских театров во Франции.

Когда я встретился с Андреевым, было ему за восемьдесят, но, несмотря на преклонные годы, оставался он подтянутым, бодрым, ясноглазым; голова у старика светлая — никаких провалов памяти; реакция на слова собеседника — моментальная, юношеская, сказал бы; голос — актерский, великолепно поставленный, с красивым тембром.

В далекие, трагичные для Андреева годы, после унизительных скитаний по «заграницам» женился он на француженке: пошли дети — полурусские, полуфранцузы, потом «внуки-четвертушки». Но сердце-то у него русское было, тянулся, видно, он к Родине, страдал внутренне.

Деталь одновременно и смешная и горькая: когда мы встретились, он, стараясь, чтобы я не заметил, оторвал пуговицу с моего пиджака — память о настоящем русском, то есть советском. И говорил, все время говорил, страшась, видно, что не сможет высказать всего, что накопилось в сердце за долгие годы эми-

грации, оторванности от того, что мы определяем двумя всеобъемлющими словами — Родина-Мать. Главное, что запомнилось мне из его исповеди: плохо, ох, как плохо живется русским людям на чужбине, так горько, что горше и быть не может.

— Я стар,— говорил он мне,— и нет у меня ничего такого, что б мог я завещать после смерти Родине. Однако я не зря попросился к вам. Есть у меня стародавний друг, мсье Леонидов, бывший администратор МХАТа. Так вот у него, у мсье Леонидофф — на французский манер сказал старик,— сохранилась уникальнейшая библиотека по истории русского театра. Он хотел бы эту свою редкостную коллекцию книг передать в дар Харькову — он там родился.

— Спасибо,— ответил я,— передайте господину Леонидову нашу благодарность.

— Но он хочет всенепременно увидеться с вами. Он желал бы изложить вам нечто, по его словам, крайне важное.

Назавтра я встретился с Леонидовым.

Как же разительно отличался он от восьмидесятилетнего Андреева! Значительно моложе «бывшего артиста», Леонидов еле двигался, тусклые глаза его слезились, руки мелко тряслись.

Открыв потрепанный черный портфель, он достал большой лист мелованной бумаги с круглыми красными печатями и протянул мне:

— Это — завещание. Мое завещание. Я передаю всю мою библиотеку. Согласно описям,— он достал несколько страниц машинописного текста, также заверенные печатями,— коллекция уникальных книг составляет четыре тысячи томов. После моей смерти я хочу, чтобы все фолианты по истории русского театра стали достоянием харьковской библиотеки, которая имеет честь находиться на Дворянской улице.

— Такой улицы в Харькове нет,— ответил я.— С 1917 года не существует.

Пошамкав белесыми губами, утерев слезу, Леонидов после долгого и тяжелого молчания глухо сказал:

— Названия-то нет, но ведь улица осталась...

Ушел он согбенный, шаркая ногами, и в сердце моем шевельнулась жалость к этому человеку.

— Жалеть его вообще-то не следует,— сказал мне во время следующей встречи Андреев,— он ведь не только сам остался в Париже, когда повез за границу МХАТ на гастроли, но и многих актеров уговорил. Сколько им, ныне широко известным в Москве, пришлось помыкаться, прежде чем смогли вернуться на Родину... Так что вину свою он хочет загладить... По-человечески я его понимаю,— вздохнул Андреев,— очень хорошо понимаю...

Именно Андреев впоследствии сказал мне, что неподалеку от Парижа, в городе Нейи, на маленьком кладбище захоронен великий русский композитор Глазунов, автор бессмертной «Раймонды», в которой так блистательно выступили великие балерины нашего времени Анна Павлова, Галина Уланова, Майя Плисецкая.

Я поехал на это кладбище и среди безвестных могил нашел небольшой мраморный крест и плиту «Александр Глазунов». Ни венков, ни цветов — запустение, непонятное русское имя среди тысяч французских, а ведь Глазунов лежит, выдающийся композитор, один из корифеев русской музыки, гордость наша и слава.

Сердце мое сжалось, вспомнились поруганные гитлеровскими вандалами могилы Чайковского, Толстого, Пушкина, вспомнилось, с каким трудом, ценою каких огромных усилий восстанавливали мы эти святыни, вспомнилось, каким почетом окружено искусство у нас на Родине, как торжественно отмечаются пушкинские дни в Михайловском, как празднуется на Смоленщине рождение Глинки, когда десятки тысяч людей заполняют улицы и площади города, восставшего из пепла, и звучат вдохновенные мелодии великого сына великого народа...

— Кто из родственников Глазунова живет в Париже?— спросил я Андреева.

— Право, не знаю,— ответил он.— Кажется, после смерти его вдовы единственная наследница, дочь композитора, перебралась в Германию.

— Это все, что вы знаете?

— Увы, все.

Задача оказалась сугубо трудной. Во-первых, ныне существуют две Германии: ГДР — и ФРГ; во-вторых, человек в стране подобен иголке в стоге сена — пойди-ка найди!

Андреев, впрочем, вскоре позвонил мне и добавил:

— Кажется, дочь Глазунова вышла замуж за какого-то немецкого писателя, но и это неточно — так мне сказали знакомые, на память которых я не могу полагаться совершенно определенно.

Это тем не менее была хоть какая-то зацепка. Вернувшись в Москву, я связался с моими друзьями, работавшими в ГДР и ФРГ; братство по фронту, по партизанской борьбе — великое братство; тот, кто знает запах пороховой гари, ужас бомбежек и минометных, свистящих обстрелов, скорее всех и всегда поможет другу, если только (редко это, но, увы, бывает) не зачерствел человек, не «забурел», не забыл фронтовое, объединяющее братство.

Друзья, работавшие в ГДР, ответили быстро — помогли немецкие товарищи, сразу же откликнулись на нашу просьбу, и это понятно: братская социалистическая страна, общность идеалов, классовая солидарность. Ответ товарищей из ГДР был неутешительным: опросили членов Союза писателей, связались со всеми литераторами, не состоящими еще членами союза, но никто не был женат на дочери Александра Глазунова, никто ничего не слыхал ни о ней, ни о ее муже.

Из ФРГ ответ пришел значительно позже, но радости моей конца не было: в Мюнхене живет писатель и искусствовед, выпустивший несколько книг по истории французских импрессионистов, ныне работающий над монографией о Глазунове. Жену его зовут Елена Александровна, она русская, единственная на всем белом свете наследница нашего великого композитора.

Через несколько дней в Мюнхен вылетел товарищ Володин, занимавшийся вопросами культуры. Я с нетерпением ждал его возвращения — мы условились, что сразу после беседы с Еленой Александровной он вернется, чтобы рассказать о том, как прошла встреча. Однако ни в тот день, ни утром следующего Володин не появился. Лишь только поздним вечером он пришел ко мне, уставший, но счастливый.

— Ну как?— спросил я.

Не говоря ни слова, Володин достал из кармана конверт и протянул его мне.

Елена Александровна Глазунова писала, что она благодарна советским людям за память о ее отце, и выражала согласие на перенос праха композитора на его Родину, в Ленинград. Имея согласие единственной наследницы, я во время моей очередной поездки на берега Сены договорился о встрече с Перетти, председателем Национального собрания Франции, который одновременно являлся мэром того города, где был похоронен Глазунов. Приехав к господину Перетти, я сказал:

— В Нейи покоится прах композитора Глазунова, автора «Раймонды».

— О, это великий балет!— воскликнул Перетти.— Кто бы мог подумать, что этот замечательный русский спит вечным сном у нас!

— Вы, как и французы — а наши люди высоко чтят великое искусство своей родины — должны понять меня: Глазунов рожден в России, он заявил себя выдающимся композитором в России, первые его произведения прозвучали в России, оттуда, из России, он пришел в мир. Следовательно, и возвратиться он должен туда, где начал.

Председатель Национального собрания задумался.

— Видите ли, я, конечно же, понимаю вас и не могу оспаривать ваши доводы, но по законам моей страны перезахоронение возможно лишь в том случае, если на это есть согласие наследников усопшего.

Я достал из кармана письмо Елены Александровны Глазуновой и протянул его вместе с приложенным переводом господину Перетти. Внимательно прочитав письмо дочери Глазунова, председатель Национального собрания вернул его мне, сказав:

— У меня одно непременное условие.

Я подумал: «Ну вот, началось».

— Слушаю, господин председатель.

— Все расходы, связанные с транспортировкой праха господина Глазунова по территории Франции, вплоть до аэродрома, принимает на себя наша мэрия.

Я вернулся от председателя Национального собрания в дом, где жил тогда в Париже, счастливым. То и дело я ловил себя на том, что снова и снова вспоминаю Сергея, его уроки — бережливо-трепетное отношение к искусству, к творчеству, ко всему тому, что помогает формированию внутреннего мира Гражданина, а что, как не книга, музыка, живопись, оказывается неким «фундаментом» интеллигентности?! Недаром ведь Владимир Ильич так часто цитировал великих русских писателей, недаром он так любил поэзию, музыку, живопись!

...Вечером, после того, как я договорился с ленинградскими товарищами о времени и месте захоронения праха Глазунова, раздался телефонный звонок.

— Здесь Мюнхен.

— Слушаю.

— Добрый вечер,— слышу молодой голос.

— Добрый вечер.

— Это говорит Елена Александровна Глазунова.

— Здравствуйте, Елена Александровна. Я только-только сел писать вам благодарственное письмо — спасибо большое за то, что вы остались патриотом.

— Я всегда была и буду патриотом Родины,— ответила женщина — по голосу ее чувствовалось, как она волновалась.— Мой отец умер гражданином СССР, он с советским паспортом умер, отказался его поменять, говорил: «Кто не хочет меня впускать дирижировать в ту или в другую страну — пусть не впускает, а я был, есть и останусь русским»... Так вот, у меня есть одно условие, которое я не высказала вашему коллеге.

— Слушаю вас,— ответил я, но без того волнения, которое испытал, разговаривая с председателем Национального собрания Франции, потому что сразу же услышал и почувствовал в голосе этой женщины из Мюнхена что-то наше, родное.

— Условие мое состоит в том, чтобы при перезахоронении праха отца могли присутствовать я и мой муж — не только, естественно, в Париже, но и на Родине.

...Через несколько дней улицы Ленинграда были заполнены тысячами людей — почитателей таланта великого композитора. Через репродукторы, установленные по пути следования кортежа, передавали музыку Александра Глазунова. Могила его в Ленинграде стала громадным холмом из цветов — так много венков принесли граждане города-героя своему композитору.

...Спустя несколько лет я встретился с Еленой Александровной Глазуновой и ее мужем.

— Мы недавно еще раз побывали в Ленинграде,— сказала она,— и были поражены, как много цветов приносят на могилу отца советские люди; только на Родине умеют так хранить благодарную память о тех, кто вдохновенно творил для народа.

* * *

Прошли годы, и вот сейчас я должен идти к моему другу в госпиталь...

«Сжигал ли он себя?— снова и снова задавал я себе страшный вопрос, ожидая хирурга в приемном покое,— операция все еще продолжалась.— Что же, если и сжигал, то это было, как пламя, это было, как у Данко, который сердцем своим освещал путь людям». Таким для меня был и всегда будет Сережа Антонов — коммунист-ленинец, интернационалист, солдат, труженик.

Я увидел наконец седого профессора, который вышел из операционной, и медленно поднялся со стула, и сделал шаг ему навстречу, повторяя про себя одно лишь слово — как заклинание: «Справедливость, справедливость, справедливость»... Я искал в лице старого профессора, в усталых глазах этого мудрого человека надежду, и мне показалось тогда, что я увидел ее,— считается ведь, и не без основания, что если очень хотеть, тогда мечта сбудется, обязательно сбудется.

Б. СМИРНОВ
Фото Э. Эттингера

ТРЕТИЙ ЗАЛ

Схему метрополитена можно увидеть в Москве во множестве вариантов: на маленьких блокнотах, на стенах вестибюлей, черно-белые и разноцветные, светящиеся, мигающие, справочно-информационные... Но самая необычная, пожалуй, установлена в помещении Метростроя: знакомый радиально-кольцевой чертеж выполнен на деревянном стенде, и пока радиоголос Юрия Левитана рассказывает об истории создания московского метро, на схеме, согласно повествованию, поочередно вспыхивают названия станций, высвечиваются участки линий. Несколько минут, и зритель совершает экскурсию в прошлое метрополитена, знакомится с сегодняшней стройкой, посвящается в проекты... Интересно! Стенд предназначен для гостей, но даже бывалые метростроевцы, проходя мимо, не упускают случая еще раз полюбопытствовать. Как их не понять: метро — московская гордость.

— Не знаю, где еще технический прогресс так заметен, как в строительстве метро. И так необходим,— сказал инженер технического отдела Метростроя В. В. Торгалов.

— Не удивительно — создание подземных дорог стало целой отраслью,— заметил я.

— Да, метро есть уже во многих городах. А задачи те же, что были и в тридцатых годах при прокладке первой линии. Долговечность, надежность, водонепроницаемость остаются «китами», на которых зиждется Метрострой. А темпы возросли, строить надо гораздо быстрее, чем раньше. Без науки, без постоянных новшеств и усовершенствований подземной техники нашу работу представить просто невозможно.

Мы смотрим толстые папки документации, и кипы обычной подколотой и прошитой канцелярской бумаги вдруг кажутся мне путеводителями по знакомым районам Москвы. Вот описание нового способа извлечения свай — и я вспоминаю, что видел эту установку за заборчиком, который возник однажды посреди Профсоюзной улицы. Пешеходы и водители ворчали, как водится, на неожиданную преграду, и никому невдомек было, что там, в шуме и грохоте за забором, совершенствуется новый метод, который даст тысячи рублей экономии, что эти люди в рабочих спецовках и касках не строители, а научные сотрудники института ВНИИстройдормаш.

А вот фотография нехитрого сооружения, которое сплошь и рядом мы видим во дворах, в переулках, на газонах улиц. Это вентиляционные устройства метрополитена. В свое время они служили метростроевцам, и сооружение их было связано с целым рядом сложных проблем. Сначала грунт замораживали, но этот метод далек от совершенства — была разработана технология применения так называемой тиксотропной рубашки. Что это за способ — подробно рассказать у нас нет возможности, скажем только, что он не только удешевил и ускорил строительство, но и сделал проходку безопасной.

— В содружестве с Метростроем трудятся многие научные коллективы, и прежде всего институт Метрогипротранс, — продолжает рассказывать В. В. Торгалов.— Сейчас, например, получил дальнейшее развитие метод строительства колонных подземных метростанций. Есть такой способ: прокладываются рядом три тоннеля,— Торгалов нарисовал на бумаге три кружка,— а потом между ними сооружаются проемы, и получается так называемая пилонная станция.— Торгалов соединил кружки коридорчиками.— В этих случаях не обойтись без ручного труда. Такие станции строятся медленно, пассажирам в них неудобно — вспомните «Площадь Свердлова» в часы «пик». При колонном способе между тремя тоннелями станции не надо делать толстых перемычек,— Торгалов нарисовал три кружка слитно, как цепочку.— Метрогипротранс разработал, а Метрострой осуществил строительство колонных станций нового типа, недавно так были созданы «Пушкинская» и «Кузнецкий мост». Сейчас этим методом сооружается станция «Марксистская».

Таганская площадь. Справа от станции «Таганская-кольцевая» зеленым заборчиком отгорожены несколько старых домов на снос. Скоро здесь будет новая станция — «Марксистская». Рядом — троллейбусы, театр, а тут приходится, как где-нибудь в Донбассе или Норильске, переодеваться в брезент и резину, слышать вокруг буднично звучащие слова «маркшейдер», «шахтный ствол», «поднять на-гора», «спуститься в клети».

Сапоги шлепают по воде подземной галереи. Бригадир комплексной проходческой бригады Илья Иванович Шепелев объясняет, что сейчас мы в одном из трех параллельных тоннелей. Стоит разобрать металлические перемычки, и тоннели объединятся в большой, просторный зал.

— Я уже в третий раз под Таганкой работаю,— говорит бригадир,— здесь впервые в шахту спустился, когда кольцевую станцию строил, считался уже опытным проходчиком на «Таганской-радиальной», и вот теперь последняя перед моей пенсией — станция «Марксистская». Годы идут, а с работой все наоборот: вроде бы легче трудиться стало! Раньше, как говорится, больше руками работали, теперь — головой. Наша бригада первой на Метрострое перешла на подрядный метод, и теперь каждый должен досконально, во всех подробностях изучить свое дело и все производство. Работаем мы строго по проекту, но, я считаю, проходчик должен разбираться в деле лучше проектировщика.

— Вернее, проектировщик и проходчик дополняют один другого?

— Никаких сомнений! В бригаде многие по двадцать и больше лет работают, а опыт ведь тоже многое значит. И с нами, пожаловаться не могу, всегда советуются.

— Авторы проекта часто бывают в шахте?

— А как же! — махнул рукой бригадир, и стало ясно, что смычка науки с производством не всегда происходит гладко.— Нам при подрядном методе ошибаться нельзя: брака в работе Метростроя быть не должно, чуть не так — переделывай. Нам подавай такой проект, чтобы все заранее было рассчитано и высчитано. Из-за этого и спорим... Недавно пришлось мне как бригадиру вызывать сюда одного из авторов. «Как же ты, говорю, мил человек, соображал? Как мы будем тяжелые прокладки над своей головой монтировать? Не подумал, как их закреплять? Ну-ка встань, попробуй сам!» Попробовал он — верно, неудобно работать. Теперь вместе думаем, как быть.

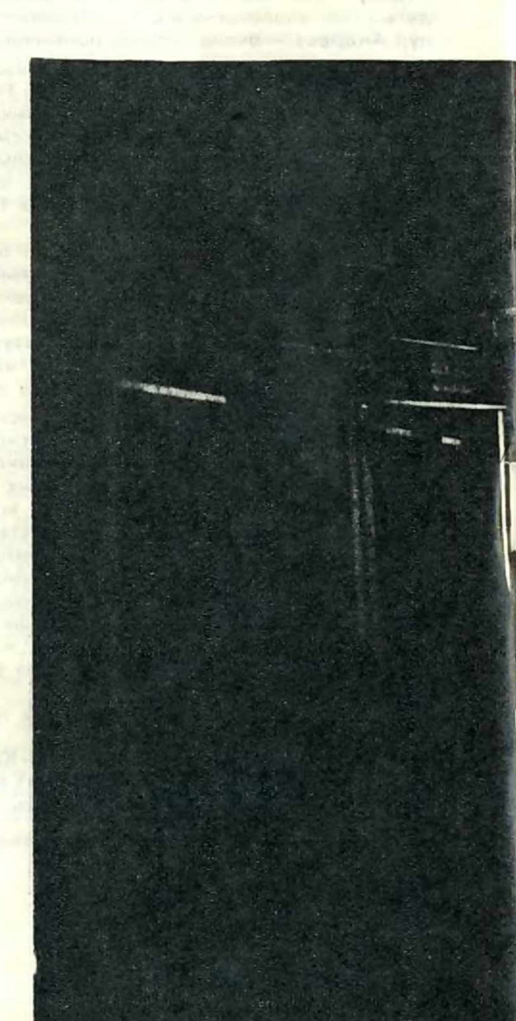
— А на сроках строительства это не отразится? — обеспокоился я как будущий пассажир.

— Ни в коем случае! Станцию постараемся сдать, как всегда, досрочно!

Сотрудник Московского горного института, доктор технических наук Л. А. Пучков берет анализ состава воздуха в шахте.

Заслуженный строитель РСФСР бригадир проходчиков Метростроя И. И. Шепелев (в центре).

„ТАГАНСКОЙ"

Сооружается станция «Марксистская».

Олег **ШМЕЛЕВ**,
Владимир **ВОСТОКОВ**

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава IV
ПОСЛЕ ДОЛГОЙ РАЗЛУКИ

Казимир Михайлович прекрасно замечал, как неодинаково смотрят на него эти три пары глаз. На добром, округлом лице брата блуждала растерянно-умильная улыбка, глаза увлажнились. Он, кажется, и верил и не верил. Его жена, Александра Ивановна, сразу как бы одобрила в госте решительно все и глядела с явной симпатией, даже утвердительно кивала головой, когда он что-нибудь говорил: мол, да, да, вы правы. Дочь Лена — как сказал Стась, ей двадцать один год — больше разглядывала золотые дужки его очков, булавку в галстуке, костюм. Взгляд у нее был смелый, несмущающийся. Она была рослая, миловидная, с размашистыми движениями.

Когда прошла первая неловкость, брат сказал:

— Ну, как ты, что ты, где ты?

— В двух словах не расскажешь. Фирма моя в Канаде. Но я на месте не сижу. Все время в разъездах.

— А что за фирма?— спросила Лена.

— Химические продукты. Мы торгуем со многими странами.

— А вы кто там, в этой фирме?— Она была грубовата и не старалась это скрывать.

— Я один из директоров.

— У тебя семья, дети?— спросил брат.

— Нет, Стась, не обзавелся.

— И у вас больше никого родственников нет?— удивилась Лена.

— У нас с вашим отцом никого больше нет. Да он, наверное, рассказывал...

— Он у нас не очень-то разговорчивый.

— Елена!— осадила ее мать.

— Саша, я думаю, надо бы закусочку организовать,— сказал жене Станислав Михайлович.

— Можно, только где ты вина купишь? Все уже закрыто.

— Достанем.

— В ресторан поедешь?

— Конечно.

Казимир Михайлович повернулся и рассматривал кружевную розовую накидку, лежавшую на крышке черного пианино, которое стояло у стены справа.

Брат поднялся.

— Я быстренько. Автомобиль во дворе. Вы поговорите тут пока.

Казимир Михайлович почему-то не хотел оставаться один с матерью и дочерью.

— Вы извините, мы съездим вместе.

— Пожалуйста, ради бога!— сказала Александра Ивановна.

Во дворе стояла светлая машина «Жигули».

— Тут недалеко ресторан «Загородный»,— сказал Стась, когда уселись и поехали.

— У тебя в семье что-то не очень мирно. Или мне показалось?

— Крупно поговорили. Ленка на дамского мастера выучилась, в парикмахерской работает. Поступила в институт на заочное. Сегодня объявила, что заниматься не будет.

— У тебя что, родительской власти нет?

— Не тот характер,— сказал Стась.

— Выпиваешь?— спросил Казимир Михайлович.

— Нет. По праздникам да в дни рождения.

— В партии состоишь?

— Да.

— Работаешь где?

— В статистическом управлении. Заведую сектором. Я ведь, знаешь, Плехановский институт закончил. Народного хозяйства.

— Много зарабатываешь?

— Двести. Вот мы и приехали.

Стась поставил машину недалеко от ресторана. Они прошли через прокуренный, пропахший кухонным чадом зал в буфет. Стась попросил бутылку «Столичной». Казимир Михайлович добавил:

— И вина.

— Какого? — уточнила буфетчица.

— Узбекское десертное у вас есть?— спросил Стась.

— И шампанского две бутылки,— сказал Казимир Михайлович, разглядывавший полку с винами.

Он не позволил брату платить. Через десять минут они вернулись. Александра Ивановна уже приготовила закуску. Была и черная икра и балык.

Казимир Михайлович лишь попробовал шампанского и больше не сделал ни глотка.

— Расскажите о себе, нам очень интересно,— попросила Александра Ивановна.

— Что ж, попробую. Но ведь как уложить тридцать семь лет в застольную беседу?

— Ничего, у вас получится. Вы так хорошо говорите,— ободрила его Лена.

— Вы имеете в виду мой язык, Леночка? В нашей фирме работают люди разных национальностей. Есть и русские, очень интеллигентные люди. Так что мне язык забыть не дают. Да и с литературой приходится дело иметь. Я ведь доктор социологии.

— Правда?

— Некоторым образом.

— Ну, рассказывайте. Все, все. Вы ведь в тридцать седьмом со Станиславом расстались?— напомнила Александра Ивановна.

Казимир Михайлович посмотрел на брата.

— Помнишь, Стась, как я уезжал?

— Ты уходил, а не уезжал,— уточнил Стась.

— Верно, лошади у нас не было, а на воле ехать скучновато. От хутора до большой дороги пешком дотопал, там до Бреста на попутных, а от Бреста до чехословацкой границы — зайцем на поездах.— Казимир Михайлович засмеялся, вспоминая.— Трудно мне было зайцем. Двадцать три года, здоров, как бугай. В ящик под вагоном не спрячешься.

— На билет не было?

— Мы с отцом больше двадцати злотых за раз в руках не держали... Да, одним словом, доехал. И границу перешел благополучно. А там меня схватили, за немецкого шпиона приняли. Швейка принимали за русского, а меня за немецкого. Но сторожили плохо, и я утек. Шел лесами, пил из речки. Сало и сухари у меня еще оставались. Самое трудное было Дунай переплыть. Но я плотик из тростника смастерил, и переплыл, и очутился в Австрии...

Александра Ивановна наливала шампанского дочери и себе. Они закусывали с большим аппетитом. Брат пил водку маленькими рюмками и не закусывал. Он слушал. Казимир Михайлович повернулся к нему:

— Помнишь, мать повесила мне серебряный крестик? На голубой ленточке. Продал я его в Констанце какому-то барахольщику.

— Постой,— сказал брат,— где же это — Констанца?

— В Румынии. Я из Австрии по Дунаю на нефтяных баржах в Черное море свалился. Там Констанца. Потом Бургас, а потом Стамбул. В Стамбуле нанялся на аргентинский пароход матросом — бесплатно, за одно питание — и прибыл в Монтевидео... Конечным пунктом я себе наметил Канаду и добрался туда через полгода. Там повезло — встретил в Монреале земляков. У них своя организация была, что-то вроде профсоюза. Помогли мне устроиться на работу, а немного погодя добились для меня канадского гражданства. Очень хорошие люди, я им многим обязан...

— Вы ничего не едите,— заметила Лена.

— Спасибо, не хочу.

— А вот мы с мамой любим поесть. Ну, дальше.— Она по-прежнему не очень-то церемонилась.

— Что ж дальше? Выбился я постепенно в люди. Работал и учился. Много работал, мало спал. Сколачивал капитал, а это требует усилий.

— И все время один?— посочувствовала Александра Ивановна.

— На пути, который я себе избрал, лучше быть одному.

— Ну а потом?— спросил Стась.

— Слушай, брат, давай на этом поставим точку. Как ни расписывай, всего не опишешь. Достаточно тебе и того, что вот сижу я здесь благополучный, но старый. Не хочется ворошить. Жизнь целая прошла, не очень сладкая жизнь. Ты лучше об отце с матерью скажи, я ведь ничего не знаю.

— С ними все получилось просто. Но я тоже долго ничего не знал.

— Ты уехал от них, что ли?

— Да, в сороковом. Когда у нас уже Советская власть была.

— Учиться?

— В ремесленное, в Минск. На слесаря.

— А они?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2—5.

— Ну, потом война. Они остались в оккупации. Отец с партизанами был связан. Повесили его немцы.
Казимир Михайлович прикрыл очки рукой.
— Боже мой, бедный отец!
— Матери еще хуже пришлось. В сарае у полицаев семь дней помирала.
— Ты ездил туда?
— В сорок шестом. Тогда и узнал. Хутор наш сожгли. Дуб, правда, остался.
Казимир Михайлович вытер платком под глазами, минуту молчал.
— Как же у тебя сложилось, Стась?
— Нас эвакуировали на Урал. Там работали. А в сорок втором меня взяли в армию.
— Кем служил?
— ВУС номер один — стрелок. Был командиром отделения. Сержант.
— Пришлось воевать?
— Немножко. На Курской дуге первую дырку получил. После еще две.
— У него орден Славы есть,— сообщила Александра Ивановна.
— Третьей степени,— уточнил Стась.
— И где же закончил?
— В Будапеште. Осенью сорок пятого демобилизовался по ранениям.
— А потом?
Стась посмотрел на жену.
— Вот ее встретил в Москве — заехал столицу поглядеть.
— Это уж в сорок шестом году,— уточнила на сей раз она.
— Поженились, она меня прописала. Поступил на автомобильный, на ЗИС. Учился в вечерней школе. Потом институт. Да, кажется, плохо выбрал.
— Ты и не выбирал,— поправила жена.— Просто что ближе к дому. Мы тогда на Большой Серпуховке жили, а там Плехановский рядом.
Стась ничего на это не сказал.
— Где же вы наш адрес взяли?— спросила Лена.
— В справочном бюро,— соврал Казимир Михайлович.— И телефон тоже.
— А что ж раньше? Не пытались разыскать?
Казимир Михайлович, отвечая на этот вопрос, опять повернулся к брату и говорил как бы для него одного:
— Если быть откровенным, то боялся.
— Чего?— удивился Стась.
— Боялся разыскивать тебя.
— Почему?
— Ну, видишь ли... Думал, начну посылать запросы — у тебя неприятности будут.
— Какие неприятности?
— Не притворяйся, Стась. Ты же прекрасно понимаешь. За это преследовали.
— За что?
— Брат за границей.
— Никто за это не преследовал. Чепуха какая-то.
— Значит, я был неверно информирован. Во всяком случае, у нас много об этом писали.
— А я в анкетах писал, что ты за границей.
— Оставим это. Есть у меня мысль... Надо бы обсудить.
— Давай обсудим.
— Если я пришлю тебе приглашение, приедешь?
— В Канаду?
— Нет. Видишь, какая штука. У нас в Австрии есть филиал. Ближайшие полгода я буду работать там. Можно оформить приглашение. Все расходы, разумеется, я возьму на себя.
— Паскевич в Европе!— Лена захлопала в ладоши, как в театре.
— Можно всей семьей, — сказал, не обратив на нее внимания, Казимир Михайлович.
— А что? Мы бы с матерью махнули!
— Веди себя прилично, — сказала дочери Александра Ивановна.
— Никуда вы не махнете. — Станислав Михайлович повернулся к брату. — Стоит ли? Канитель...
— Но тебе разрешат?
— А кто может запретить? Чепуха какая-то.
— Я пробуду здесь месяц. Поеду по стране, в Брест загляну. Может, до хутора доберусь. Но обратно полечу из Москвы. Мы еще повидаемся и тогда детально договоримся.— Он встал.
— Уходишь?
— Поздно уже.— Казимир Михайлович посмотрел на часы.— Половина двенадцатого.
— Я тебя отвезу.

— Ты что, с ума сошел? — возмутилась Лена.— Выпил же. «Отвезу»!

— Да, отставить. Я тебя лучше пешком провожу.

— Не беспокойся, дорогу знаю.

— Не пьяный я, честное слово. За руль, конечно, не надо, но до метро я тебя провожу.

Казимир Михайлович попрощался с женщинами по-родственному, Александра Ивановна даже поцеловала его в щеку. Он высказал надежду, что они еще увидятся и неоднократно. На улице он взял брата, который был чуть ниже ростом, под руку.

— Приедешь ко мне?

— Видно будет. Почему бы и нет?

— Приезжай. Я документы начну оформлять, как только прилечу в Вену.

— Давай.

— Позвоню тебе, когда буду в Москве на обратном пути.

— Обязательно!

Они подходили к метро. Казимир Михайлович замедлил шаг.

— Ну, поцелуемся.

— Ты где остановился?

— В «России»,— снова соврал Казимир Михайлович.

— Идем, я тебя в поезд посажу.

— Нет, нет, нет. Наоборот. Я тебя доведу до угла.

Как ни настаивал Стась, брат не разрешил посадить себя в поезд. Они расстались на полдороге между метро и углом улицы Вальтера Ульбрихта...

В начале первого часа Казимир Михайлович был у себя в номере. Но спать лег еще не скоро. Сняв костюм и облачившись в пижаму, он занялся бачками и химикалиями. Конструкция бачков несколько отличалась от тех, с какими он привык иметь дело, но разобраться ему не составило труда. Химикалии были стандартные. Разобравшись, Казимир Михайлович отнес все в ванную и приступил к проявке пленок. У него уже было отснято четыре киноленты и одна фотопленка, но он решил проявить только фото и одну из кинолент —ту, что вынул из камеры. Приготовил растворы проявителя и закрепителя, погасил свет, зарядил бачки пленками и перешел в гостиную. В блокноте, вынутом из сумки с кассетами, сделал несколько записей. Потом тщательно осмотрел в обеих комнатах свои вещи. Он еще днем, до прихода Галины, везде оставил невидимые метки — где волосок, где нитку, где крошку табака из сигареты. Все оказалось нетронутым. Его вопреки ожиданиям не обыскивали. Он был рад этому. Выждав срок, промыл пленки после проявителя, поместил в закрепитель. Подремал в кресле, потом пошел в ванную, опять промыл пленку, посмотрел ее на свет. Снимал он хорошо — ни недодержки, ни передержки ни в одном кадре. Надо было пленку высушить к утру, но у него не оказалось зажимов. Вспомнил, что в чемодане есть машинка для сшивания бумаг, извлек из нее медные прутики, загнул их крючками. Потом, кряхтя, взобрался на стол, отстегнул штору с двух колец и повесил на них пленку. И только после этого лег, не снимая пижамы, в постель. Он порядком устал — заснул быстро, как давно не засыпал. А в половине восьмого был уже на ногах и, как ни удивительно, чувствовал себя выспавшимся и бодрым. Наверное, оттого, что воздух в номере был свежий: кондиционер делал свое дело. Первым долгом, еще не побрившись, Казимир Михайлович,— а точнее мистер Дей, ибо тут он был именно мистером Деем,— первым долгом он обратил свое внимание на кинопленку. Напевая что-то безмотивное, он снял ее, осмотрел и остался доволен. Затем достал из чемодана плоский маленький проектор, нашел штепсель. Напряжение 220 вольт — то, что ему надо. Он установил проектор, подвинув низкий столик ближе к штепселю. Зарядил пленку. Задернул шторы. Включил проектор и навел фокус на противоположную стену. Высветился прямоугольник метр на полтора.

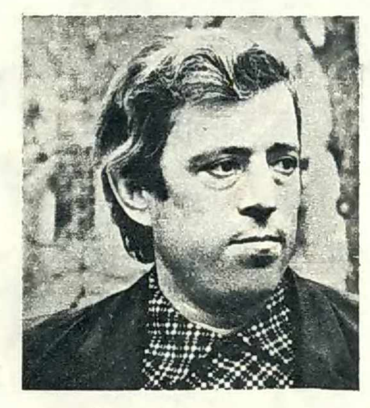
— Сегодня на экране...— сказал он сам себе и пустил ленту.

Экран показывал сидящую в кресле Галину. Три минуты она листала журнал и ни разу с кресла не поднималась. По лицу мистера Дея нельзя было определить, доволен он или, наоборот, разочарован. Он и сам бы не сумел ответить на этот вопрос.

Продолжение следует.

Александр ШЕВЕЛЕВ

Моя судьба

●

Пахнуло сеном прямо в душу
среди метели и зимы,
и память вырвалась наружу
и увела за те холмы,
где есть деревня за Болвою,
а за деревнею
леса.
Наверно, горькою травою
усадьба наша заросла.
Но клен, что в детстве был посажен,
меня признал бы, может быть...
Теперь в деревне свет налажен
и веселее стало жить.
И ночью зимнею не плачет
так колдовски пурга в трубе...
Но этот плач, он что-то значит
в моей теперешней судьбе!

У ЗАЙЦЕВОЙ ГОРЫ

Ветеранам 50-й армии

Солнце заползло в зенит,
воздух раскален до исступленья,
и земля, как колокол, гудит,
не меняя скорости вращенья.
Заклубились тучи надо мной,
горизонт дымится обгорелый,
от холма пахнуло вдруг войной —
полетели огненные стрелы.
И табун испуганно заржал,
словно от ночного сна очнулся...
Обелиск,
похожий на кинжал,
над могилой братскою
качнулся...

И сквозь годы
слышится «ура!»
над тобою,
Зайцева гора.

ВЕТЕРАН

В жизни всё ты сумеешь понять,
и горшки обжигают не боги.
Ветеран вспоминает опять
фронтовые дороги.
Вспоминает атаки,
бои
и по минным полям переходы...
А еще вспоминает
свои
довоенные годы.
Вспоминает,
а сам не шумит,
головою легонько качает
и дымит «Беломором»,
дымит,
никогда на судьбу не серчает...

●

Уезжает мальчишка от мамы,
и свистят и свистят поезда.
Он стремится куда-то упрямо.
Облетают, как листья, года.

Он бежит по крутому подъему,
предвкушая свое торжество...
А душа все тоскует по дому.
Мать с порога глядит на него.

НОЧНАЯ ГРОЗА

Летом,
в желтую ночь полнолуния,
перегретой соломой дыша,
ты проснулась опять, неразумная,
разрываясь от страха,
душа.

Через сенцы помчалась на волю,
на ходу продирая глаза,
где, беснуясь, плясала по полю
колченогая матерь-гроза.

За версту от деревни на вышке
сторож, глаз не смыкая, стоял,
и от каждой стремительной вспышки
он надолго во тьме исчезал...

●

Садится солнце медленно за кручи,
чуть опалив зеленые стога.
Я не хочу судьбы покладистей и лучше —
моя судьба мне очень дорога.

Моя судьба, она моя награда —
ее не выбирают, не дарят.
Мне ничего другого и не надо:
ведь дни мои напрасно не летят.

Теперь иные думы одолели,
и годы тяжелеют от забот,
и песни те, что наши деды пели,
душа сама по вечерам поет.

●

Земля вздохнула глухо
и затихла.
И повалил огромный первый снег,
и сделалось вокруг бело и рыхло,
хватило тишины на всех.

Отхлынули заботы и печали,
и люди стали охранять тепло.
Они устали осенью, устали,
им каждый год дается тяжело.

И вечерами, свет не зажигая,
они глядят подолгу на метель:
им видится весна, и посевная,
и солнцем переполненный апрель.

Ленинград

Франсиско Гойя. 1745—1828. СЕБАСТЬЯН МАРТИНЕС-И-ПЕРЕС. 1792.

Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

Констанс Мари Шарпантье (?). 1767—1819. МАДЕМУАЗЕЛЬ ШАРЛОТТА ДЮ ВАЛЬ Д'ОНЬ. Возможно, начало 1800-х годов.

Музей Метрополитен, Нью-Йорк.

НЕИСТРЕБИМЫЙ ЗОВ ЖИЗНИ

О ВТОРОЙ КНИГЕ РОМАНА АНАТОЛИЯ ИВАНОВА «ВЕЧНЫЙ ЗОВ»

Вячеслав
ГОРБАЧЕВ

Время и Человек—эта тема определяет все творчество Анатолия Иванова. С особой полнотой и выразительностью звучит она в романе «Вечный зов», о котором правомерно говорить как о произведении, продолжающем национальные литературные традиции,— хотя бы потому, что русское искусство являлось и является неотъемлемой частью русской истории, а в «Вечном зове» история народа и народных характеров дана от начала века и до наших дней.

Первая книга романа увидела свет шесть лет назад. И читатели и зрители, смотревшие по телевидению ее экранизацию, ждали окончания с нетерпением. Им полюбились Антон и Иван Савельевы, Анна и Агата, Кружилин и Назаров, Субботин и, может быть, даже Алейников — горячая голова, да и многие другие герои. Книга привлекла трудными, нередко трагическими судьбами, резким столкновением, вернее сказать, сшибкой характеров, лоб в лоб, и продуманной до мельчайших подробностей интригой — той заводной пружиной сюжета, что держит читателя в постоянном напряжении.

Но главные достоинства романа скрыты глубже: в движении времени и психологии образов, в философии, объясняющей поступки героев, в самой идейно-художественной структуре «Вечного зова». Манера письма А. Иванова сдержанная, полная скрытой энергии, емкая, точная. Уверенно рисует А. Иванов сложные, драматически-напряженные ситуации. Вписывая в них характеры, он как бы изнутри передает, раскрывает нам динамику и пластику образов.

Многие из героев первой книги во второй завершат свой земной круг. В один день и час умрут Иван Субботин и Федор Нечаев; погибнет в далекой Норвегии Семен Савельев — сын Анны, совершивший немало героических подвигов и совсем немного не доживший до Победы; не станет мужественной Лизы—жены Антона; и Панкрат Назаров схоронит свою жену, а потом не на кладбище, а в волчьем овраге зароет — за предательство, за человеческую немощность — сына Максима... В бескормицу от бандитского удара погибнет Агата Савельева. Матерый оуновец Валентик казнит Алейникова...

Но мертвым мертвое, скажет автор, а живым все-таки живое. Останутся дети. Им жить, им преодолевать новые испытания, и радоваться жизни тоже им!

Нельзя переоценить заслуги писателя, создавшего цельные, полнокровные образы коммунистов. Их жизнь всегда связана с самой необходимой для народа работой — защищать революцию, сеять хлеб, строить заводы, оборонять от врага Отечество. Несмотря на сложности и противоречия времени, их жизнь от первого до последнего дня чиста перед совестью. Само существование таких людей, как секретарь обкома партии Иван Михайлович Субботин, секретарь райкома Поликарп Кружилин, председатель михайловского колхоза Панкрат Назаров, делает в конечном итоге бесплодными любые попытки опорочить партию и ее идеалы или свернуть народ в глухие потемки. Особое место занимают в романе Яков Алейников и Иван Савельев, чей путь к истинной человечности и гражданственности связан с осознанием и преодолением горьких ошибок, но тем убедительнее правота доверия, с какой они выступают сами в отношении друг к другу и общество по отношению к ним.

Воедино сплавлены в романе великая печаль и торжествующая радость жизни — два противоположных эмоциональных полюса, между которыми неповторимое многообразие красок, тонов, оттенков, контраст света и тени и сложное их переплетение.

В противоборстве добра и зла — нравственные и философские корни романа. Отсюда его идея, тот благородный зов, который должен постоянно ощущать в себе каждый и о котором еще в первой книге Кружилин говорит, что человек, наделенный разумом, рано или поздно, но начинает «задумываться над сутью и смыслом бытия, жизни окружающих его людей, общества и над своими собственными делами и поступками. Это его заставляет делать властный и извечный зов к жизни, извечное стремление найти среди людей свое, человеческое место. И я думаю, что с этого момента человек, каких бы ошибок он ни наделал, становится уже гражданином, а потом станет и бойцом за справедливость, за человеческое достоинство и за человеческую радость».

Вся глубина этой истины в том, что она общечеловечна. Но открыть ее для себя каждый должен сам.

Чрезвычайно важны в романе образы Ивана и Федора Савельевых, братьев, ставших непримиримыми врагами.

Причина — в классовом расслоении, в антагонизме имущих и неимущих классов, в том, что кафтановщина — как конкретное и реальное воплощение силы, угнетавшей народ,— выхолостила душу Федора прежде, чем решился он на сознательный выбор. И Советскую власть Федор возненавидел за то, что она раз и навсегда отрубила для него возможность сделаться новым Кафтановым в Шантаре.

Оскудение души, полынная горечь в ней губят заживо. Так случилось и с Федором. Все дальнейшее в его судьбе: измена Родине, пособничество фашистам, смерть от руки брата, проклятие его праха женой и детьми — это уже воспринимается как послесловие к образу и как продолжение других судеб, других линий романа.

Сама по себе тема классового раздвоения личности не нова в советской литературе и ярко раскрыта в «Тихом Доне» М. Шолохова. Не случайно много сходного есть в мятущейся натуре раннего Федора с личностью Григория Мелехова. Но в «Вечном зове» тема Федора не исчерпана его судьбой, а прямым противопоставлением доведена до финала на примере брата, Ивана Савельева. Поэтому-то здесь правомерно говорить о преемственности и развитии шолоховских традиций.

Пафос гражданственности, партийности и народности, всегда отличавший нашу литературу, в «Вечном зове» выражается и в отношениях героев. При этом всегда неожиданной, сверкающе-острой гранью переливается жизнелюбивый по духу талант А. Иванова. И в страстном, легко ранимом и трепетном, как в самой природе, жизнелюбии его героев — их прекрасная человечность.

Бездуховность, свидетельствуя о моральном вырожденчестве, отличает людей исторически бессильных (Лахновский, Полипов, Валентик), и если кому-то покажется, что сцены с их участием иногда подавляюще мрачны, то особенно важно подчеркнуть художественную и психологическую обоснованность, необходимость включения этих сцен в роман. В конце концов они не страшнее жизни, и без них было бы безнадежно утрачено ощущение сложности и полноты суровой эпохи.

Примечательно, что, имея немало сюжетных возможностей развенчать Полипова — предателя, идейного врага партии и народа,— А. Иванов показал прежде всего тщету полиповских усилий, бесплодность и обреченность его идей, их крах, следствием чего и является полная деградация, разложение личности Полипова.

За чисто художественной задачей писателя — исследовать состояние души почти каждого из своих героев — угадывается его нравственная и философская концепция, отвечающая времени. Ведь это не только для А. Иванова, а для всех нас наступила пора пристального всматривания в человека, особенно сегодня, когда на фоне растущего материального благополучия нет-нет да и обнаруживается духовная дисгармония, сопряженная с потребительским отношением к жизни.

Понять человека, а через него душу на-

Анатолий Иванов «Вечный зов». Роман, книга вторая. «Москва» №№ 7—10, 1976 год.

рода, донести этот бесценный сосуд до сердца читателя — вот чего хочет писатель, и символично, что среди действующих лиц второй книги «Вечного зова» появляется герой, для которого в этом смысл жизни. Он — Поэт! Так же, как все шантарцы — пахари, земледельцы, рабочие или партийные работники,— он, Дмитрий Савельев (сын Федора и Анны), кровь от крови и плоть от плоти шантарской земли.

Характер его формировался в годы войны. Димка как-то сразу выделился среди сверстников серьезностью и внимательным, зацепистым взглядом черных, глубоко посаженных глаз.

Еще никто не знает, кем, каким человеком уготовано ему стать, но мы чувствуем, как просыпается в нем художник, который видит мир иначе, подмечает в нем среди привычного и хорошо известного нечто такое, что ускользает от взгляда других. И первое открытие, каким поделился Димка с любимой девушкой Ганной, ошеломило ее. Столько раз смотрела она на Звенигору, а никогда не замечала, как отчетливо похожи контуры скал на гигантский профиль человеческого лица, устремленного к небу.

В Димкином воображении каменный богатырь оживает. И дорóги, опутывающие по увалам Звенигору, уже не дорóги, а путы, пристегнувшие великана к земле. И грустно думать, что он лежит так давно тут,— может, сто тысяч, может, сто миллионов лет... Так долго, что и грудь уже заросла лесом.

Осознание Димкой величественной силы былинного, по поэтике своей глубоко народного образа и первые стихи, навеянные таинственным чувством, являющимся ему как непосредственное откровение родной природы, убеждают нас в рождении Поэта. Но голос его обретет истинную силу и полнозвучие не раньше, чем вызреет в нем драгоценное зерно таланта. Не таланта писать, нет, а таланта жить с народом, болеть его болями и радостями. Тогда только откроется ему тайная и вещая струна великой души, и прекрасные сами по себе строки: «Я слышу — соловьи росу клюют и солнце поднимается все выше...»,— долго мучившие его непонятной незавершенностью, вдруг польются дальше свободно и без всякого усилия,— их наполнит понимание «беспредельности жизни и никогда не преходящей человеческой радости».

Эти слова как бы продолжают авторское размышление. «Жизнь человеческая,— пишет А. Иванов,— как недолговечный костер. Вспыхнет он, отгорит, отполыхает, освещая вокруг себя большой или малый кусочек вечного и беспредельного пространства, рано или поздно огонь обессилит, увянет окончательно, дрова превратятся в золу. Потом и прах этот развеется по земле, зарастет кострище травой, и эту траву будет волновать тот же ветер, который раздувал когда-то огонь...»

Но сам огонь этот и есть радость жизни, и ветер времени снова раздует его!..

Стремясь к вещественному воплощению, мысль художника трансформируется в образ и в нем обретает неизмеримо большую силу, а может быть, и новое качество, которое не всегда можно выразить сухим языком логики. И не всегда это нужно, потому что искусству претит однолинейность. Так и в «Вечном зове»: герои романа не случайные люди истории, и если одни из них ясно понимают это, то другие борются и страдают, чтобы это осознать. Петр Зубов, всяко потертый жизнью, вспоминает такие стихи Ованеса Туманяна:

> В сей мир, где тьмы людей перебывало,
> Приходит вновь и вновь людей немало,
> Чтоб опытом столетий пренебречь
> И путь неверный начинать сначала.

На что Кружилин заметил: «Опыт столетий — это и есть та самая мукá, из которой люди испекут хлеб истины. И все меньше и меньше в этот мир будет приходить людей, чтобы этим опытом пренебречь и неверный путь сначала начать. Все меньше, а потом и вовсе таких не будет».

Из новых героев духовным опытом народа пренебрег и кончил бесславно Максим Назаров, а рядом с ним, шаг в шаг пройдя всю пучину страданий и унижений плена, выстоял, выдержал и еще сильнее духом стал Василий Кружилин, сын Поликарпа. Но ведь и Семен Савельев не усомнился в истине, погиб за нее. И сколько их еще было, павших и живых, свет жизни которых не погас и во времени грядущем не погаснет...

Талант А. Иванова сильно проявился и в работе над формой. Разумеется, выразительность образов прямо связана с мастерским владением словом, с тем искусством, которое еще называют «словесной живописью», с типизацией, с сознательным отбором тех или иных, но всегда единственно верных, единственно необходимых деталей, черт характера. Так же тщательно А. Иванов типизирует исторический и сюжетный материал. А вот как распорядиться этим богатством, как найти некую, часто не поддающуюся исчислению закономерность или соразмерность в его размещении?

По первой книге «Вечного зова» создается впечатление, что романная форма в ней, весьма традиционная, довлеет над содержанием. Исходя из замысла — дать четкий, рельефный контур времени и разное, противоречивое подчас мировосприятие героев,— автор вынужден смещать временные пласты. Он перемежает реальное время повествования сценами из прошлого, и такая «мозаика» оживает.

Но напрашивалась и какая-то другая, более подвижная и гибкая по структуре форма, которую А. Иванов нашел в процессе дальнейшей работы. Во второй книге почти нет уже затормаживающих основное действие отступлений и ретроспекций. Вся структура (если говорить о продолжающихся из первой книги во вторую сюжетных и тематических линиях) обрела желаемую подвижность, а связи выполнены столь искусно, что, читая роман, мы не думаем о форме как таковой, и восприятие наше направлено на постижение сути конфликтов и характеров.

Во второй книге романа даже малозначительные на первый взгляд эпизоды, сцены подчинены строгому замыслу, и ряд их, соединяясь, образуют напряженные — сюжетные и психологические одновременно! — ситуации.

Это, например, сцена встречи и объяснение Панкрата Назарова с предриком Хохловым, открывающая нам скорбную даль колхозной жизни в годы войны и возвышающая душу силой человеческого понимания, доверия; сцена на фронте, когда Алейников встречается с Кошкиным и Иваном Савельевым,— здесь нравственные категории поднимаются еще на более высокий уровень; несколько слабее выписана сцена встречи Полипова с Лахновским, хотя для идеи романа разговор их имеет большое значение. Особенно же сильны в эмоциональном отношении сцены последнего разговора Ивана Савельева с Федором и встреча Анфисы с Кирьяном Инютиным, когда Анфиса вернула Кирьяну свою любовь и самого Кирьяна к жизни.

В заключение, если вспомнить, что действие первой книги начинается с предреволюционных лет, что герои ее проходят тернистый путь подпольной борьбы, с оружием в руках устанавливают и отстаивают Советскую власть, борются за счастье мирной жизни и что революционные завоевания продолжают защищать и развивают герои второй книги — наши современники, то станет очевидно, что роман Анатолия Иванова эпически сконцентрировал социальный и духовный опыт советского народа.

Сила мастера, уверенность, с какой написан роман, художественная точность и убедительность образов, глубина психологической разработки характеров, идейная и философская зрелость ставят «Вечный зов» в ряд лучших произведений советской литературы.

СУРОВАЯ ДОБРОТА

•

Однажды первый заместитель министра внутренних дел Грузинской ССР генерал-майор Варлам Иванович Шадури сказал мне, что к нему приезжал из Рустави Владимир Сергеевич Метревели, знатный сталевар, депутат Верховного Совета СССР. Он хлопотал за одного осужденного. В то время у Варлама Ивановича не было ни секунды свободной, а между тем у них с Метревели обнаружился какой-то взаимный интерес, наметилась тема разговора. Прошло некоторое время, прежде чем они смогли вновь встретиться, и я, узнав об этом, попросила разрешение присутствовать.

Я знаю обоих этих людей. Генерал Шадури — заслуженный чекист, бывалый человек, интересный собеседник. Владимир Метревели — сталевар высшего класса. Шадури разговаривает ровно, негромко. Метревели гудит густым басом из-под усов, будто сердится.

Интересно было, о чем и как они, занятые, казалось бы, совсем разными делами, будут друг с другом разговаривать...

•

ШАДУРИ. Я помню, как вы, Владимир Сергеевич, приезжали ко мне по поводу одного человека. Как его зовут?

МЕТРЕВЕЛИ. Роман... Но это была не только моя просьба. Это была просьба администрации завода и нашего мартеновского цеха.

ШАДУРИ. Насколько мне помнится, его судили за недосмотр на производстве?

МЕТРЕВЕЛИ. Да, Варлам Иванович, варить сталь — дело нелегкое и опасное. Нас называют людьми огненной профессии, а рядом с огнем бывают неприятности. Малейший промах — и можно лишиться жизни. Такой промах, к сожалению, произошел в нашем цехе. Рабочий получил травму и погиб. Большое несчастье... А этого могло не быть, если б руководители по всей строгости отвечали за технику безопасности, за пове-

дение рабочих. Привлекли к ответственности двоих — мастера и сталевара. Роман был мастером. Только что закончил институт, а до этого у меня на третьей печи подручным работал. Знаю, что трагедию в цехе пережил он сильно, осознал свою вину в гибели человека. Суд наказал его как полагается. Но у нас возник разговор о том, чтобы он, как говорится, «замаливал» свой грех перед всеми в цехе, на том же месте, где работал.

ШАДУРИ. Как он теперь?..

МЕТРЕВЕЛИ. Глаз с него не спускаю, хотя я всего сталевар, а у него, как у мастера, в подчинении четыре сталевара. Работает на совесть, осмотрителен. Горький урок получил. Верю, что будет хорошим специалистом.

ШАДУРИ. Мы с вами, Владимир Сергеевич, познакомились в связи с вашим ходатайством о Романе. Я в вас вижу человека, который любит и умеет работать с людьми. А и вообще вы мне прошлый раз говорили, что имеете некоторый опыт... Не раз приходилось вам иметь дело с теми, которые в своё время сошли с правильного пути. А это нас, работников министерства внутренних дел, очень интересует. Вопрос исправления человека, возвращения его к нормальному образу жизни — большой социальный вопрос. Задача не только в том, чтобы изолировать преступников, оградить от них здоровую часть общества, но с годами вернуть в эту здоровую часть настоящими людьми. В большинстве случаев получается именно так, но бывают и очень трудные...

МЕТРЕВЕЛИ. Я, простите меня, не понимаю, что такое трудные. Я ведь тоже, если говорить откровенно, трудный, нелегкий человек. Некоторые говорят, что я очень гордо держу себя. Но почему? Куда ни посмотрю — везде железо, везде сталь. А это делаем мы, металлурги, и с большим напряжением сил. Да только ли я! Любой честный труженик нашего завода! Недавно мы проводили на пенсию большую группу кадровых рабочих. Это те, которые начинали наш завод, которые прожили прекрасную трудовую жизнь. А разве все они были «легкими» и «гладкими»? Я понимаю, вы не о характере говорите, а о трудно поддающихся исправлению. Но по-моему вообще трудных людей нет, а есть люди, которые не трудятся, которых своевременно не научили, что только честный труд делает жизнь красивой и благородной.

ШАДУРИ. Эх, Владимир Сергеевич, вы, наверно, не имели дел с людьми, которые не раз совершали преступления, с людьми, которые считают, что, например, воровство — это тоже труд, что вор — весьма увлекательная профессия... Но я с вами согласен, когда вы говорите: своевременно не научили. Это особенно важно, когда речь идет о подростках, о людях молодых. Нам теперь не об этом рассуждать, а о том, как исправлять чьи-то ошибки. Мы это делаем потому, что служба у нас такая. А вы?

МЕТРЕВЕЛИ. А нам, рабочим-коммунистам, до всего есть дело, что касается здоровья нашего общества. Привели как-то в нашу бригаду группу осужденных. Одного я как-то сразу приметил, потому что он мой земляк, из Горной Рачи. Работал аккуратно, с удовольствием. Кончился его срок, и я думал, что он останется у нас. Но пришел прощаться. Сказал нам большое спасибо за все, что увидел и понял у нас, но в селе его семья и виноградник. Уехал, а все пишет нам, все спрашивает, как у нас дела. Думаю, это оттого, что наш коллектив сильно на него воздействовал в лучшую сторону. Был и другой осужденный. С ним никакого контакта не получилось. Отбывал повинность кое-как, и мы распрощались с ним с большим облегчением. Нехороший мужик, злой...

ШАДУРИ. Ну вот видите, бывает, значит...

МЕТРЕВЕЛИ. Нет, его не исправлять надо, а снова выплавить с ног до головы! Преступления он, наверно, больше не совершит, из осторожности, но будет гадить людям исподтишка. Озлобленный до крайности. Есть ведь такие?!. А вообще из той группы, о которой я говорил, несколько человек по окончании срока наказания продолжают работать в нашем цехе. Один из них — тбилисский житель Нико, по специальности водопроводчик. После сталевара в нашем огненном деле водопроводчик — самая трудная профессия. Всюду надо лазить, прокладывать и ремонтировать трубы в адской жаре. Нико работал очень хорошо, сдружился со всеми. И вот теперь пожелал остаться на заводе. Ему говорят: «Слушай, можешь ехать домой, в сам лучший в мире город Тбилиси!». А он — нет. И еще просит помочь уговорить его семью переехать в Рустави...

ШАДУРИ. Вы суть раскройте, суть! Чем вы берете таких людей? Я не из любопытства, мы над этим много думаем и работаем в этом направлении.

МЕТРЕВЕЛИ. А никакого такого особого подхода, Варлам Иванович. Все очень просто: смотрим на человека, как на человека. Сделал он в жизни неверный шаг, наказан, осознал свою вину, а мы помогаем ему зачеркнуть преступное прошлое и начать жить новой жизнью. Не беседами, конечно, а деловой, товарищеской обстановкой, моральным климатом в нашем коллективе. К нам на печь иногда приходят гости. Так вот, нет у нас манеры предупреждать, что у такого, мол, судимость, от него подальше. Если он себя ведет в коллективе достойно, нет нужды подчеркивать его особое положение, он и без того все время помнит о нем. Как-то одного такого я попросил сфотографироваться рядом со мной. Он увидел фотографию в местной газете. Что с ним было! Понял, что ему верят и хотят ему хорошего...

ШАДУРИ. Вот-вот, вера — это очень важно! Хотя и разная она бывает... Вот кто-то верил в дружбу мошенников и подлецов и сам мошенничал, подличал. Наступило возмездие. И теперь он понимает, что достоин презрения чистых, скромных людей. Ему кажется, что теперь уже ничего хорошего в его жизни не может быть. И тут он попадает в рабочий коллектив, где люди трудятся в поте лица. Настоящие люди. Они суровы и добры, они не дают спуску, но умеют понять человека... По-моему, вы правильно делаете: и сталь варите вместе и товарищество делите вместе. Лишь будь, как все нормальные люди.

Никому не дано осудить человека, если он не нарушил государственную дисциплину, не нарушил советские законы. Одно время, к сожалению, была у нас в республике тенденция к всепрощению. Все это приводило к нарушениям норм морали, к распущенности отдельных лиц и беззаконию. Так что вот какое разное бывает добро: то, которое создает почву для преступлений, и то, которое проявляется к человеку, осознавшему свой поступок...

МЕТРЕВЕЛИ. Я за добро с перцем! Ведь все, о чем мы сейчас с вами говорим, упирается в один вопрос — в проблему воспитания. Если человек будет воспитан правильно, в уважении к труду, в строгости и дисциплине, он никогда не станет на путь преступления и его не надо будет исправлять. Хоть вы и сказали, давай, мол, поговорим, как исправлять, но нас больше заботит, как не допустить до того, чтобы надо было исправлять. И мы этого добьемся. Мы тут как-то выступили с инициативой (она шла из нашего цеха!), которая коротко формулируется так: «Укреплению социалистической дисциплины — рабочую гарантию!». Что это значит? Это значит, что мы поставили перед собой цель сделать наш коллектив образцом дисциплины. Партийной, производственной, технологической, плановой, финансовой и, что, может быть, самое главное,— образцом дисциплины каждого отдельного человека на своем рабочем месте, в быту, в семье. Тем самым мы проявим заботу не только о своем предприятии, которое, кстати, девять кварталов подряд выходило победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании, но проявим также заботу о личности каждого труженика. На собрании заводского партийного актива, посвященного этому вопросу, был у нас первый секретарь ЦК Компартии Грузии Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе. И я позволю себе напомнить одно очень понравившееся мне место из его выступления. Оно относится не так к нашему заводу, как к проблеме в целом: — Такие волевые качества, как высокая дисциплина, высокая организованность, строгий спрос с себя и других, дают возможность человеку контролировать свои потребности, прививать себе вкус к разумной мере потребления. Желаниям некультурного, недисциплинированного, плохо воспитанного человека в сфере потребления нет границ. Высокодисциплинированный и высококультурный человек к потреблению подходит разумно. Он никогда не сделает опрометчивого шага, толкающего его к наживе, к частнособственническим тенденциям. Человек живет в обществе, и он должен подчинять свои стремления и желания экономическим, политическим, моральным устоям общества... Мы отказываемся от дисциплины, построенной на животном страхе. Однако правильное сочетание воспитательных и, когда это нужно, принудительных мер мы считаем нашим основным методом...

В связи с этим я хочу еще раз подчеркнуть: любить человека — это не значит гладить его по головке, что бы он ни натворил. Любовь эту надо сделать острой — тогда она настоящая!

ШАДУРИ. Борьба за социалистическую дисциплину, которую вы ведете на своем заводе,— большая помощь нам и облегчение в нашей профилактической работе. В первую очередь думать надо о корнях преступлений, а корни эти — расхлябанность. Сейчас, когда со всей строгостью взялись за соблюдение законов, обстановка в республике заметно изменилась к лучшему. Теперь у нас в жэках работают опорные пункты правопорядка, на селе — профилактические группы, объединяющие общественность с милицией. Это труд длительный, но уже можно говорить о начальных успехах. Нам очень помогают такие люди, как вы — сознательные, передовые рабочие. При решении некоторых проблем мы советуемся с интеллигенцией. Ее советы и рекомендации расширяют наш кругозор. Когда я вижу, что человек вкладывает свою душу в субъекта, которого должен перевоспитать, я с бесконечным уважением отношусь к такой помощи.

МЕТРЕВЕЛИ. Пригласили меня как-то в одно ваше учреждение, к осужденным. Я знаю, вы приглашаете разных людей, и вот меня, сталевара, тоже. Сначала не знал, о чем с ними говорить, а потом ничего, получился разговор. Они меня много расспрашивали: можно ли после срока устроиться жить в Рустави? Можно, все можно, говорил я им. Но почему вас сюда угораздило, люди добрые? Всё вы им там прилично устроили — и производство и быт. А вот свободу нельзя ни с чем сравнить.

ШАДУРИ. У нас там есть свое профтехучилище. Три года, как открыли. Осужденные обучаются профессиям и выходят из места заключения со специальностью. Есть производство, кооперированное с вашим заводом. Вы даете сырье, а заключенные, учащиеся ПТУ, изготовляют детали.

МЕТРЕВЕЛИ. Бывал я в этом ПТУ. Дело поставлено основательно, много наглядных пособий. Даже на одном уроке посидел. Знакомая учительница попросила: «Подожди, Ладо, вместе поедем в город»... Ученики сидели тихо, совсем не шумели. И все же я все время думал: куда лучше, если б после звонка мы поднялись вместе и эти молодые люди весело поехали бы с нами в город. Куда бы лучше!..

ШАДУРИ. А я, Владимир Сергеевич, застал однажды такую картину. Наши шефы, Тбилисский педагогический институт имени А. С. Пушкина, прислали в ПТУ осужденным много художественной литературы. За один час все книги оказались на руках. Да, добро многое может сделать с человеком, но вы правильно сказали: добро с перцем. Если с самого начала, с первых же лет жизни, быть к человеку требовательным, приучать его к дисциплине, не проходить мимо каждого, даже самого малого его поступка — и хорошего и плохого,— он поймет, что все замечается, всему дается оценка. И когда он повзрослеет,— тоже все замечать, все отмечать, не быть к нему равнодушным. Человека губит равнодушие.

МЕТРЕВЕЛИ. Я всегда говорю: за хорошее — спасибо, за плохое — сам понимаешь...

Беседу записала Ия МЕСХИ.

Ольга КРЕТОВА

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Рисунок А. ЛУРЬЕ

КАК Я ПОТЕРЯЛА ПО

Году в тридцать седьмом или в тридцать восьмом Воронежское издательство выпускало автобиографическую книгу Михаила Васильевича Водопьянова. Мне поручили поехать в Москву с подготовленными уже к печати листами и привезти авторскую правку.

Жил Водопьянов, да и теперь живет там же, на улице Серафимовича, в доме № 2. В те годы его называли «домом правительства», поэтому невольно возникало ожидание обстановки какой-то особой, несколько официальной. Думаю, не стоит объяснять, с каким душевным трепетом ступила я на порог квартиры прославленного летчика.

И как же я была счастливо удивлена, буквально поражена, попав сразу в атмосферу родную, близкую, не побоюсь сказать — крестьянскую.

Мебель и все прочее было городского фасона, конечно, не полированные плоскости, как ныне, а что-то типично «моссельпромовское».

Атмосферу же деревни создавало, во-первых, обилие детей, от юношей до малюток. Я подумала сгоряча, что это все дети Михаила Васильевича, и, сама из многодетной семьи, искренне обрадовалась. Но, может, были среди них и товарищи его детей, это ничего не меняет — квартира гудела, звенела их голосами.

Растрогал меня мальчик лет двух, который косолапо и резво топал по всем комнатам, искал няню. Была, значит, няня! А впрочем, подумала я, в деревнях так зовут старших сестер, которые качают, кормят, нянчат. Мальчик звал ее «няня Кака», его поправляли — «Катя», но он упорно твердил «Кака».

Особую же прелесть, как бы душу деревни, вносила в семью старушка в ситцевом платье, в темном ситцевом платочке, безуспешно пытавшаяся изловить своего шустрого младшего внука.

— Ему спать пора. Сколько времени, Мишенька?— обратилась она к вышедшему мне навстречу Водопьянову.

В эту минуту пропищало радио.

— Слышишь, мама, двенадцать.

Старушка взглянула на циферблат больших часов.

— Что же это наши, значит, уперед?

— Нет, мама, «позади»,— засмеялся Михаил Васильевич, шутливо по-доброму подражая ее крестьянскому говору.

Водопьянов провел меня в свой кабинет. Здесь на стенах были карты, на полках много книг, много папок, а на столе — груда исписанной бумаги. Михаил Васильевич обещал заняться правкой привезенного мной материала вечером. А пока усадил меня на диван, сел сам в кресло и, наскоро собрав перечеркнанные листы, стал читать мне пьесу, над которой работал. Было очевидно, что ему позарез необходим слушатель, все равно кто и откуда. Он жаждал поделиться выстраданным и, как тут же сказал, получить совет.

Сначала я слушала невнимательно. Я глядела на его крупную голову, массивную фигуру. Он виделся мне таким былинным русским богатырем и таким очень земным. Рожденным землей и ей принадлежащим. Ему бы косу в руки и — «раззудись плечо, размахнись рука», а он зачем-то рванулся в небо и теперь вот еще стал писателем. Впрочем, думала я тут же, ведь сын прасола, Кольцов, был поэт, почему бы крестьянскому сыну Водопьянову не стать драматургом!

Постепенно до меня стали доходить реплики героев пьесы и ее суть. У меня был уже значительный «рецензентский» стаж. Но в газете приходилось иметь дело зачастую просто с беспомощными авторами, которым надо было втолковывать азы литературной грамоты, а в издательстве — со своими сотоварищами. Тут же был автор исключительный — народный герой, задумавший сам рассказать о легендарных событиях. Что я могла ему посоветовать?

Водопьянов оборвал чтение так же внезапно, как и начал. Выжидающе посмотрел на меня и усмехнулся, поняв мою растерянность.

Все же я храбро сказала Михаилу Васильевичу, что пьеса остросюжетна, но, судя по ее размерам, могла бы пойти разве только в Древнем Риме, где одно представление длилось неделю и зрители приходили в театр, запасшись едой. А уж как они спали, лектор нам не говорил (я училась тогда заочно на первом курсе Литературного института).

Честно добавила, что проза Водопьянова — книга, которую мы издаем,— мне больше нравится, она достоверней, реалистичней.

Водопьянов ничуть не обиделся на «критику», отодвинул рукопись в сторону и сказал, что будет скоро читать ее работникам театра, им, мол, и карты в руки. Их приговор будет для него неоспорим.

С предельной распахнутостью души он делился со мной, которую впервые видел, своей действительно страстной жаждой рассказать о людях. Он мечтал рассказать об огромности мира, о красоте и коварстве природы, о сложности человеческих характеров и судеб, о трагическом и забавном, о великих событиях и малых происшествиях. Мне подумалось, что он хочет объять необъятное.

Тут Водопьянов сказал:

— Знаете, мне, должно быть, не обо всем можно самому писать. Бывали такие случаи, что, знаете, конфузно. Люди станут смеяться, осуждать: серьезный, мол, человек, а рассказывает вздор. А «вздор» этот в глубине своей — святыня. Только оболочка у него нелепая. Хотите, подброшу вам сюжет? Все чистая правда, все со мной произошло. Но я писать об этом не буду... стесняюсь.

И Михаил Васильевич рассказал мне.

Однажды, уже после челюскинской эпопеи, гулял он ранним утром в Москве по бульвару. Чуть брызгал теплый весенний дождик, молодая листва струила тончайший аромат. Все вокруг было исполнено предвкушения счастья.

И вдруг режущий глаз, рвущий душу на части контраст. На старой садовой скамейке — старая женщина. По одежде вроде из «бывших». Ветхая соломенная шляпка с цветами и чуть приспущенной сиреневой вуалеткой, несмотря на весну — муфта, совсем облысевшая, но кое-где еще с островками дорогого меха, похоже, соболь, такой же облезлый воротник на бурнусе времен наших прабабушек. А вся фигура женщины — воплощенное отчаяние. Лица не мог разглядеть, сплошная завеса слез.

Я подсел к ней на скамейку, спросил, нельзя ли помочь. Она мотает головой отрицательно: «Нет, уже поздно, никто помочь не в силах». «Да что случилось?» Старая женщина подняла наконец глаза, совсем белые, выплаканные, и... узнала меня. (В то время в газетах часто помещали фотографии.) Она сразу преобразилась, глаза блеснули почти безумным светом. И заговорила, задыхаясь: «Вы единственный можете! Вы великий гуманист века! Ведь это вы распорядились вывезти со льдины не только людей, но и собак».

Речь пафосная, сумбурная, но мне что-то забрезжило. «Нет,— говорю,— не я. Я был равный среди равных и никаких распоряжений не отдавал, это было наше общее решение». «Все равно. Вы есть вы! И вы, если не поздно, сможете». Вижу, чуть ли не на колени хочет пасть, чуть ли не руки собирается целовать.

Я рассердился: «Да объясните, наконец, какая беда на вас обрушилась!»

Что же оказывается: у старушки вчера на улице крючники схватили собачонку, бросили в свой ящик и увезли на живодерню. Спрашиваю, насколько могу, серьезно: «Что же мне теперь, на живодерню ехать?» «Иного выхода нет»,— отвечает с непреклонной твердостью. И без всякой паузы опять мольба: ведь собачка—единственное близкое ей существо, отрада ее угасающей жизни, они только и жили друг для друга.

Во мне внезапно созрело решение.

«Ладно! Давайте приметы собаки». У нее слезы высохли, уже сморкается в надушенный кружевной платочек. Подробно, до последнего пятнышка обрисовала свое сокровище — помесь болонки с дворнягой.

Ближайший милиционер, вежливо подавив изумление, сообщил мне адрес живодерни и маршрут.

Еду трамваем куда-то ужасно далеко, на край столицы.

Учреждение отвратительное, двор обнесен двухметровым забором с колючей проволокой; воняет кровью, шерстью. Из неразгруженного фургона доносится визг, хриплый лай, остервенелая грызня.

В домике барачного типа санитар в грязном фартуке выслушал меня вежливо, даже благосклонно. Собачку он помнит благодаря тому, что ей выпало неожиданное счастье. Вчера на живодерню приходил сотрудник научно-исследовательского института, где проводятся опыты над животными по методу академика Павлова. По каким-то признакам тварь эта (так ласково выразился санитар) ему подошла, и ее увезли, чтобы пристукнуть не сразу, а в несколько сеансов, научным способом. Должно быть, она еще жива.

Еду в институт. Здесь, естественно, полная противоположность — чистота, блеск, в коридорах фикусы. В научных кабинетах — клетки с четвероногими друзьями человека. Собаки разных пород и в разном состоянии: одни веселые, резвые, хорошо перенесшие прививки и операции или еще не подозревающие о том, что им предстоит; другие — понурые, полудохлые.

Сотрудник в стерильно белом халате быстренько разыскал формуляр нашей гибридной болонки, подтвердил, что она в добром здравии. Но... выдать ее не имеет права. Все здешние подопытные животные зарегистрированы и находятся на учете в секции науки при Моссовисполкоме. Туда и следует обратиться за разрешением.

Водопьянов говорил мне, что уже сам не знает, что его дальше вело — сочувствие старушке или спортивный азарт.

ДАРОК ВОДОПЬЯНОВА

Заехал домой, пообедал, надел парадный костюм «со звездочкой» и отправился в горсовет.

Секция науки пустовала; он сел в длинную очередь на прием к самому председателю горисполкома. Его узнавали, участливо спрашивали: «Зачем вы тут? Опять чью-нибудь жизнь спасаете?»

Мрачно отвечал: «Спасаю...»

Ему уступали очередь, он не шел, хотел быть равным среди равных. Сидел, злился, жаль было времени, потраченного на пустяки; потом вспоминал сцену на бульваре, и дело становилось необычайно важным.

Председатель исполкома хохотал до колик.

По телефону распорядился немедленно отправить собаку хозяйке. Да не в фургоне (чтобы вторичное появление зловещего экипажа окончательно не лишило несчастную женщину рассудка), а на легковой машине.

Сопровождать освобожденную пленницу Водопьянов, конечно, не поехал. Немыслимо было даже представить сцену свидания двух снова обретших друг друга сердец и принимать излияния благодарности бесконечно жалкой и прекрасной в своей святой любви старушки.

— Вот и все!— закончил Михаил Васильевич, смеясь.— Сентиментальный детектив со счастливым концом. Напишите маленький рассказ. Дарю!

Возвратившись в Воронеж, я с упоением пересказывала эту историю своим товарищам, писателям. Но, начиная писать, запиналась на первых же строках и откладывала работу.

Не знала, как быть. Назвать подлинную фамилию летчика? А вдруг Водопьянов обидится, рассердится, ведь я не догадалась попросить у него разрешение. Дать вымышленное имя — будет утрачена достоверность.

Еще с тех дней и поныне я имею злополучное пристрастие к подлинным именам, фактам, к документальности. Знаю, что наивно и неверно думать, что читатель сильнее сопереживает реальным живым людям, чем вымышленным героям. Знаю, что вся большая литература — обобщение. И тем не менее не могу оторваться от подлинности, от были.

Так я маялась в нерешительности, а время шло и шло.

Писатель Михаил Михайлович Сергеенко уехал в санаторий. Получаю от него письмо. Не могу сейчас процитировать дословно, так как в войну оно сгорело, но, помнится, были в нем такие строки: «Ну и шляпа ты, Ольга. Пока сомневалась да колебалась, «твой» рассказ уже написан и опубликован. Смотри последний номер журнала «30 дней»...

Хватаю журнал, ищу и нахожу. В самом деле: летчик, старушка, собачка. Все почти так, как рассказывал Водопьянов. Но фамилия летчика изменена (или совсем не названа, не помню) и кое-что допридумано.

Написано мастерски, куда мне было бы тягаться.

Добавил же автор от себя вот что: якобы у старушки погиб сын, летчик. Собачку, случалось, брал с собой в полеты, именно поэтому она стала так дорога безутешной матери.

Понять, как появился рассказ, было проще простого, не только же со мной делился Михаил Васильевич своими былями.

Кое-кто из товарищей советовал мне: «А ты возьми и напиши по-своему. Ведь даже судьи говорят, что сто свидетелей происшествия видят и описывают его по-разному, каждый посвоему».

Я не решилась. Прочитанное давило, мешало...

Теперь, когда «мой» рассказ все же написан, пожалуй, его следовало бы озаглавить не «Как я потеряла...», а «Как я нашла потерянный почти сорок лет назад подарок Водопьянова».

Но редакторы не любят длинных названий...

Воронеж.

Без слов.

Рисунок
Б. Боссарта

— Изобретатель мой третий месяц спит на воздушной подушке.

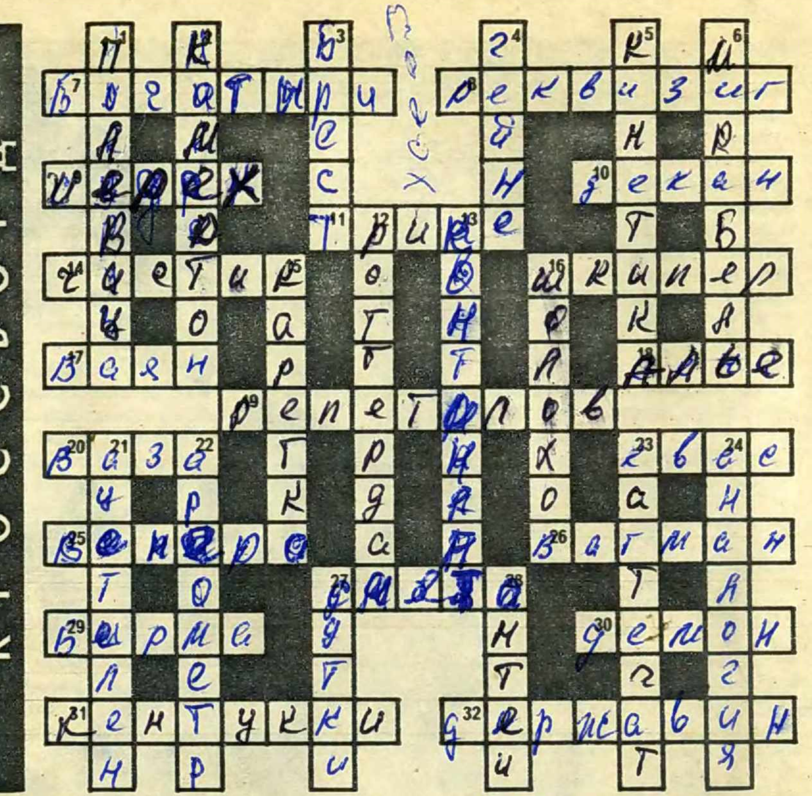
— Приходил мастер, поставил новую трубку.

— Гастроном закрылся. Принимай Петровича!

— О-о-о! Очень сильный бросок у Харламова.

— Пятый раз тебе повторяю: мы выиграли «Жигули»!

Рисунки
В. Воеводина

По горизонтали:

7. Картина В. М. Васнецова. 8. Вещи, необходимые для постановки спектакля. 9. Рыба семейства карповых. 10. Руководитель факультета. 11. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». 14. Полярная птица. 16. Командир несамоходного речного судна. 17. Клавишный инструмент. 18. Река во Франции. 19. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 20. Сосуд для фруктов, цветов. 23. Хлебный напиток. 25. Планета. 26. Плотная бумага для черчения. 27. Исчисление предстоящих расходов и доходов. 29. Государство в Азии. 30. Поэма М. Ю. Лермонтова. 31. Штат США. 32. Русский поэт.

По вертикали:

1. Кормовой злак. 2. Источник звука. 3. Областной центр в Белоруссии. 4. Немецкий поэт. 5. Раздел теоретической механики. 6. Сорт сливы. 12. Порт в Нидерландах. 13. Материк. 15. Рамка с валиком в пишущей машинке. 16. Советский писатель. 21. Газ, применяемый для сварки и резки металлов. 22. Прибор для определения плотности жидкостей. 23. Один из проливов, соединяющих Балтийское и Северное моря. 24. Сходство. 27. Единица измерения времени. 28. Герой древнегреческой мифологии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали: 5. Бардин. 6. Купюра. 9. Незабудка. 10. Гайка. 12. Расин. 14. Тонио. 16. Широта. 18. Латвия. 19. Арбенин. 22. Цитата. 23. Алголь. 24. Старт. 26. Парта. 28. Вятка. 29. Литосфера. 30. Пинчер. 31. Мисхор.

По вертикали: 1. Мандарин. 2. Сиена. 3. Дутар. 4. Тропинин. 7. Азот. 8. Ядро. 11. Кронштадт. 13. Антология. 15. «Невеста». 17. Агава. 18. Лонжа. 20. Византия. 21. Электрон. 24. «Соть». 25. Туес. 27. Аллея. 28. Ватин.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Кундузай Ибраева — лучшая трактористка кустанайского совхоза «Каменск-Уральский», член Центрального Комитета КП Казахстана. (См. в номере очерк Н. Быкова «Белая борозда».)

Фото Б. Кузьмина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Маркшейдеры Московского метрополитена Наташа Касиянц и Сергей Масюкевич. (См. в номере репортаж Б. Смирнова «Третий зал «Таганской»).

Фото Э. Эттингера.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 17/I 1977 г. А 0302. Подп. к печ. 1/II 1977 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 292. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 35.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Л. П. ОРЛОВОЙ

Ал. РОМАНОВ

ЛЮБОВЬ ОРЛОВА

Ее знали, любили, ею восхищались. Когда она шла по улице Горького, встречные замедляли шаг, даже незнакомые мужчины снимали шляпы, а на самых суровых лицах появлялась добрая улыбка.

Впервые Любовь Орлова, актриса Музыкального театра имени Вл. И. Немировича-Данченко, появилась на экране в роли миссис Элен Гетвуд в немом фильме Б. Юрцева «Любовь Алены», затем в роли Грушеньки в звуковом фильме Г. Рошаля «Петербургская ночь». Это были добросовестно, интересно сыгранные роли, но они еще не несли в себе открытия; не эти роли сделали ее первой звездой советского звукового кино. Ее героиня, поющая и танцующая, комедийная и лирическая, эксцентричная и достоверная, появилась позднее,— она пришла к нам в декабре 1934 года из «Веселых ребят», а затем — из «Цирка», из «Волги-Волги», из «Светлого пути»... Мы, зрители, были потрясены и заворожены. Казалось, ей доступно все: пение и декламация, танцы и акробатика, лирика и эксцентрика, ласкающая глаз и слух комедийность и высокий драматизм,— таким разносторонним и убедительным был ее радующий, неожиданно открывшийся талант. Ей поверили. Каждый, кто ее видел и слышал, убеждался в том, что песня действительно строить и жить помогает, что с песней, которая неслась с экрана, со сцены, с эстрады, никто из нас никогда и нигде не пропадет.

Мне довелось познакомиться с Любовью Петровной Орловой и Григорием Васильевичем Александровым в далекие тридцатые годы. Вслед за «Веселыми ребятами» и «Цирком» у них шла работа над новой кинокомедией «Волга-Волга». Действие должно было начаться на реке Чусовой, в знаменитом уральском городке. Съемочному коллективу режиссера Григория Александрова предстояло побывать на Волге и Каме, на Белой и Чусовой. Шедший на буксире игровой пароход «Севрюга», ставший вскоре знаменитым, первую остановку сделал в Горьком, пришвартовавшись у окского грузового дебаркадера и сразу же вызвав повышенный интерес тысяч горьковчан. Тем более что вслед за этим экзотическим судном сюда приехали на пароходе «Память

Кирова» известнейшие в то время звезды экрана — прославленные герои многих немых и звуковых кинолент.

Мы, горьковчане-журналисты, тотчас пригласили участников киноэкспедиции посетить редакцию областной газеты, рассказать о своей работе, о задачах и планах московских киностудий. Ожидали Игоря Ильинского и Владимира Володина, Павла Оленева и Андрея Тутышкина, но они поехали то ли на автомобильный завод, то ли на «Красное Сормово», а в гости к нам пришли Любовь Орлова и Григорий Александров.

Они явились как-то уж очень по-будничному — задолго до назначенного часа. И уже в коридоре скромненько спросили у работницы приемной Катюши Камраковой, зардевшейся как маков цвет при виде знаменитых артистов: «Скажите, пожалуйста, может ли редактор сейчас принять нас?»

Конечно, артисты сразу же оказались в редакторском кабинете в окружении взволнованных работников редакции.

Любовь Петровна, светловолосая, с ниспадающими на плечи локонами, в простеньком костюмчике в серую полоску, с вышитой бисером небольшой сумочкой в левой руке, както очень ласково и просто здоровалась с каждым. «Здравствуйте,— говорила она.— Как жарко сегодня в Горьком, не правда ли?.. Может быть, откроем дверь на балкон?.. Пожалуйста...»

Григорий Васильевич вслед за Любовью Петровной тоже здоровался с журналистами потоварищески, как со старыми знакомыми. Затем они непринужденно и остроумно, дополняя друг друга, в течение часа рассказывали нам о литературных спорах и дискуссиях, развернувшихся вокруг фильмов «Веселые ребята» и «Цирк», о перспективах советского комедийного и музыкального кино и, наконец, о сюжете своей будущей картины — о намерении крупным планом показать художественные таланты, таящиеся в народных недрах, высмеять обывательщину, неверие в родники народного творчества.

— Григорий Васильевич хочет,— говорила Любовь Петровна, лукаво поглядывая на Александрова,— создать веселую, озорную комедию, за комическими сценами и трюками которой будет утверждаться мысль о высоком оптимизме нашего народа. Верно я говорю?— обращалась она к Александрову...

Разумеется, в редакторском кабинете не было и не могло быть ни декораций, ни костюмов, но рассказ прославленных кинематографистов, который они вели, словно чередуясь, вызывал веселое оживление, смех, желание быстрее увидеть все на экране. Однако только часть фильма «Волга-Волга» снималась в Горьком и в пределах области; вскоре киноэкспедиция ушла на Каму; съемки продолжались где-то возле Сарапула и Перми, в устье Чусовой и на канале Волга — Москва.

Миллионы советских людей, любящих кино — нет, сотни миллионов,— высоко ценили драматическое и вокальное мастерство Любови Петровны Орловой, ее артистическое обаяние, ее светлый и чистый талант. Все в ней завоевывало и покоряло сердца: и то, как она пела и танцевала, как радовалась и горевала, улыбалась, смеялась и плакала... Одни ее помнили как домашнюю работницу Анюту из «Веселых ребят», как американку Марион Диксон из «Цирка», чей трагедийный образ был окрашен высокой идеей утверждения новых норм социалистического общежития; ткачиху Таню из «Светлого пути» или письмоносицу Стрелку — Дуню Петрову из фильма «Волга-Волга».

Веселая и задорная, умная и энергичная, добрая и любящая, искренняя и простодушная — как она пела! С ее исполнением связаны Песня о Родине и песня о Волге, Марш энтузиастов и Лунный вальс, легкие, милые песенки «Я вся горю» и «Журчат ручьи»... Казалось, ее переполняет радость бытия, счастье творчества. Необычайно богат был ее духовный мир, и этому соответствовал внушительный ряд созданных ею и близких людям творческих образов.

В предвоенные годы она была убедительна в роли Ксении Лебедевой в фильме «Ошибка инженера Кочина» и в роли танцовщицы Паулы Менотти в фильме «Дело Артамоновых». А в годы войны в образе письмоносицы Стрелки она участвовала в «Боевых киносборниках», развозила фронтовые письма, комментировала включенные в сборники эпизоды... Слышалась музыка из знакомых картин, а слова были другими — боевыми призывами к стойкости и мужеству, к достижению победы, обращенными к фронту и тылу.

Позднее, уже после войны, были две роли в одном фильме — жизнерадостной, веселой актрисы Шатровой и суровой, недоступной ученой Никитиной («Весна»); были мягкие, прочувствованные образы русских женщин — обаятельной певицы Платоновой («Мусоргский») и добрейшей Людмилы Ивановны, сестры М. И. Глинки («Композитор Глинка»). Была злобная, жестокая американская разведчица Джанет Шервуд в фильме «Встреча на Эльбе»... Многим запомнилась Орлова и в фильме «Русский сувенир» в роли Варвары Комаровой, хотя в целом фильм не был удачей.

...Широчайшая популярность Орловой связана не только с кино. В последние годы ее тонкий артистизм, духовная культура, глубокое понимание прекрасного проявились с особой силой в главных ролях нескольких неординарных пьес, сыгранных на сцене Московского театра имени Моссовета. Роль Джесси Смит в «Русском вопросе» К. Симонова была здесь дебютом первым — после долгих лет работы в кино — раскрытием ее сценической индивидуальности. Затем — заглавная роль в пьесе «Лиззи Мак-Кей» Ж.-П. Сартра. Этот спектакль с участием Орловой я видел трижды (он прошел свыше 500 раз!), и всякий раз мне казалось, что между сценой и зрительным залом с появлением актрисы устанавливается полное единство: зрителей словно бы завораживала ее непосредственность, высокая правда чувств. И аплодисменты в конце спектакля возникали не сразу после финальной реплики, а чуть позже — на полминуты позже. Зрители бурно приветствовали актрису и долго не отпускали ее со сцены.

Смелой, мыслящей, эмоционально богатой видел я Орлову и в роли Патрик Кэмпбелл в спектакле «Милый лжец» по Д. Китли. Это была отнюдь не камерная постановка. Это был спектакль целенаправленного политического звучания, вскрывавший ложь и лицемерие буржуазного общества; он действительно зажигал зрительный зал, как и мечтал об этом постановщик спектакля Г. В. Александров.

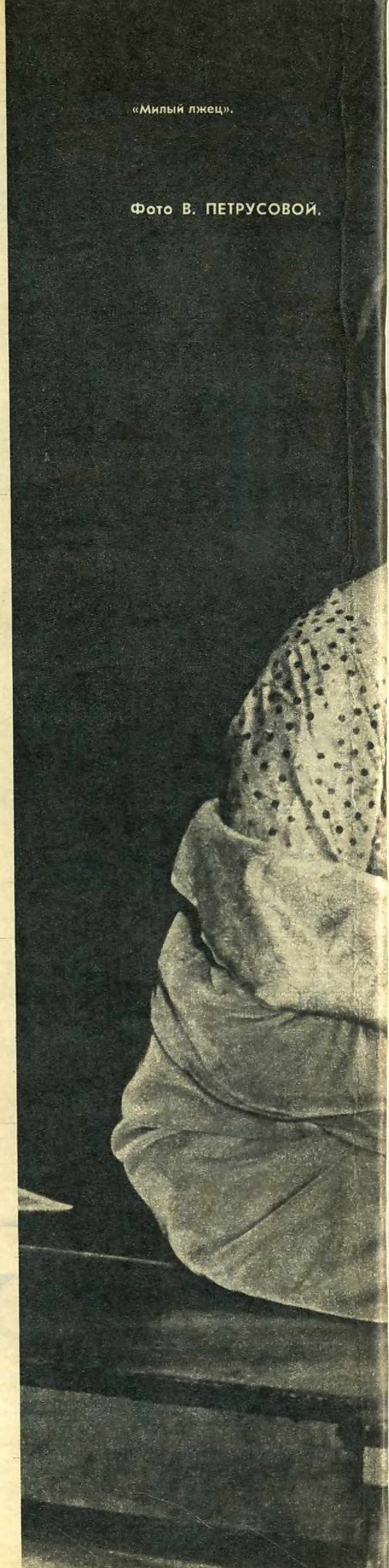
Любовь Петровна была занята и в некоторых других спектаклях театра Моссовета. Созданные ею образы отличались яркостью и полнотой жизненных красок, исторической достоверностью, высоким мастерством перевоплощения, которое было ей присуще всегда.

Всегда — и в кино и в театре — зрителей подкупало в Орловой светлое восприятие действительности, жизненная основа образов, подлинная народность творчества, удивительно созвучного нашему героическому времени.

В выпущенной Издательством политической литературы книге Г. В. Александрова «Эпоха и кино» приведено письмо, полученное Любовью Петровной Орловой из города Горького от четырех тысяч ткачей, прядильщиц, слесарей, мастеров, инженеров и служащих льнокомбината «Красный Октябрь» после просмотра ими по телевидению фильма «Светлый путь». Приведу из этого письма лишь несколько строк.

«Этот фильм и вы, наша народная артистка,— говорится в письме,— это наша жизнь... Мы наших дочерей назвали Вашим именем. У нас на комбинате Люба — самое многочисленное и уважаемое имя... Ваше имя у нас — показатель коммунистического отношения к жизни... У нас в клубе есть музей революционной и трудовой славы, где, кстати сказать, есть Ваш фотопортрет как стахановки-многостаночницы и как мировой прославленной артистки...»

Так писали Любови Орловой простые рабочие люди незадолго до ее безвременной кончины. Черпали слова из глубины души и писали от чистого сердца. «Писали «стахановке-многостаночнице» и «мировой прославленной артистке». Писали через тридцать шесть лет после первого появления фильма «Светлый путь» на экране — люди, помнившие его еще с той поры, и люди, видевшие его впервые. Писали, потому что не могли не писать. Потому что жизнь и творчество народной артистки Любови Орловой — это и их жизнь и творчество. Единые и неразделимые.

«Милый лжец».

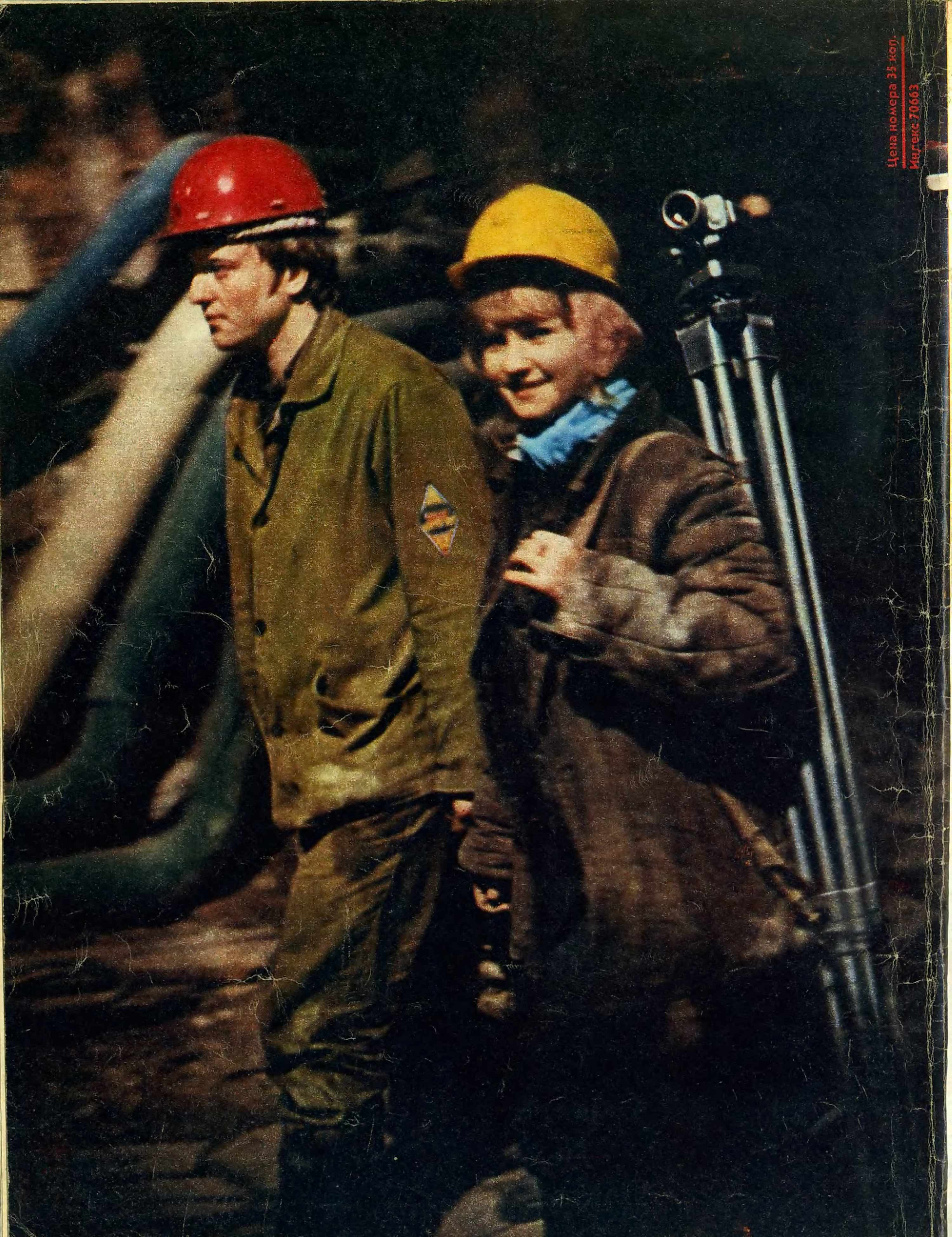
Фото В. ПЕТРУСОВОЙ.

«Веселые ребята».

«Лиззи Мак-Кей».

Встреча Л. Орловой и Г. Александрова с курсантами нахимовского училища.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663